

A 3D bar chart with ten bars of increasing height from left to right. The bars are colored in a gradient from red at the bottom to green at the top. A large, thick, yellow-to-orange gradient arrow curves upwards from the bottom left towards the top right, passing over the bars. The background is a blue gradient with faint, curved lines.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И
ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И
ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
№ 4 – 2022**

Донецк 2022

УДК [340+33+32](051)
ББК Х.я43+Х9(4ДНР)я43
С692

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
№ 4 – 2022

*Научный журнал. Выходит один раз в год. Рекомендовано к печати протоколом
заседания кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета ГОУ ВПО ДОННУ
№ 8 от 22.12.2022 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор - канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Краснонос

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: докт. юрид. наук, профессор Е.М. Сынкова; докт. эконом. наук,
доцент М.Р. Терованесов; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко;
канд. юрид. наук М.П. Тишаков; канд. юрид. наук, доцент С.В. Шестак;
канд. юрид. наук. А.М. Терованесов; канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко.

**Социально-экономические, идеологические и политические аспекты развития
государства и права: история и современность : Научный журнал / ГОУ ВПО
«Донецкий национальный университет», юридический фак-т, каф. теории и истории
государства и права ; редкол.: Е.В. Щербина [и др.]. – Донецк : ГОУ ВПО ДОННУ,
2022. – Вып. № 4. – 291 с.**

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР
Телефон: 38 (062) 302-09-64
e-mail: yu.stepanova@donnu.ru
kf.tigp@donnu.ru

УДК [340+33+32](051)
ББК Х.я43+Х9(4ДНР)я43
С692

© Коллектив авторов, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИНЦИПЫ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД <i>Герасименко Ю.В., Базака В.В.</i>	7
ГЕНЕЗИС ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: ЭТАПЫ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА <i>Губская А.О.</i>	13
МЕСТО ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ <i>Литашова Д.В.</i>	20
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА <i>Матвиенко Е.А., Баркова В.А.</i>	25
РОЛЬ МЕДИАСФЕРЫ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА <i>Матвиенко Е.А., Гавришенко Э.А.</i>	34
СИСТЕМА ПРАВА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ <i>Матвиенко Е.А., Добряков А.В.</i>	43
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА <i>Матвиенко Е.А., Дудник Л.К.</i>	55
МЕХАНИЗМ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ <i>Матвиенко Е.А., Забияка М.С.</i>	63
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ <i>Матвиенко Е.А., Кривоножкина М.А.</i>	72
ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ <i>Матвиенко Е.А., Кузнецова И.Е.</i>	81
ПРАВОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ <i>Матвиенко Е.А., Кульбацкая К.Ю., Чернявский М.В.</i>	91
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЕЁ ИНТЕГРАЦИИ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ <i>Матвиенко Е.А., Макарова М.С.</i>	100
ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ <i>Матвиенко Е.А., Макаренко Д.О.</i>	112

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ	
<i>Матвиенко Е.А., Пономаренко Д.Э.</i>	122
ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
<i>Матвиенко Е.А., Тесленко А.А.</i>	126
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТАТУСА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	
<i>Матвиенко Е.А., Тимошенко В.А.</i>	134
СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
<i>Матвиенко Е.А., Якубенко О.С.</i>	143
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ	
<i>Соколенко А.В., Исмаилов Э.С.</i>	156
СУБЪЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	
<i>Степанова Ю.С., Берестюк Ю.В.</i>	163
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА ТЕРРОРИЗМА	
<i>Степанова Ю.С., Дукова А.Д.</i>	173
ПРОКУРАТУРА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	
<i>Степанова Ю.С., Исмаилова С.С.</i>	177
ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
<i>Степанова Ю.С., Лавринов А.А.</i>	184
СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ	
<i>Степанова Ю.С., Шерешкова К.В.</i>	190
К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО КРИТЕРИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
<i>Щербак С.И.</i>	197
МЕСТО ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ	
<i>Щербинина Е.В., Андронович Д.А.</i>	202
ЛЬГОТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	
<i>Щербинина Е.В., Боченко М.В.</i>	211
ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ И АРХАИЧЕСКОЕ ПРАВО	
<i>Щербинина Е.В., Костин А.И.</i>	229

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЛЕГИТИМНОСТЬ», «ЛЕГАЛЬНОСТЬ», «ЗАКОННОСТЬ»	
<i>Щербинина Е.В., Кузин А.В.</i>	246
ЮРИДИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ	
<i>Щербинина Е.В., Лубинская Е.В.</i>	266
КЛАССИФИКАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ	
<i>Щербинина Е.В., Мартынюк В.С.</i>	281

УДК 340.1

ПРИНЦИПЫ ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД

Герасименко Юлия Вячеславовна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yu.gerasimenko@donnu.ru

Базака Виктория Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: bazaka225@gmail.com

Аннотация. *Автором проводится анализ правовой природы принципов права. Особое внимание уделяется анализу места и роли принципов права в современной правовой системе. Анализируются типы классификаций принципов права в современном мире.*

Ключевые слова: *право, принципы права, система права, классификация, общество.*

Постановка проблемы. Принципы права, наряду с нормами права, составляют один из важнейших элементов содержания правовой системы Российской Федерации.

Принципы права – одно из фундаментальных и наиболее часто используемых понятий, как общей теории права, так и отраслевых и межотраслевых юридических наук. Без упоминания о них не обходится практически ни одно монографическое правовое исследование. Однако сегодня до сих пор остаются малоизученными вопросы о сущности, классификации и функциях принципов права. Учитывая невозможность однозначного понимания принципов права, довольно часто эта тема становится полем для фундаментальных теоретических и практических дискуссий. Актуальность исследования этого вопроса возрастает в большей степени в условиях изменений, которые сегодня происходят как в Российской Федерации, так и во всем мире. Сфера права, в том числе и принципов права, является одной из самых чувствительных к новым глобализационным вызовам. Правовая система не может успешно

развиваться без трансформации основ правового мировоззрения в соответствии с новым вектором развития нашего государства. Исследование принципов права всегда будет одним из основных предметов научного интереса, поскольку без выявления онтологических аспектов принципов права невозможно достичь эффективной реализации правовых норм.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Теоретические источники знаний о сущности принципов права берут свое начало в философско-правовом наследии мыслителей античности и ученых прошлых эпох. Понятие, сущность и значение правовых принципов рассматривались в работах Аристотеля, Платона, Цицерона, Сенеки, Гераклита. Вопрос исследования принципов права также оказался в фокусе научного интереса таких ученых, как И. Бентам, Й. Гессен, У. Джемс, Дж. Дьюи, Ф. Зимбардо, И. Кант, Г. Кельзен, Л. Колберг, С. Марешаль, Г. Маркузе, С. Милгрэм, Дж. Ст. Милль, Дж. Мур, Ф. Ницше, А. Пайк, Ж. Пиаже, Б. Рассел, Л. Фейербах, З. Фрейд, А. Шопенгауэр. Современные реалии ни в коей мере не приуменьшают достижения этих ученых, но требуют их нового прочтения и дополнения.

Цель исследования. Целью работы является – изучение и классификация современных принципов права, определение их роли в развитии правовой системы Российской Федерации.

Основные результаты исследования. Принципы права – основополагающие начала, идеи, определяющие содержание и направления правового регулирования в целом и каждой из его отраслей в частности. Однако в условиях трансформации современных реалий, отношений, институтов, сознания людей принципы права не составляют исключения, они также подвержены изменениям [1, с.120].

Отметим, что вопрос классификации принципов права в современном обществе до сих пор остается предметом оживленных дискуссий. Ученные по сей день не могут решить, какая классификация лучше и точнее структурирует принципы права.

Г.Б. Виттенберг, в своих работах выделял две основных группы принципов права: общеправовые принципы и принципы, которые специфически для определенной отрасли права. Считаем важным отметить, что Г.Б. Виттенберг изучал отрасль уголовного права, и исследовал вопрос о принципах правах, изучая вопрос через данную отрасль права [2, с.85].

На наш взгляд классификация Г.Б. Виттенберга не является полной, поскольку автор ничего не упоминает о межотраслевых принципах права.

Согласно классификации, предложенной А.В. Малько и К.А. Струсем, общеправовые принципы права можно разделить на две группы: морально-этические (нравственные) и организационные. Морально-этическая природа общеправовых принципов обеспечивает духовно-нравственный базис, который оказывают влияние на содержание норм права. К организационным принципам следует обращаться субъектам правотворческой деятельности во время издания нормативно-правовых актов. Отметим, что две категории взаимосвязаны между собой, на наш взгляд, из морально-этических принципов права вытекают организационные [3, с.41].

Мы не можем полностью разделить вышеуказанное мнение, поскольку считаем такую классификацию недостаточно полной и структурированной.

По мнению А.В. Наумова существует трехуровневая система принципов права: общие принципы права, межотраслевые и специальные принципы права. Автор акцентирует внимание на том, что все группы принципов права взаимосвязаны между собой [4, с.320].

Общеправовые принципы являются фундаментальной основой регулирования общественных отношений. Общеправовые принципы, в свою очередь, формирует систему отраслевых и межотраслевых принципов права. К общеправовым принципам права принято относить принцип справедливости, гуманизм, равенство всех перед законом и судом, единство юридических прав и обязанностей, принцип законности и т.д. [5, с. 75].

Отраслевые принципы призваны обеспечивать отражение общеправовых принципов через предмет и метода регулирования той или

иной отрасли права. Содержание отраслевых принципов несет в себе отражение основополагающих теоретико-правовых идей в форме принципов развития определенной отрасли права, а также основных организационно-регламентирующих принципов механизма правового регулирования [6, с. 153].

Большинство авторов учебников по правоведению к данной категории принципов права относят:

- в трудовом праве – свобода труда, равенство работников, уважение достоинства работников;
- в экологическом праве – предотвращение вреда окружающей среде, сохранение и защита экологического равновесия, свободный доступ к экологической информации;
- в гражданском праве – равенство в имущественных отношениях, свободы договора, невмешательства в частные дела, неприкосновенность частной собственности;
- в уголовном – презумпция невиновности, неотвратимости уголовной ответственности, личной ответственности.

Межотраслевые принципы права определяются как общая для двух и более отраслей основная идея, отражающие закономерности и связи развития различных общественных отношений, направляющие правовое регулирование и определяющие сущность и назначение права. В качестве примера можно привести принцип неотвратимости ответственности и принцип состязательности и гласности судопроизводства [7, с. 88].

В юридической литературе чаще всего к межотраслевым принципам права относят:

- для уголовно-исполнительной отрасли - неотвратимость наказания, индивидуализация наказания, экономия уголовной репрессии;
- в арбитражно-процессуальном праве, в гражданско-процессуальном праве, уголовно-процессуальном праве – равенство граждан

и организаций перед законом, независимость судей, равноправия сторон в судебном процессе, гласность разбирательства дел.

На наш взгляд, классификация принципов права будет наиболее полной, если выделить в системе принципов права еще одну группу – международные принципы права.

Принципы международного права – это принципы, которые содержатся в международных и межгосударственных договорах, также уставах международных организаций. Принципы международного права могут содержаться и в международных обычаях, если имеются доказательства всеобщей практики и обязательности их применения международным сообществом.

К международным принципам права приятно относить: принцип неприменения силы и угрозы силой, принцип разрешения международных споров мирными средствами, принцип суверенного равенства государств, принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву, принцип территориальной целостности государств, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип уважения прав человека и основных свобод, принцип нерушимости государственных границ. Следует отметить, что принципы международного права носят императивный характер и не могут быть отменены или пересмотрены государством.

Выводы. Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что принципы права характеризуются стабильностью, высоким уровнем обобщения, абстрактным характером и фундаментальностью. В отличие от норм права принципы права жестко не фиксируют содержание поведения, поэтому способны более быстро реагировать на изменения общественной жизни, а, следовательно, применение и толкование норм права должно происходить в соответствии с принципами права. Иными словами, принципы права являются своеобразной системой координат, в рамках которой развивается право.

Включение общепризнанных принципов международного права в отечественную классификацию принципов права по-новому ставит вопрос о взаимодействии принципов права. На наш взгляд, следует дополнить классификацию А.В. Наумова, добавив в структуру принципов права международные принципы.

Нами представляется наиболее точной следующая классификацией принципов права:

- международные принципы права;
- общеправовые принципы права;
- межотраслевые принципы права;
- отраслевые принципы права.

При такой классификации соблюдается четкая иерархия принципов права, а также отражается роль, место и значение каждого конкретного принципа в правовой системе.

Список источников

1. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов, 2010. – 218 с.
2. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов советского уголовного права в новом кодексе РСФСР // Правоведение. – 1962. № 4. – С. 22-26.
3. Малько А.В., Струсь К.А. Принципы права как важнейшая составляющая правовых основ развития общества // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010. – № 4 – С. 35-48.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. – М.: ОАО Издательский дом «Городец», 1996. – С. 410.
5. Байниязова Зульфия Сулеймановна. Основные принципы российской правовой системы : Дис....канд. юрид. наук : 12.00.01 : Саратов, 2004. – 184с.
6. Цыбулевская О.И. Принципы и функции права // Теория государства и права: курс лекций под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2001. – С. 149-157.
7. Бошно С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 82-91.

УДК 342.2

ГЕНЕЗИС ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: ЭТАПЫ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Губская Алина Олеговна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: agubskaya02@mail.ru

Аннотация. В представленной статье проведено исследование исторических истоков развития правового государства, показано, каким образом воззрения античных мыслителей оказали влияние на дальнейшее развитие правового государства учёными эпохи Нового Времени, их постулатами, отечественными правоведами в России XIX – XXI века.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, указ, декрет, закон, обычай.

Постановка проблемы: Идея правового государства возникла в философской мысли еще во времена Античности; получила развитие в эпоху Нового времени и не потеряла актуальности в современности, а глобальные изменения планетарного масштаба в сфере безопасности, политики, идеологии и экономики еще в большей степени ее актуализируют. Реалии Российского государства как никогда обостряют проблему соотношения права и государства, в силу чего приобретает особую актуальность и своевременность исследования тема становления, развития и функционирования идеи правового государства в России.

Цель исследования. Провести анализ генезиса идеи правового государства в России и выявить его характерные особенности.

Основные результаты исследования. Идея правового государства в России всегда существовала в тесной взаимосвязи с конкретной исторической эпохой и свойственными ей определенными политическими, идеологическими, культурными, экономическими и социальными особенностями развития общества.

Правовое государство – это не только одна из высших социальных ценностей, призванных утвердить гуманистические начала в его

взаимоотношениях с личностью, но и практический инструмент обеспечения и защиты жизни, здоровья, чести, свободы, достоинства личности, форма осуществления самоуправления и народовластия.

Идея создания правового государства уже третье тысячелетие находится в поисках оптимальной модели её развития в философской и правовой сферах науки. Фундаментальные основы этой идеи были заложены ещё в античности. Одним из ярких представителей правовой мысли данного периода – Платоном была выдвинута концепция «идеального государства», согласно которой справедливость должна составлять сущность государства, где «каждое сословие и каждый гражданин обязан заниматься своим делом и не влезать в чужие» [1, с. 56]. Кроме того, идеал государства Платон видел в законности, под которой понимал подчинение правителей справедливым законам, выражавшим и защищавшим общий человеческий интерес.

Согласно принципу историзма, становление российского правового государства представляет собой достаточно многоаспектное, самобытное явление на правовой карте мира и имеет многовековую историю.

Так, известный российский правовед В.А. Власихин писал: «Если представить себе правовое государство в виде здания, которое мы начинаем строить, то его фундаментом, сердцевиной должен стать универсальный механизм защиты прав личности в её взаимодействии с государством» [8, с. 4]. К сказанному следует добавить, что приведение в движение данного механизма может быть обеспечено усилиями гражданского общества, которое является основополагающим и базовым элементом развития любого правового государства, его фундаментом.

Об ограничении государственной власти правом, законом писали как мыслители прошлого (Аристотель), так и в более позднее время (Ш. Монтескье, Дж. Локк) [5]. Немецкому философу И. Канту принадлежит заслуга создания философской основы правового государства. Тема правового государства рассматривалась в работах русских юристов (Н.М. Коркунова, П. И. Новгородцева, Г.Ф. Шершеневича и др.) сточки зрения его

ограничения правом в контексте общих пределов деятельности государства, его цели и назначения.

В представлении этих мыслителей государство – это исконно благое состояние; только оно обеспечивает членам политического сообщества возможность реализовывать и развивать свою природу, без него им ни при каких условиях не обойтись.

Историческое развитие всех компонентов российского правового государства происходило в течении тысячи лет, но так и не получило своей законченной модели.

В период существования Древней Руси трудно говорить о каком-либо малейшем зарождении идей правового государства, так как, во-первых, во главе государства стоял великий князь, которому принадлежала законодательная и исполнительная власти. Он также выполнял и судебные функции, что говорит о полном отрицании принципа разделения властей. Во-вторых, Русская Правда, принятая в 1016 году, предписывала неравноправие граждан, разделяя их на разные социальные группы. В-третьих, граждане никак не участвовали в законодательной жизни государства, так как основные нормативно-правовые акты принимались князьями.

Идея правового государства в России развивалась на протяжении многих столетий и, несомненно, реализовывалась на каждом этапе государствогенеза.

Иван IV положил начало традиции подмены общегосударственных законов административными предписаниями и распоряжениями верховной власти[4], став родоначальником так называемого «указного права». Следует сказать, что сам термин «указ» (заимствование из польского) появился несколько позже, при Алексее Михайловиче. Высшими органами государственной власти во время правления Ивана Грозного были «Избранная рада», Боярская дума и Земские соборы. Избранная рада была совещательным органом, который совместно с царем решал все важные вопросы управления государством. Боярская дума участвовала в

законодательстве, обсуждала законопроекты, утверждавшиеся царем. Она обсуждала запросы приказов и воевод о делах, которые эти органы не могли решить, давала указания приказам и воеводам по делам текущего управления. В ней обсуждались военные и международные вопросы, через нее проходила дипломатическая переписка. Земские соборы были необходимы монарху для поддержания крупных мероприятий – ведения войны, изыскания новых доходов и пр. Царь, опираясь на земские соборы, мог через них проводить соответствующую политику даже вопреки воле Боярской думы.

Мы видим, что при Иване Грозном была сделана попытка распределить управление государством, делегируя полномочия различным органам государственной власти, однако, царь всё также обладал большими правами в области законодательства, управления и суда.

Народ всё также был разделён на различные социальные группы, и не все имели право на участие в законодательной жизни государства (в состав органов государственной власти входили: бояре, окольные, думные дворяне, думные дяки). Об этом свидетельствует и разделение государства Иваном Грозным на опричнину и земщину.

При Петре I всё также не был реализован принцип разделения властей, так как вся полнота государственной (законодательной, исполнительной, судебной, военной), а иногда и духовной (религиозной) власти находилась в руках монарха. Высшим государственным органом после упразднения Боярской Думы стал Правительствующий Сенат, в состав которого входили бояре, князья, а также граф, что уже говорит о том, что такой принцип правового государства, как народный суверенитет не был реализован. При Петре I была усилена судебная власть: были образованы новые судебные органы: Сенат, Юстиц-коллегии, гофгерихты, нижние суды. Был отменён суд целовальников, утрачен принцип неприкосновенности неосуждённой личности.

Во время правления Александра II произошли некоторые изменения в государственном строе. Законодательная власть по-прежнему находилась в руках самодержавного монарха. Что же касается исполнительной власти, то после крестьянской реформы 1861 года большое значение начинает играть министерство финансов, ведавшее выкупными платежами, а с 1880 года – министерство внутренних дел, которое вобрало в себя третье отделение Канцелярии, корпус жандармов и стало заниматься политическим сыском и борьбой с террористами. Крестьянская реформа также отменила и крепостное право – крепостные получили личную свободу, а также были наделены следующими правами: могли вступать в брак без согласия помещика, заключать договоры, вести торговлю, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество, распоряжаться им, владеть промышленными предприятиями и т. д. Также хотелось бы отметить, что в результате проведения Земской реформы население могло само избирать представителей в земские учреждения. Именно в период правления Александра II отечественные юристы (например, Ф.Ф. Кокошкин, Б. Н. Чичерин, В. М. Гессен и др.) заговорили о народном суверенитете: дали его понятие и рассмотрели основные признаки. Историки отмечают, что с реформ царя в России начался капитализм.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в период царствования Александра II в Российской Империи впервые стали проявляться признаки правового государства.

Александр III, вступивший на престол после смерти своего отца, пытался продолжить его государственную политику, однако, дабы не допустить народных волнений провёл контрреформы, которые урезали избирательные права городского населения, лишали крестьян выборного представительства, ограничивали гласность в судопроизводстве, урезали роль присяжных заседателей, практически ликвидировали мировые суды и т. д. Современный российский историк А. Ю. Полунов считает время его

правления, попыткой вернуться в прошлое: «...его реформы это шаг назад к восстановлению дореформенных принципов» [8, с. 60].

В конце XIX – начала XX многие российские правоведы говорили о том, что Российская Империя находится в процессе создания правового государства и выдвигали свои теории по поводу его формирования. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечает следующие пути формирования и основные параметры правового государства: 1) для устранения произвола необходимо установление норм объективного права, которые определяют пределы свободы каждого и отграничивают одни интересы от других, в том числе и государственной организации, - отсюда идея господства права в управлении; 2) если личная инициатива требует простора, то государству достаточно ограничиться охраной субъективных прав; 3) чтобы новый порядок не нарушался самими органами власти, необходимо строго определить полномочия последних, отделив от исполнительной власти законодательную, утвердив самостоятельность судебной власти и допустив к соучастию в законодательстве выборные общественные элементы [9].

Однако, идеи и концепции, освещенные в трудах российских юристов, так и не были применены на практике, в связи с прекращением существования Российской Империи.

Октябрьская революция смогла сломить существующий государственный маховик, принцип разделения властей был разрушен, законодательная составляющая подверглась реальному произволу. В период с 1917 по 1985 гг. идеи правового государства отошли на самый последний план и, как следствие, не были реализованы на практике.

Значительный шаг в развитии идей правового государства в России был сделан за период с 1985 г. Именно в это время были расширены политические права и свободы российских граждан, упразднена политическая цензура, сняты все ограничения с так называемых запретных, не всегда приятных для властей предрержащих тем. Появилась идея

верховенства закона, который стал приобретать значение первичного регулятора общественных отношений.

Развитие идей правового государства дало свои плоды только в 1993 г., когда была принята Конституция Российской Федерации. Именно там закреплено положение о том, что Россия является правовым государством, закреплены основные принципы правового государства: народный суверенитет, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, верховенство закона, признание прав человека высшей ценностью и др.

Выводы. Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что становление правового государства на всем периоде истории России проходило сложный путь своего развития и преобразования, однако и сегодня этот этап еще далеко не завершен.

Список источников.

1. Азнагулова Г.М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России: диссер. ...д.ю.н.: Г. М. Азнагулова. – М., 2015. – 385 с.
2. Бляхман Б.Я. О социальной ценности государства // Сибирский юридический вестник. – 2010 г. – №5. – С. 23-42.
3. Гегель Г.В.Ф. *Философия права.* / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Дорожин Ю.Н. Становление правового государства в России: политологический аспект // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – №4. – С. 8-11.
5. Кондрашев А.А. Идея правового государства в России: определение и сущность // Идея правового государства в России: определение и сущность. – 2017. – № 5. – С. 23-33.
6. Левгеева, Т. Б. Исторические аспекты развития правовой системы России / Т. Б. Левгеева. // Новый юридический вестник. 2019. – № 7 (14). – С. 1-4.
7. Синюков В. Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: НОРМА, 2010. – 672 с.
8. Чернова М.Н. История России. Исторические портреты XIX–XX вв / М.Н. Чернова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Экзамен, 2015. – 270 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. / Под ред. П.В. Крашенинникова. – Т. 4. – М.: Статут, 2016. – 752 с.

УДК 340.132.6:343.131(470)

МЕСТО ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ

Литаиова Даяна Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: dayana120503@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к анализу презумпции невиновности. Определяется соотношение презумпции добропорядочности граждан и презумпции невиновности. Сделан вывод о том, что презумпция невиновности является проявлением презумпции добропорядочности не во всех, а некоторых отраслях права и представляет собой опровержимую, межотраслевую правовую презумпцию, имеющую отношение не только к уголовной, но и к административной, и дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: принцип права, правовая презумпция, презумпция невиновности, отрасли права, презумпция виновности, добропорядочность.

Постановка проблемы. В Конституции Российской Федерации (ст. 49) дана формулировка принципа презумпции невиновности, при этом возникает закономерный вопрос: «Какое место занимает эта презумпция в системе общих презумпций?» Ответом на заданный вопрос служат различные подходы в юридической науке [1, с. 348–349; 2, с. 230–235], которые, вместе с тем, объединяет то, что презумпция определяется ими как предположения, характеризующие связь между наличным фактом и предполагаемым.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Теоретической базой данной работы являются взгляды и концепции ученых В.К. Бабаева, А.П. Гуляев, Н.И. Матузов, А.В. Малько, а так же работы других авторов.

Цель исследования заключается в определении роли и места презумпции невиновности в системе правовых презумпций.

Основные результаты исследования. В зависимости от нормативного закрепления выделяют правовые и фактические презумпции [12, с. 146]. Правовые презумпции в науке определяются по-разному. Однако в этих дефинициях есть, помимо тех общих признаков, характерных для

презумпций вообще, такая черта, как текстуальное или смысловое закрепление в источниках права [5].

В свою очередь фактическая презумпция – это утверждение о вероятном существовании факта, связанного необходимой неустойчивой причинно-следственной связью с другим (другими), достоверно установленным фактом или фактами [10, с.48].

Получив, как было сказано выше, конституционное закрепление, презумпция невиновности зафиксирована и в нормах отраслевого законодательства: уголовном (ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), административном (ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

В юридической литературе было высказано мнение о том, что презумпция невиновности является общеправовой презумпцией, так как она связана со всеми отраслями права [7, с. 14]. По нашему мнению такая точка зрения является ошибочной по следующим основаниям. Во-первых, из факта закрепления презумпции в Конституции не следует априорность отнесения ее к общеправовым. Во-вторых, общеправовой характер презумпция приобретает в связи с распространением ее на все отрасли права, как, например, презумпция знания опубликованных законов дает достаточного основания на признание этой презумпции общеправовой [6, с. 149]. В-третьих, сам автор вышеуказанной позиции отметил, что презумпция невиновности связана со всеми отраслями не непосредственно, а косвенно, то есть презумпция невиновности, по его мнению, берет свое логическое начало в принципе добросовестного поведения [7, с. 14].

Еще в 1988 году А. П. Гуляев говорил о закреплении общегражданской презумпции невиновности в Конституции [8, с. 29–36]; а в 1981 году И.А. Либус отметил общеправовую презумпцию добропорядочности граждан [9, с. 14]. Однако мы считаем, что говорить об общеправовой презумпции добропорядочности граждан не верно. Это мнение основано на понимании того, что «на одном поле» не могут действовать презумпции-антагонисты:

презумпция правомерности поведения и добросовестности гражданина и презумпция виновности. Например, презумпция виновности была закреплена в статьях Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 401, 662, 697, 777, 795, 1064, 1073, 1076, 1079, 1083, 1098 и др.) [3].

Исходя из вышесказанного, следует очевидный вывод, что презумпция добропорядочности граждан имеет отношение не ко всем отраслям права, более того, в отдельных отраслях права она приобретает свою специфику [10, с. 41]. При этом она не остается прежней, а имеет уже собственное содержание, которое зависит от ее значения для данной отрасли права и становится отраслевой.

Если презумпция распространяется на две и более отрасли права, то перед нами межотраслевая презумпция. В частности, презумпция невиновности, свойственная отраслям публичного права, характерна для уголовного, административного, уголовно-процессуального права и т.д.

Действия и значимость презумпции невиновности не ограничиваются только рамками уголовного процесса, а распространяются и на другие сферы общественных отношений, одним из объектов которых выступают подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или любое другое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности: политическую, трудовую, гражданскую, административную, уголовно-процессуальную и др.

Этот принцип имеет большое значение для обеспечения чести, достоинства, прав и свобод личности. Презумпция невиновности является заслоном от подозрительности, клеветы, злых страстей. Такое значение презумпции невиновности дает основание считать ее принципом, который характеризует статус гражданина [8, с. 26]. Поэтому презумпция невиновности имеет значение и при привлечении к административной и дисциплинарной ответственности. В последние годы сфера применения административной и дисциплинарной ответственности возросла в связи с расширением круга деяний, наказуемых в административном порядке; возросла и тяжесть административных взысканий; больше стало

административных проступков, повторное совершение которых ведет к уголовной ответственности и т. д.

Презумпция невиновности зиждется на нравственных представлениях об общей добропорядочности человека. Привлечение человека к юридической ответственности правомерно лишь тогда, когда установлена в надлежащем порядке его виновность в совершении определенного правонарушения, соблюден, свойственный каждой отрасли права специальный порядок доказывания и установления виновности.

В литературе были сформулированы отраслевые варианты презумпции невиновности: конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, налогово-правовой, уголовно-процессуально-правовой [7, с. 15].

Выводы. Указывая на то, что презумпция невиновности является проявлением презумпции добропорядочности не во всех, а некоторых отраслях права, мы определили ее место в системе правовых презумпций. Она представляет собой опровержимую, межотраслевую правовую презумпцию, имеющую отношение не только к уголовной, но и к административной и дисциплинарной ответственности.

Список источников

1. Абдрашитов В.М. Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательстве и практике Российской Федерации: Вопросы общей теории права: автореф. дис. канд. юрид. наук: 23.00.01. Вагип Мнирович Абдрашитов. – Волгоград, 2001. – 203 с.
2. Бабаева В.К. Теория государства и права / В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] / СПС Консультант-Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/. – Дата обращения 03.02.2023. – Загл. с экрана.
4. Гуляев А.П. Социально-политический аспект презумпции невиновности // Правоведение. – 1988. – № 4. – С. 29–36.
5. Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе / И.А. Либус. – Ташкент : Узбекистан, 1981. – 232 с.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.
7. Мосин С. А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации / С.А. Мосин.– М.: Юстицинформ, 2009. – 22 с.

8. Нуркаева М.К. Презумпция невиновности по конституции Российской Федерации // Сборник материалов научно-практической конференции в формате круглого стола, приуроченной к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Башкортостан / ответственный редактор И. А. Макаренко. – 2013. – С. 39–43.

9. Отраднова О.А. Применение общеправовых презумпций в механизме гражданско-правового регулирования деликтных обязательств // Вестник Пермского университета. – 2013. – № 2 (20). – С. 147–153.

10. Федотов А.В. Понятие и классификация доказательственных презумпций / А.В. Федотов // Журнал российского права.– 2001. – С. 48.

11. Филиков Д.А. Место презумпции вины в классификации гражданско-правовых презумпций // Вестник Пермского университета. – 2011. – №2(12). – С. 146 – 152.

12. Шабуров А.С., Жайкбаев Ж.С. Теория государства и права: учебное пособие – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – 382 с.

УДК 340.1

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Матвиенко Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Email: k.matvienko@donnu.ru

Баркова Валентина Евгеньевна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Email: barkova_ve@gmail.com

Аннотация. Под правовым государством понимается такой тип государства, при котором власть основана на праве, правом ограничивается и через него реализуется. Еще за много веков до нашей эры, появляются представления о государстве как организации, которая осуществляет свою деятельность прежде всего на основе закона. Поэтому, идея построения правового государства давно является важной и актуальной и именно с этой идеей связываются поиски совершенных и справедливых форм общественной жизни.

Ключевые слова: гражданское общество, государственная власть, правовое государство, принцип разделения властей, социальное государство.

Постановка проблемы. На протяжении многих веков проблемы осуществления и организации государственной власти вызвали теоретический и практический интерес у различных ученых. Существование общества немыслимо без подчинения всех его участников единой воле для поддержания единства и целостности, для чего необходимо детализировать понятие и сущность правового государства.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Теоретическую основу исследования составляют труды российских и зарубежных юристов в области теории государства и права, а также отраслевых юридических наук: Алексеев С.С., Авакьян С.А., Воеводин Л.Д., Гессен В.М., Завадский Л.Н., Иванов С.А., Кистяковский Б.А., Ковалевский М.М., Кудрявцев В.Н., Кутафин О.Е., Лазарев Б.М., Лукьянова Е.А., Марченко М.Н., Нерсесянц В.С., Четвернин В.А., Чиркин В.Е., и др.

Цель исследования заключается в попытке комплексного исследования теоретической сущности и практического значения правового государства, а также в раскрытии его признаков.

Основные результаты исследования. Правовое государство – это форма организации и деятельности государственной власти, ограниченная функционирующими в нем нормами права. Его основой является политический, идеологический и экономический плюрализм, которые закрепляются и гарантируются нормативными правовыми актами государства. Право здесь выступает мерой свободы всех и каждого, действующие законы служат интересам народа и государства, а их реализация является воплощением справедливости [1]. Наиболее разумна и справедлива лишь та политическая форма общежития людей, при которой закон общеобязателен как для граждан, так и для самого государства.

Сущность идеи правового государства заключается в демократизме, утверждении суверенитета народа как источника власти, подчинении государства обществу, личность в таком государстве признается наивысшей ценностью. Правовое государство чаще всего рассматривают как наиболее совершенную модель демократического государства, которая сложилась в процессе исторического развития. Нужно отметить, что такая идея лежит в основе любого современного демократического государства. Не может быть правового недемократического государства, как и не может быть демократического неправового.

Одной из наиболее важных характеристик правового государства является то, что государственная власть в нем ограничена. Речь идет не об объективной ограниченности любого государства экономическими, социальными и геополитическими факторами, а об установлении Конституцией и действующим законодательством пределов государственной власти. Речь идет об обязанности всех государственных властей и их должностных лиц соблюдать Конституцию и действовать совместимым с законом образом.

Правовым государство является не по его задаче и компетенции, а по приемам его деятельности. Специфический признак правового государства – безусловное признание правовых форм и правовых пределов для всех проявлений государственной власти [4].

Большое внимание правоведы уделяют принципам правового государства. Если хотя бы один из этих принципов нарушается, то государство не может быть правовым. Так можно выделить следующие основные принципы, на которых базируется правовое государство:

1. Верховенство правового закона. Этот принцип предполагает связанность государства, права и закона.

Закон регулирует все сферы жизнедеятельности человека. В законах государство устанавливает общеобязательные правила поведения, которые должны соответствовать объективным потребностям развития общества на началах равенства и справедливости. Поэтому закон обладает наивысшей юридической силой. Все иные нормативные правовые акты не должны противоречить закону, они могут издаваться для конкретизации каких-либо положений закона. Таким образом, все субъекты права должны подчиняться правовым нормам, установленным в государстве. Так, принимаемые в государстве законы, должны носить правовой характер, то есть опираться на естественные права и свободы человека. В отличие от права не все законы соответствуют идеалам справедливости, поэтому могут существовать неправовые законы. Это важно учитывать, говоря о построении правового государства.

Закон – это не продукт произвольной деятельности государства, он должен отвечать демократическим правовым принципам равенства и справедливости [3].

В свою очередь законы определяют пределы деятельности всех субъектов права. Допускается только законодательное установление пределов свободы индивидов. В том числе организация государственной власти, а именно ее создание, функционирование и наделение ее

определенными полномочиями происходит на основе закона. Государство обязано быть примером соблюдения законов.

В системе нормативных правовых актов в правовом государстве верховенство имеет Конституция, в которой сформулированы правовые принципы государственной и общественной жизни. Действие ее норм ограничивает правотворческую деятельность в государстве конституционными пределами, то есть ни один нормативный правовой акт не может противоречить нормам основного закона государства. Все законы и иные нормативные правовые акты подлежат опубликованию и должны быть в свободном доступе для каждого члена государства.

Верховенство закона и, прежде всего Конституции, создает такой режим законности в государстве, при котором соблюдаются права и свободы человека и гражданина.

2. Гарантированность прав и свобод граждан. В правовом государстве права и свободы человека и гражданина являются наивысшей ценностью. Государство не создает и не дарит людям права, которые неотчуждаемы и принадлежат им не от государства, а от рождения. Оно лишь должно обеспечить законодательное их закрепление, а значит, признавать и охранять от противоправных посягательств, как других лиц, так и самого государства.

Правовое государство основывается на свободе и правах человека, и именно в этом качестве государство сохранило практическую ценность необходимой и целесообразной организации, оказывающей человечеству элементарные, но незаменимые услуги.

В правовом государстве власть ограничена правами и свободами человека, которые выступают в качестве противовеса всемогуществу и злоупотреблению государственной властью.

Все органы государственной власти в Донецкой Народной Республике, которые связаны с защитой прав человека, можно условно разделить на две группы: во-первых, это органы, для которых защита прав человека является

важным, но не основным видом деятельности, и, во-вторых, органы, для которых правозащитная функция является основным видом деятельности.

К первой группе относятся:

– Глава Республики, который в соответствии с ч. 2 ст. 56 Конституции ДНР, является гарантом прав и свобод человека и гражданина;

– Народный Совет ДНР, который разрабатывает и принимает законы, в которых закрепляются права и свободы граждан, а также гарантии реализации данных прав и свобод. Основной закон – Конституция, другие законы: Закон «О минимальном размере оплаты труда и о внесении изменений в Закон ДНР «Об оплате труда» № 100-ПНС от 14.02.2020, Закон «О защите прав потребителей» №53 ПНС от 05.06.2015 и др.

– Правительство ДНР и органы исполнительной власти, обеспечивающие реализацию политики государства и исполнение законов, принятых законодательными органами, а соответственно, осуществляющие непосредственную реализацию прав и свобод граждан во всех сферах общественной жизни.

Ко второй группе можно отнести такие специализированные правозащитные органы:

– суды, которые при рассмотрении различных правовых споров, осуществляют защиту нарушенных прав и свобод и восстанавливают их;

– прокуратура, которая осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти;

– институт Уполномоченного по правам человека, который способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Донецкой Народной Республики о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты.

3. Взаимная ответственность государства и личности. Государство и гражданин выступают равными партнерами в своих взаимоотношениях и обладают взаимными правами и обязанностями, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых они должны нести ответственность.

Немецкий философ И. Кант в подтверждении важности этого принципа отмечал: «Каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину».

Правовое государство предполагает двустороннюю, взаимную ответственность: с одной стороны, личность несет юридическую ответственность перед государством, а с другой, – государство отвечает перед личностью в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения лежащих на нем обязанностей или злоупотреблений предоставленными ему правами.

Граждане обязаны соблюдать законы государства, а государство обязано обеспечивать равные для всех возможности для самореализации, защиты прав и свобод.

На современном этапе существуют различные виды ответственности как по отношению к индивиду, так и по отношению к государству.

На практике этот принцип дает возможность гражданам беспрепятственно обращаться в случаях нарушения их прав за защитой в суд или иной правоохранительный орган. Гражданин имеет право обратиться в международные организации по защите прав и свобод человека, если все внутригосударственные возможности получить правовую защиту исчерпаны. А государство в лице его конкретных органов или должностных лиц, в случае нарушения прав или свобод граждан, обязано понести определенное наказание.

4. Легитимность государственной власти.

Этот принцип правового государства логично вытекает из принципа верховенства правового закона. Так как организация государственной власти,

а именно ее создание, функционирование и наделение ее определенными полномочиями происходит на основе закона.

Легитимация по существу не правовой процесс, а скорее всего, идеологический. Ее задача заключается в том, чтобы сформировать положительное отношение жителей страны к действующим в конкретном государстве институтам власти, признание их правомерности, а также признание за ней права принимать обязательные решения. Речь идет о придании путем легитимации ценности государственной власти.

Сложность принципа легитимности заключается в том, что абсолютной легитимности государственной власти добиться невозможно, поскольку в обществе всегда будут недовольные властью.

Основными средствами легитимации власти в демократических государствах являются:

- правовое обеспечение выборности власти.

Характерной чертой правового государства является то, что народ превращается из пассивного объекта, которым управляют, в субъект управления. Наиболее универсальное средство легитимации власти – выборы и референдум, позволяющие людям ощутить свою причастность к власти, зависимость власти от народа. В результате выборов и референдума государственная власть приобретает свойства легитимности (признание ее населением) и легальности (законности);

- политический плюрализм предполагает многообразие политических взглядов и организаций, свободное участие граждан в политической жизни, конкуренцию между различными политическими силами в борьбе за доступ к власти. Многопартийность позволяет всем представителям общественных групп заявлять свою точку зрения по поводу действий власти. Партии выполняют одну важную социальную функцию – обеспечивают легитимность претензий на власть тех или иных общественных кругов;

- информатизация общества.

Важным инструментом легитимации служат средства массовой информации, которые оказывают активное влияние не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом, манипулируя общественным сознанием.

Опыт истории показывает, что средства массовой информации способны служить различным политическим целям: как просвещать людей, способствовать компетентному участию в политике, так и дезинформировать, и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх [6].

Государственная власть, нашедшая поддержку у населения страны, имеет шанс быть эффективной в своей политической, экономической и социальной деятельности, поскольку она пользуется поддержкой, авторитетом и не встречает противодействия в своем функционировании.

5. Разделение властей.

Принцип разделение властей заключается в том, что в государстве необходимо осуществлять три различных вида деятельности: принятие законов, их исполнение и осуществление правосудия. Также с точки зрения обеспечения демократии целесообразно разделить три этих направления государственной деятельности между тремя различными группами государственных органов, чтобы не произошла чрезмерная монополизация власти одной ее ветвью. Важно и то, что эти три независимые власти могут контролировать друг друга, создавая сложную систему «сдержек и противовесов».

Содержание принципа разделения властей характеризуется следующими признаками: единство государственной власти, действующей на правовой основе; разделение власти на три ветви: законодательная, исполнительная и судебная; самостоятельность органов

исполнительной, законодательной и судебной власти; четкое распределение властных полномочий между действующими государственными органами; взаимодействие властей, основанное на системе

«сдержек и противовесов» [5].

Так как принцип разделения властей – понятие многоаспектное, оно требует более детального изучения.

Выводы. Таким образом, идея построения правового государства сегодня и в ДНР и в РФ продолжает завоевывать общественное сознание, и это связано с постоянным изменением нашего правосознания. Не становится меньше потребность в достижении гармонии между прошлыми представлениями общества и объективными современными потребностями государства. Главным условием построения правового государства является достижение социального консенсуса, то и является конечной целью построения любого правового государства.

Несмотря на то, что цель построения правового государства перед российской общественностью, ставится не впервые, она впервые сегодня определяется правящей политической элитой как приоритетная задача. Сегодня в обществе в приоритете идеалы правовой государственности и общество признает ценность политической свободы [2].

Уровень политической и правовой культуры в обществе является необходимым фактором, определяющим во многом успех многих преобразований в государственной и политической жизни общества.

Список источников

1. Алексеев А.Н. Государство и право. М.Юридическая литература 1993, 368 с.;
2. Валадес Д. Конституционные проблемы правового государства. М.: Идея Пресс, 2009 г, 459 с.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. – М., Юриспруденция, 2000 г., 650 с.
4. Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. – 1965. – № 2. С. 15-19.
5. Макаров О.В. Соотношение права и государства // Государство и право, 1995, №5, С. 56-64.
6. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. М., «Юридический центр-Пресс», 2012 г., 260 с.
7. Тенденции развития права в условиях глобализации М. Г. Хаустова: // Проблемы законности. - Выпуск № 124 / 2013, С. 58-65.

УДК 340.1

РОЛЬ МЕДИАСФЕРЫ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Гаврищенко Элеонора Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: e_nora_505@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается форма деформации правосознания – правовой нигилизм, основные формы его проявления и популяризация. Также, рассмотрен вопрос о влиянии медийной сферы в распространении идей правового нигилизма.

Ключевые слова: правовой нигилизм, деформация правосознания, средства массовой информации.

Постановка проблемы. На сегодняшний день в обществе остро стоит вопрос деформации правосознания в виде правового нигилизма. В первую очередь это связано с распространением идей правового нигилизма в медийной сфере.

В эпоху развития информационного общества средства массовой информации играют одну из ключевых ролей в формировании гражданского общества. Под влиянием средств массовой информации формируется общественное сознание, а соответственно, и правосознание как одна из форм общественного сознания. Значит, СМИ оказывают большое влияние на развитие правового нигилизма, который, в свою очередь, является одной из форм деформации правосознания [1; с. 138].

Одним из главных источников распространения идей правового нигилизма в медийной сфере является сеть Интернет. Важно понимать, что влияние сети Интернет распространяется не только на активных пользователей, но также на их знакомых, которые могут и вовсе не иметь доступа к сети, но поддаваться влиянию во время межличностного общения.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В настоящее время роль медиасферы на распространение идей правового нигилизма недостаточно изучена. В рамках настоящего исследования необходимо выделить работы таких авторов как А. Гуров, Э. Чернова и В. Савенков.

Цель исследования. Целью данного исследования следует считать изучение роли медийной сферы в популяризации правового нигилизма.

Основные результаты исследования. В первую очередь необходимо определить, что такое правовой нигилизм. Правовой нигилизм – это отрицание закона, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей.

Правовой нигилизм, в первую очередь, выражается в качестве психологически отрицательного (негативного) отношения к праву со стороны населения, должностных лиц, государственных и общественных структур. На данный момент нигилизм — это феномен, который выступает в виде элемента общественного сознания, образа жизни, ментальности, это линия поведения индивида либо группы лиц.

Прежде чем обсуждать способы популяризации идей правового нигилизма в медийной сфере, следует обратить внимание на формы данного феномена.

В современном российском обществе выделяют следующие формы правового нигилизма: прямое сознательное нарушение законодательства; массовое неисполнение и нарушение правовых норм (на бытовом уровне, государственными органами, неправовые способы решения споров); так называемая война законов (создание параллельной правозаменяющей системы законодательства, противостояние между федеральным центром и некоторыми субъектами, издание взаимоисключающих актов органами различных ветвей власти); распространение антиправовой психологии (особые социальные нормы, оправдывающие антиправовое поведение, романтизация образа преступников, сознательная или неосознанная пропаганда в СМИ жестокости, насилия, преступного образа жизни).

Остановимся на последней форме правового нигилизма. На современном этапе развития социума ключевую роль в формировании общественного мнения оказывают в медийной сфере.

Существует множество способов воздействия на сознание людей посредством данных коммуникаций, но наиболее распространенными и действенными являются информационное навязывание и информационно-психологическое воздействие [2; с. 42].

Медиафера – это совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций. [3; с. 201].

Медиафера включает в себя: печатные СМИ; телевидение; радиовещание и интернет. Рассмотрим каждый элемент медиаферы и его влияние на распространение правового нигилизма в обществе.

Печатные СМИ обнаруживают информацию гораздо реже других источников информации. Это вызвано способом донесения информации – чаще всего газета выходит раз в неделю, иногда ежедневно, но в определённое время. То есть информационные поводы и статьи копятся за сутки либо неделю.

В качестве примера распространения правового нигилизма в печатных СМИ можно рассмотреть следующую ситуацию: в одной из газет выходит гневная статья как государство отказывает в помощи во время кризиса предпринимателю и его сотрудникам. Но только всё это время сотрудник получал заработную плату «в конверте», а предприниматель не уплачивал налоги. Ни один из пострадавших от кризиса не уважал закон, но тут же требует выплаты, когда находится в сложной жизненной ситуации. И никто не возмутится неофициальной заработной платой сотрудника, а это тоже проявление правового нигилизма. В виду распространённой юридической неграмотности об этом никто не задумывается, в то время как печатные

издания с большей вероятностью осудят отсутствие выплат таким предпринимателям, нежели выплату заработных плат в обход налогов.

Далее рассмотрим теле- и радиовещание: во многих новостных программах существуют отдельные рубрики с происшествиями в городе, регионе или стране. И вот однажды мы наблюдаем на телевидение или слышим по радио новость, как неизвестный сбил беременную женщину или ребёнка в центре города. Естественно, каждый возмутится и будет винить исключительно водителя, автор намеренно выставляет только его виновным. Но расскажут ли нам предысторию, что пострадавший перебежал дорогу в неполюженном месте, ещё и за поворотом, где водитель физически мог не видеть перебегающих дорогу?

Казалось бы, причём правовой нигилизм? Дело в том, что люди редко делают замечания переходящим дорогу в неполюженном месте, в результате чего случаются подобные дорожно-транспортные происшествия. Журналист покажет ситуацию в выгодном виде для его издания, а читатели и не осудят за нарушение правил дорожного движения пешехода, даже если узнают правду.

Именно отсутствие порицания при нарушении правил дорожного движения толкают людей на совершение точно такого же проступка. В данном случае мы имеем дело с проявлением правового нигилизма на бытовом уровне.

Самым крупным источником популяризации идей правового нигилизма является Интернет. Во-первых, кроме социальных сетей и интернет-изданий, набирают популярность мессенджеры, в которых можно не только вести переписку, но и читать новости гораздо удобнее, чем в браузере. Во-вторых, информация, полученная в интернете, распространяется также и посредством обычного общения между людьми.

В российском сегменте сети Интернет пользуются популярностью блогеры, рассказывающие про свою жизнь. Многие из них продвигают и рекламируют свои аккаунты при помощи хайповых видео с нарушением

правил дорожного движения. Например, блогер Эдвард Бил успел попасться на нарушениях ПДД более 500 раз, чаще всего к ним относится превышение скорости. В социальных сетях парень показывает презрительные отношения к ПДД, его несколько не волнуют штрафы и нарушения ПДД. Это приводит к тому, что подписчики Эдварда и других блогеров смотрят видео с захватывающей ездой по центру Москвы на огромной скорости, видят, что за это не наступает ответственность, а затем повторяют то же самое, восхищаясь своим кумиром.

Также можно вспомнить движение «СтопХам», которое выступает якобы против хамства, связанного с плохим отношением к закону и окружающим людям. А чем же они занимались на самом деле? В сети огромное количество видео, на которых активисты движения «СтопХам» хамят, лезут драться и портят имущество, тем самым нарушая закон, за соблюдение которого они якобы выступают.

Также колоссальный урон правовому сознанию наносят так называемые боты – аккаунты в социальных сетях, которые созданы не в целях благоприятной коммуникации между людьми, а для распространения определённых идей, определённой точки зрения, которая необходима их создателю, владельцу. В число данных идей могут быть включены и деструктивные идеи и, конечно, установки правового нигилизма, распространяющиеся в сети Интернет повсеместно [4].

Ситуация усложняется тем, что в сети Интернет отсутствует цензура и правовое регулирование. Кроме того, на данный момент не составляет труда купить электронный номер и на него создать аккаунт, при этом пользуясь VPN. То есть почти каждый человек может стать абсолютно анонимным в Интернете, таким образом избежав любой ответственности за свои действия.

Также в качестве способов популяризации идей правового нигилизма отдельно следует выделить документальные фильмы и репортажи о преступниках и их подражателях. Личности серийных убийц, маньяков и прочих преступников активно транслируются в средствах массовой

информации в образе харизматичных личностей, которые отличаются особым умственным развитием и поведению которых хочется подражать [5; с. 193].

В Интернете можно найти достаточно много статей, репортажей, фильмов о привлекательности одних из самых опаснейших преступников современности. Обращая внимание на их обаятельную внешность, харизму, некоторые люди представляют образ идеального человека.

Мало кто задумывает, что на самом деле главная цель преступника – привлечь внимание общественности, большинство же вдохновляет их на совершение тяжких преступлений, сами того не осознавая. Дурная слава, популярность образа в современной кинематографии – всё это даёт им возможность, а главное желание, вершить свои противоправные деяния.

Так исторически сложилось, что людей всегда интригует тип маньяка-убийцы, и всякий раз, когда изобретается новый вид средств массовой информации, эта зловещая фигура предстаёт перед публикой в новом варианте.

До начала эпохи электроники бульварная пресса пестрила мрачными историями о чудовищных преступлениях, дополняя их эффектными рисунками жертв, растерзанных злодеями. Одна из первых записей для фонографа Эдисона – прочитанные актёром жуткие признания Г.Г. Холмса – «доктора пыток» XIX столетия. С распространением радиослушателям предложили такие душераздирающие программы, как «Свет погас» Арха Облера (он тоже отдавал дань Холмсу в знаменитом эпизоде «Замок смерти»). И чуть ли не с первых лет появления кинофильмов образы убийц и маньяков появились в новых произведениях.

Создатели фильмов должны чаще задумываться о том, какое послание они несут своим зрителям. В мировом кинематографе есть немало фильмов, в которых главные злодеи представлены в весьма привлекательном виде. При этом человеческая жизнь в таких картинах, как правило, ничего не стоит.

Возможно, на реальные преступления поклонников таких фильмов толкает тщеславный и обаятельный образ главного героя [6].

Таким образом, среди подрастающего поколения в последующем будущем могут появиться такие же преступники, что плохо скажется на развитии государства в дальнейшем. И за последние 15 лет уже были такие случаи. Подростки, вдохновившись фильмом о преступнике, идут и совершают такое же преступление.

К ним можно отнести Артёма Ануфриева и Никиту Лыткина. Это серийные убийцы, ответственные за череду преступлений, которые они совершили в период с декабря 2010 года по апрель 2011 года в Иркутском Академгородке. Способом убийств было избиение и расчленение. Определённую роль сыграл просмотр в 2007 году телепередачи про битцевского маньяка Александра Пичушкина, совершившего 61 убийство в Москве, однако доказано было лишь 49 из них.

После судебных разбирательств по делу известных убийц появляются их поклонники, друзья по переписке, ярые приверженцы и иступленные фанаты. Эти «отчаянные головы» особенно сильно тянутся к психопатическим серийным убийцам, преступления которых связаны с сексуальным насилием. Активные группы поддержки были у Кеннета Бьянки, Джона Уэйна Гейси, Ричарда Рамиреса и многих им подобных. В таких случаях дурная слава возводится в ранг достоинства, и тогда даже самый бездушный убийца может превратиться в звезду. Сегодня серийные убийцы изображаются на страницах комиксов, в компьютерных играх и рекламе, откуда они вытеснили действительно выдающихся личностей [7; с. 148].

Многим становится непонятно, как некоторые, общаясь с убийцей или маньяком, могут не придавать значения тем ужасным преступлениям, которые они совершили. Известно лишь то, что эти преданные поклонники часто становятся жертвами собственных комплексов. Одним не хватает взаимности в любви, другим – дурной славы, душевных переживаний или

ощущения опасности. Кроме этого, среди них есть и такие, которые борются за какую-то идею: отмену смертной казни, спасение заблудшей души или веру в то, что преступление является результатом жестокого обращения в детстве.

По нашему мнению, одним из самых ярких представителей преступников, которым подражают, был и есть в настоящее время Чарльз Мэнсон, произнёсший следующие слова: «Дети, которые приходят в ваши дома с ножами в руках, – ваши дети. Не я научил их этому. Вы научили. Большинство тех, кто пришёл ко мне на старое ранчо, тех, кого можно назвать «семьёй», – это отвергнутые вами...» [8; 317].

Извращенный маньяк, безумец, возомнивший себя пророком, Чарльз Мэнсон и его оголтелые последователи устроили двухдневный «праздник» злодейства, обогранный кровью невинных людей.

В 1971 году он был приговорён к смертной казни, однако уже через год был введён мораторий на данный вид наказания, таким образом смертная казнь была изменена на пожизненное заключение.

Удивительно, но Чарли на протяжении многих лет был опасен для общества даже в одиночной камере. На шестом десятке лет он мешками получал письма от разочаровавшихся в жизни подростков. В соавторстве с другим заключённым он написал книгу под заголовком «Мэнсон сам о себе», которая была опубликована в 1988 году.

Важно понимать, что в популяризации подобных преступников не менее важную роль играют журналисты, ведь именно они пишут статьи с кричащими заголовками, которые не всегда отвечают действительности. К сожалению, журналистам, издания важно получить известность, распространить на большую аудиторию свои материалы. Мало кто задумывается о последствиях опубликованного.

Даже сам Чарльз Мэнсон говорил, что, если бы журналисты с самого начала придерживались фактов, установленных следователями, его уже никто бы не помнил.

Из-за того, что каждый журналист, автор каждой книги и каждый телевизионный ведущий преувеличивал, измышлял, раздувал ради сенсационного эффекта и приправлял материал собственной враждебностью, он и те, кто жил вместе с Чарльзом, стали значить больше, чем есть на самом деле. То есть действительно в СМИ искусственно создали Мэнсона в образе героя.

Вывод. Учитывая то, что лучшим государством является государство с высоким уровнем правосознания граждан, данный феномен требует скорейшего искоренения, в противном случае построение правового государства и гражданского общества невозможно.

Прежде всего необходимо запретить съёмки фильмов о преступниках, дабы не романтизировать их образ в медиапространстве. Также важно повышать уровень правовой культуры среди граждан России.

Список источников

1. Актуальные проблемы информационного противоборства / под общ. ред. А.И. Гурова. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-а, 1999. – 333 с.
2. Буряк М.А. Медиафера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2014. – №2. – С. 200-212.
3. Белов Е.Б., Лось В.П., Мещеряков Р.В., Шелупанов А.А. Основы информационной безопасности: Учебное пособие для вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – 544 с.
4. Олехнович К. В. К вопросу о распространении правового нигилизма в медиафере. [Электронный ресурс]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/16157/97712_uid147066_report.pdf (дата обращения: 03.01.2023).
5. Шехтер Х., Эверит Д. Энциклопедия серийных убийц / Х. Шехтер, Д. Эверит. – М.: Алгоритм, 2016. – 304 с.
6. Котельникова А. А. Причины прогрессирующего развития серийных убийств / А. А. Котельникова // Молодой ученый. – 2019. – № 3 (241). – С. 268-269. – URL: <https://moluch.ru/archive/241/55746/>. – Дата обращения: 10.02.2023.
7. Хаэр Р. Лишённые совести. Пугающий мир психопатов / Р. Хаэр. – М. : Издательство: Диалектика-Вильямс, 2018 – 288 с.
8. Дуглас Дж., Нокс М. Я – серийный убийца: откровения великих маньяков : [перевод с английского] / Джон Дуглас, Микки Нокс. – Москва: Родина, 2019. – 366 с.

УДК 340.15(495.02)

СИСТЕМА ПРАВА ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Добряков Анатолий Владимирович

E-mail: anatolij.dobryakov83@mail.ru

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Аннотация. В статье представлены результаты историко-правового исследования системы византийского права, в том числе раскрыты признаки и сформулировано понятие системы права, как элемента правовой системы. Обозначен элементный состав системы права, дана характеристика элементов системы права. Определены основные источники права в Византийской империи, обозначены этапы формирования законодательства.

Ключевые слова: система права, норма права, отрасль права, институт права, Византийская империя, «симфония властей», политическая система, законодательство.

Постановка проблемы. Составляющими элементами национальных правовых систем являются общие принципы права, правовая культура, правовая доктрина, правовые традиции, санкционированные и несанкционированные обычаи, источники права, толкование права и т.д., фундамент познания и применения которых заложен еще римскими юристами, а дальнейшее развитие осуществлялось в рамках византийской правовой традиции. Именно эти категории составляют основы становления любой современной правовой системы, в том числе и в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР). С учетом принадлежности нашего государства к Византийской локальной цивилизации, важным является исследование опыта развития права Византийской империи для формирования институтов национального права, установления возможных перспектив его развития.

Актуальность выбранной темы исследования предопределена тем, что необходимо комплексное научное обобщение и анализ истории византийского права. На протяжении многих веков Византийская империя служила примером и образцом развития институтов права и государственности для России, стран и государств Европы и Ближнего Востока. Само понятие государственности, права и его важнейших институтов были положены в основу правового развития многих стран не только средневекового, но и современного мира. В российской государственности и праве нашли свое воплощение многие политико-правовые институты политической системы общества Византии, что придает исключительную актуальность исследованию ввиду того, что в ДНР провозглашен вектор гармонизации правовой системы с правовой системой России за переходный период до 2026 г.. Исследование государства и права Византийской империи позволит выявить закономерности и характер тенденций развития государственно-правовой действительности, который актуален при изменении общественно-экономической формации и трансформируется в процессе эволюции соответствующей цивилизации.

Рассмотрение особенностей формирования и функционирования системы права, как элемента правовой системы Византийской империи, установление характера воздействия и оценка влияния византийской правовой традиции на построение системы права в ДНР, ставшей частью Российской Федерации, представляет собой перспективное направление развития научной мысли. В свою очередь, активный законотворческий процесс в ДНР и применение такой формы систематизации законодательства, как кодификация, актуализирует проблему уточнения содержания отдельных отраслей и институтов права, их генезиса и истоков с тем, чтобы совершенствовать действующее законодательство, повышать качество законодательной деятельности.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Исследованию историко-теоретических и теоретико-правовых вопросов развития системы

права Византийской империи, а также исследованию сущности и структуры системы права посвящены научные работы таких ученых-правоведов, как А.В. Головизнин, А.Х. Кажаров, Л.Ю. Костокрызова, Д.А. Макаров, Т.М. Пенская, А.В. Полянцева, Т.Н. Седых, Е.Э. Черенкова, Г.П. Шайрян и др.

Цель исследования заключается в комплексном историко-правовом анализе системы византийского права путем раскрытия признаков и формулирования понятия системы права, как элемента правовой системы; обозначения элементного состава системы права, определения характеристики элементов системы права; определения основных источников права в Византийской империи, обозначения особенностей формирования законодательства; определения характеристики правовых основ концепции «симфонии властей»; определения особенностей правового положения отдельных категорий населения Византии.

Основные результаты исследования. Исследование правовых систем с позиции преемственного развития помогает сформировать объективную точку зрения на правовую действительность системы права.

Исторический опыт, его этнические и культурные особенности, при развитии системы права по различным причинам создали плодотворную почву для внедрения опыта стран романо-германской системы права. Важно отметить, что большинство периодов заимствования романо-германской правовой системы сопровождались различными сложностями, связанными с экономическими, социальными и политическими факторами. В связи с результатами исследований содержания правовых и исторических источников можно заключить, что процесс преемственности по отношению к романо-германской правовой системе происходил поэтапно.

Право регулирует различные общественные отношения, которые представляют собой сложную систему. В разное время «систему права» характеризовали, как:

– исторически сложившуюся, объективно существующую внутреннюю структуру права, которая определяется характером реализуемых общественных отношений;

– совокупность норм, институтов и отраслей права в их взаимосвязи;

– внутреннее строение, определенный порядок организации и расположения составляющих ее частей, обусловленный характером существующих в обществе отношений;

– объективно существующую внутреннюю структуру права, определяемую экономическим и социальным строем, которая выражается одновременно в единстве юридических норм и их разделении на отдельные отрасли, связанные между собой [1, с. 180];

– внутреннее строение права, отражающее объединение и дифференциацию юридических норм [2, с. 11];

– подразделение совокупности правовых норм на отрасли права и институты права в зависимости от предмета и метода регулирования [3, с. 58].

В советский период под системой советского общенародного права понималась обусловленная характером социалистических общественных отношений внутренняя структура права, которая выражалась в единстве и согласованности составляющих его норм и одновременной их дифференциации на отрасли и институты [4, с. 175].

Несмотря на различные существующие определения системы права, можно сделать вывод о том, что система права – это связанное состоянием общественных отношений внутреннее строение права, выражающееся в единстве и согласованности действующих правовых норм и их логическом распределении по отраслям и институтам права.

Признаками системы права являются:

1) объективный характер, выражающийся в отражении существующей системы общественных отношений. Каждому историческому типу права соответствует своя система;

2) единство, что означает целостность и согласованность ее внутренней организации, непротиворечивость и взаимосогласованность всех норм права;

3) дифференциация, т.е. подразделение на относительно самостоятельные структурные элементы – отрасли, подотрасли, институты права;

4) непротиворечивость, означающая то, что в системе права не должно быть коллизий, противоречий между структурными элементами системы права – отраслями, подотраслями, институтами;

5) системность – любое право имеет свою систему, посредством которой определяются структурные элементы права [5, с. 122].

Структурными элементами права являются: норма права (как первичный, исходный элемент); институт права; субинститут права, отрасль права; подотрасль права.

Таким образом, под системой права предлагается понимать органическое единство норм права, обусловленное сочетанием частноправовых и публично-правовых начал, а также их дифференциация по отраслям и институтам в соответствии с предметом и методом правового регулирования.

Несмотря на то, что вопрос о структуре права можно отнести к числу вечных, он интерпретируется преимущественно через дуалистическую теорию и (или) посредством отраслевой модели. Но многие аспекты проблематики (как относительно непосредственно самой структуры, так и касательно системы права в целом) вплоть до настоящего времени остаются нерешенными или спорными. Общетеоретических исследований, посвященных структуре права, на сегодняшний день фактически нет [6, с. 40-44].

Существует и другое понимание системы права – через структурализм. Как научное направление структурализм возник во Франции в первой половине XX века. Основу структурного метода образует выявление структуры как совокупности инвариантных отношений, которые, как

правило, преобразовываются под влиянием объективных факторов [7, с. 62-63].

В современной теории государства и права систему права чаще всего определяют, как его структуру, внутреннее строение, которое характеризуется единством и согласованностью действующих в государстве правовых норм, и одновременным их разделением на институты и отрасли. Поэтому, когда под системой права понимают его структуру, его внутреннее строение, как раз и имеют в виду определенную форму организации действующих в государстве правовых норм, такой порядок их построения, при котором нормы позитивного (объективного) права находятся в единстве, согласованности и взаимосвязи и дифференцируются на институты и отрасли.

Византийская империя оставила миру богатейшее правовое наследие. Воспринятое от Рима византийское право явилось продолжателем римской юридической традиции. Важнейшей кодификацией права, осуществленной в Византии, явилась кодификация Юстиниана, которая сохраняла свое значение во все века существования империи и оказала влияние на последующее развитие европейских правовых систем.

Основной целью кодификации стала систематизация римского классического права и приспособление его к новым условиям развития государства. Результатом колоссальной работы стало появление свода гражданского права (*Corpus Iuris Civilis*), который включал несколько частей: институции (4 книги, излагавшие основы римского права), дигесты или пандекты (50 книг, излагавшие отрывки из произведений известных римских юристов, сгруппированные по систематическому принципу), собрание действующих постановлений римских императоров (конституций), начиная со времени Адриана (получило название Кодекса и объединяло 12 книг). Последующие эдикты Юстиниана, вышедшие после появления Кодекса (29 декабря 529 г.), стали называться новеллами (новыми законами). Их рассматривают как заключительную часть кодификации, хотя при жизни

императора они не были сосредоточены в едином официальном сборнике [8, с. 177].

Основными правовыми памятниками данного периода являются: Эклога, Земледельческий, Воинский и Морской законы, Василик и Прохирон.

Первым официальным юридическим сборником, изданным после Свода Юстиниана, стала Эклога. Ее появление датируется 726 г. и связано с именами императоров Исаврийской династии Льва III и Константина V. Она представляла собой выборку законов из Кодификации Юстиниана, изложенных более сжато и с рядом дополнений, отражавших изменения в общественном строе Византии [9, с. 21]. Эклога делилась на 18 титулов, объединявших нормы семейного, наследственного, гражданского, уголовного и процессуального права.

Как показали результаты исследования, византийское законотворчество строится на основе принципа правопреемственности, как в формальной, так и в содержательной составляющей.

В основе византийского права лежали нормы права поздней Римской империи. Императоры проводили многочисленные кодификации норм как светского, так и канонического права. При этом положения канонического права, Божественные заповеди являлись основой для всей системы византийского законодательства [10, с. 12].

В целом взаимоотношение церкви и светской власти определялось термином «симфония». Но императоры обладали решающим перевесом над церковными иерархами. По их воле созывались Вселенские соборы, являвшиеся высшими органами церковной власти, и они могли председательствовать на них. Василевсы, как наследники римских императоров, носили титул верховных жрецов и могли принимать участие в обсуждении церковных канонов. Они прямо назывались заместителями Христа [11, с. 284].

Уникальность Византии состоит в том, что за сравнительно небольшой в исторической отрезок времени государство смогло, пройдя через различные модели взаимодействия с христианской церковью, найти тот идеал, который пытались воплотить на практике не только византийцы, но и народы, принявшие от них православную культуру.

Шестая новелла Юстиниана, вошедшая в *Novellae Constitutiones*, и известная с VI века как «симфония властей», за четырнадцать веков своего существования превратилась в один из основополагающих юридических принципов организации самодержавной власти, сначала в Византийской Империи, а затем и в Российской Империи.

Наряду с другими принципами организации власти российской монархии, такими как юридическая неограниченность царского самодержавия, принцип законности, династического престолонаследия и соборности, принцип «симфонии властей», как догматического, вероисповедного союза Церкви с Империей (*sacerdotium et imperium*), является тем основанием, на котором строилось политическое взаимодействие и правовое регулирование отношений между двумя видами власти – царской и духовной.

«Симфонию», вероятно, правильным будет представлять, как такое соотношение упомянутых властей, как некий идеал в политической мысли Византии, причем не в статическом состоянии, а в состоянии динамическом, т.к. и сама VI новелла давала направление выстраивания этих отношений, а вовсе не фиксировала сложившийся раз и навсегда порядок. Соглашаясь с И. Андрушкевичем, который по поводу симфонии в Византии писал: «В восточной Римской империи доктрина симфонии всегда была идеалом соотношений между Церковью и государством. Правда, идеалом труднодостижимым, а потому зачастую так или иначе нарушаемым. Однако эти нарушения почти всегда были практического, а не принципиального характера. Несомненно, имелись иногда и стремления к цезарепапизму со стороны тех или иных императоров, но эти стремления все же никогда не

смогли кристаллизироваться в преобладающую доктрину» [12, с. 743], следует подчеркнуть, что речь здесь идет о нарушениях не самой идеи симфонического единства властей, не концепции власти, а ее практического применения.

Таким образом, основной идеей концепции «симфонии властей» является установление между Церковью и государством отношений обоюдного сотрудничества, постоянной поддержки друг друга, взаимной ответственности и исключения возможности вмешательства какой-либо из сторон в сферу ведения другой.

По мере развития феодальных отношений в Византии все население делилось на резко обособленные друг от друга сословия или группы, с определенными для каждой из них наследственными правами и обязанностями. В основном в Византии имелись два разряда населения: высшее и низшее. Рабы составляли бесправную массу, стоявшую вне сословий. Среди высшего разряда населения выделялись сенаторы, как привилегированная верхушка общества, состоящая из крупнейших земельных и денежных магнатов и пополняемая всегда за счет высших государственных и придворных сановников.

Другой привилегированной группой было духовенство. Оно владело крупными участками земли и пользовалось многочисленными правами и привилегиями.

Низшее сословие делилось на группы крестьян, торговцев и ремесленников [13, с. 160].

Бесправной группой населения были рабы. Наибольшее применение рабский труд имел в государственных мастерских и домашнем хозяйстве византийской знати. По меньшей мере, рабский труд использовался в сельском хозяйстве. В связи с развитием феодальных отношений труд рабов применялся в хозяйстве все меньше и меньше, и положение рабов улучшилось.

В римском законодательстве женщин не выделяли в определенную юридическую группу. Закон был направлен на разрешение конфликтов, в которых участвовали женщины, но он никогда не пытался даже простейшим образом определить женщину как субъект права. У многих юристов того времени присутствовало убеждение в слабости рассудка, легкомыслии, неустойчивости женского характера – все это служило удобным объяснением женской неправопоспособности [14, с. 339].

В Византийской империи правовой статус, имущественные и личные неимущественные права, и обязанности членов семьи были закреплены в нормах и традициях римской «familia» (семьи). Семейные правоотношения представителей различных народов империи регулировались, в том числе и нормами обычаев. Большой интерес вызывает существование в Византии института власти отца семейства – «paterfamilias». При выходе замуж, женщина оказывалась под властью «paterfamilias» (мужа).

Также в Византийской империи существовал институт опеки и попечительства. Завещания составлялись в письменной форме после определения психического и физического состояния завещателя [15, с. 21].

Таким образом, византийское брачное и семейное право отражает в себе сочетание правовых институтов и принципов, характерных для римского права, догматов и канонов христианской религии и местного обычного права. Сочетание римских правовых традиций, принципов христианской религии и обычного права придавало уникальные черты византийскому семейному и наследственному праву.

Выводы. Таким образом, в результате проведенного исследования реализована его основная цель, заключающаяся в комплексном историко-правовом анализе системы византийского права, которую предложено характеризовать, как органическое единство норм права, обусловленное сочетанием частноправовых и публично-правовых начал, а также их дифференциацию по отраслям и институтам в соответствии с предметом и методом правового регулирования.

Установлены важнейшие характеристики, которые присущи системе права. Определено, что в современной теории государства и права систему права чаще всего определяют, как его структуру, внутреннее строение, которое характеризуется единством и согласованностью действующих в государстве правовых норм, и одновременным их разделением на институты и отрасли. Соответственно, основными структурными элементами системы права является норма права, институт права и отрасль права.

Основной идеей концепции «симфонии властей» является установление между Церковью и государством отношений обоюдного сотрудничества, постоянной поддержки друг друга, взаимной ответственности и исключения возможности вмешательства какой-либо из сторон в сферу ведения другой.

Определено, что в Византии существовало оригинальное учение о правовом положении человека. Были рассмотрены в общем виде наиболее характерные черты правового положения отдельных социальных групп. Установлено, что основные положения, определяющие личный и политический статус гражданина незыблемы. К их числу можно отнести право на жизнь, на образование собственной семьи и семейный статус, право завещать и наследовать, право участвовать в имущественных и обязательственных правоотношениях, право на судебную защиту и процессуальный статус. Объем данных прав и их содержательные составляющие для различных категорий граждан, как это свойственно феодальному обществу, был неодинаков.

Список источников

1. Власенко, П. Л. Теория государства и права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. и испр. – Москва : Проспект, 2011. – 480 с.
2. Кочетова, А. А. Соотношение системы права и системы законодательства / А. А. Кочетова // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство [сборник статей III Международной научно-практической конференции]. – Пенза, 2018. – Издательство : Наука и Просвещение. – С. 10-12.
3. Морозов, А. И. Система права / А. И. Морозов // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: юриспруденция. – 2018. – №11. – С. 56-59.
4. Перевалов, В. Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2013. – 341 с.
5. Марченко, М. Н. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб. пособие. – Москва : ТК Велби ; Проспект, 2007. – 239 с.

6. Азми, Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : спец. 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Азми Дина Мамдуховна. – Москва, 2011. – 44 с.
7. Вьяндье, А. Право обществ: принципы, структура и развитие – пример французского права // Международная конференция «Право и европейское сотрудничество»: сб. тез. выступлений. – Лондон, 1991. – С. 62-63.
8. Прудников, М. Н. История государства и права зарубежных стран (для бакалавров) / Юстиция. 2018. – 811 с.
9. Чекалова, А. А. Власть и общество в ранней Византии : автореферат дис. на соиск. учен. степ. д-ра . ист. наук : спец. 07.00.03 – всеобщая история / Чекалова Александра Алексеевна. – Москва., 2006. – 38 с.
10. Осипова, К. А. Положение крестьянства в Византии в X в. : автореферат дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. : спец. 07.00.03 – всеобщая история / Осипова Кира Александровна. – Москва, 2006. – 20 с.
11. Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. – Москва, 2007. – 337 с.
12. Святая Русь. Большая Энциклопедия Русского Народа. Русское государство / Гл. редактор и составитель О.А. Платонов. – Москва : Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2002. – 944 с.
13. Карпов, С. П. История средних веков в 2 т. : Учебник / Под ред. С. П. Карпова. – 4-е издание. – Москва: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Высшая школа», 2003. – 640 с.
14. Когут, Е. В. Правовое положение женщин в палеологовской Византии / Е. В. Когут // Научный потенциал: работы молодых ученых. – 2012. – №3. – С. 339-342.
15. Макаров, Д. А. Система права Византийской империи (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юр. наук : спец. 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Макаров Дмитрий Андреевич. – Санкт-Петербург, 2007. – 22 с.

УДК 342.9

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ
ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Матвиенко Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Дудник Лия Константиновна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: liyadangadze@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается и анализируется административная ответственность за земельные правонарушения. Затрагивается основная проблема эффективности применения норм ответственности за нарушение земельного законодательства. По результатам работы выдвигаются предложения по усовершенствованию административного законодательства в сфере земельных правоотношений.

Ключевые слова: Административная ответственность, земельное законодательство, кодекс РФ об административных правонарушениях, земельный кодекс РФ), правонарушения, земельные участки, нормы права; охрана земель, рациональное использование.

Постановка проблемы: в настоящее время актуальным вопросом является эффективность мер государственного воздействия на собственников и пользователей земельных участков. Указанная проблема связана с недостаточным теоретическим исследованием административной ответственности за правонарушения в сфере земельного законодательства. В частности неоднозначность в выборе критерия классификации административных правонарушений земельного законодательства. Также на эффективность применения норм административного воздействия влияет отождествление контроля и надзора. Учитывая, что основной целью является не только наказание, но и предупреждение правонарушений, достижение данной цели возможно при своевременности выявления и реагирования.

Анализ предыдущих исследований и публикаций: по мнению юриста и ученого С.С. Алексеева, юридическая ответственность должна быть определена к одной из форм государственного принуждения. Данная форма получает свое выражение в праве. Рассматривая её в таком виде, к системе признаков юридической ответственности непременно следует относить такой признак, как форма государственного принуждения. Это основной признак, но другие также выделяются и обосновываются различными авторами. И, данную позицию при обеспечении понимания административной ответственности должностных лиц, следует взять за основную. Другой исследователь В.М. Манохин сопоставляет административную ответственность как «административное принуждение, отождествляя указанные категории» [6]. Данная позиция оспаривается П.П. Серковым, который считает, что если отождествлять административную ответственность с административным принуждением тогда, невозможна конкретизация, и невозможно определить, о какой именно форме принуждения идет речь.

Теория юридической ответственности поддерживается и другими авторами. Юрист И.А. Галаган разделяет один из самых расширенных подходов к понятию административной ответственности. Поскольку определение понятия представлено в достаточно широком виде, объясняя позицию автора, под административной ответственностью он понимает совокупность материально-процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, благодаря которым устанавливается факт и состав административного проступка, личности виновного уполномоченными органами и их должностными лицами, а также применении к виновному наказания.

Цель исследования: Является выбор критерия классификации административных правонарушений в земельном законодательстве, также остро стоит вопрос соотношения норм административного принуждения и административной ответственности учитывая, что основной целью

административной ответственности выступает не только наказание виновных лиц в совершении правонарушений, но и предупреждение данных правонарушений, а также и своевременное реагирование для пресечения совершения правонарушений.

На основе полученных в ходе рассмотрения проблемы знаний, правильно, объективно и всесторонне раскрыть вопрос об административной ответственности за нарушение земельного законодательства, и найти пути решения данных проблем.

Основные результаты исследования. Стоит отметить, что единственным кодифицированным актом Российского административного права был Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в нем регулируются отношения административной ответственности в сфере земельных правонарушений. КоАП РФ особо выделяет такие принципы, как равенство перед законом, презумпцию невиновности, обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением [5].

Одним из самых дискуссионных вопросов с теоретической точки зрения является вопрос классификации земельных и административных правонарушений. В первую очередь, необходимо использовать положения КоАП РФ при обозначении видов правонарушений. С правоприменительной точки зрения данный подход является верным. Стоит выделить следующую классификацию как основную:

- 1) посягательства на право собственности и право пользования например: самовольное занятие земельного участка, уничтожение или повреждение специальных знаков, самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых, использование земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования юридическим лицом, не выполнившим в установленный федеральным законом срок обязанности по

переоформлению такого права на право аренды земельного участка или по приобретению этого земельного участка в собственность;

2) посягательства в области охраны земель например: порча земель, невыполнение обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв, использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению, нарушение режима использования земельных участков и лесов в водоохраных зонах;

3) посягательства против порядка управления в области использования и охраны земель например: незаконное изменение правового режима земельных участков, отнесенных к землям историко-культурного назначения, сокрытие или искажение экологической информации, нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности.

Классификация в данном виде обеспечивает упорядочивание законодательных норм. Вместе с тем, данная систематизация упрощает процесс правоприменения и увеличивается эффективность ответственности за нарушение земельного законодательства.

Встречаются противоречия между земельным и гражданским законодательством в части частной собственности. Так, в статьях 22,23,24 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) закреплён ряд видов права на землю, помимо права собственности: право аренды земельного участка, право сервитута и другое. Содержание названных видов прав позволяет предполагать, что собственник земельного участка именно по земельному законодательству может осуществлять свои владение и пользование земельным участком только в определенных пределах. Распоряжение земельным участком – это прерогатива собственника земельного участка, какие-либо полномочия в части распоряжения собственник не может передавать, в том числе и по договору.

ЗК РФ не установлены право хозяйственного ведения, оперативного управления, нет возможности обеспечить передачу земельного участка по земельному законодательству в доверительное управление, что возможно по Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) и для недвижимости. В статье 260 ГК РФ указано, что лица, имеющие в собственности земельный участок, вправе продавать его, дарить, отдавать в залог или сдавать в аренду и распоряжаться им иным образом, постольку, соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте. [4].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что собственник наделен правом передавать собственное имущество в доверительное управление, что предполагает, в том числе передачу всех правомочий права собственности по личному усмотрению. Фактически данные категории могут быть рассмотрены как право оперативного управления и хозяйственного ведения.

Однако стоит вопрос, на какие нормы нормативно правового акта следует давать ссылку при определении возможностей содержания права собственности на землю, вместе с тем может ли земля передаваться в оперативное управление, хозяйственное ведение, доверительное управление?

Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом, поскольку соответствующие земли на основании закона не исключены из оборота или не ограничены в обороте.

Выявлена одна из общих проблем в данном направлении, однако количество схожих проблем на данном этапе является существенно большим, что требует соответствующего внимания со стороны законодателя.

Центральной категорией в административном праве является законность. Особым является её значением в контексте деятельности контрольно-надзорного характера.

Законность – положение, при котором общественная жизнь и деятельность обеспечиваются законами. Обеспечение законности в практической деятельности осложняется многими факторами. Процесс обеспечения законности требует применения определенных способов для достижения результатов по воплощению этого принципа.

Перечень подобных способов довольно широк: пресечение нарушений, предупреждение нарушений, применение мер по устранению причин и возникновения правонарушений и другие. Очевидно, что в смысле повышения эффективности административной ответственности за совершение земельных правонарушений все названные направления обладают достаточно высокой актуальностью.

Для обеспечения законности требуется оперирование системой методов и средств. Чаще всего выделяются такие способы обеспечения законности, как контроль и надзор.

Среди всех других способов обеспечения законности на современном этапе особую роль играет государственный контроль (надзор). Регулирование вопроса о контроле и надзоре в области земельного законодательства отражен в пределах ЗК РФ.

В статье 71 ЗК РФ определяется понятие «государственный земельный надзор», проблема в том, что данное определение является чрезмерно широким и труднопонимаемым.

Так, под государственным земельным надзором понимается осуществление федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными Правительством Российской Федерации и подразделением федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности в части соблюдения обязательных требований в области охраны окружающей среды на предоставленных подведомственным такому органу организациям земельных участках, на которых расположены объекты, используемые такими организациями.

Помимо этой общей трактовки, из законодательства, в основу определения положено также перечисление субъектов осуществления надзора и субъектов, в отношении которых надзор реализовывается, по крайней мере, родовое, а также указывается на формы осуществления надзора. Необходимость столь широкой трактовки продолжает оставаться неочевидной. Для административно-правовой науки характерно большое множество точек зрения на соотношение понятий «контроль» и «надзор».

Данные термины могут отождествляться, а в научной литературе некоторые авторы обосновывают необходимость полного отказа от их применения в рамках одного словосочетания, требуя полного разграничения, а между этими двумя диаметрально противоположными мнениями выделилось довольно большое количество различных других. Кроме того, другие авторы обосновывают необходимость применения термина «контрольно-надзорная деятельность», что предполагает фактическое объединение указанных терминов.

Главная проблема состоит в неоднозначном понимании этих терминов и приводит к свободной интерпретации задач и функций контрольных органов, как и к произвольному нормативному применению терминов «контроль» и «надзор», особенно на уровне субъектов Федерации, которые в каждом случае индивидуально понимают положения федеральных законов. На предупреждения совершения земельных правонарушений данный вопрос также сказывается негативным образом. Это проблема отсутствия в законодательстве и различия между терминами, и исключительно четкого разделения функций по контролю и надзору. Чтобы повысить эффективность предупреждения совершения административных правонарушений, как минимум, требуется обеспечение четкого разграничения контроля и надзора с методологической точки зрения. Как представляется, контроль связан с оценкой не только эффективности выполнения предписаний субъекта управления, но и их своевременностью.

Выводы: В данной статье раскрыт вопрос обеспечения более эффективного применения административной ответственности за нарушения земельных правонарушений. Выделены основные проблемы административной ответственности за нарушение земельного законодательства, такие как классификация земельных и административных правонарушений на: посягательство на право собственности и право пользования, посягательство в области охраны земель, посягательства против порядка управления в области использования и охраны земель. Следует классифицировать данные элементы, таким образом, поскольку это обеспечит упорядочивание законодательных норм. Более того, таким образом, упрощается процесс правоприменения, а значит фактически и эффективность ответственности.

Кроме того, следует обеспечить более качественную контрольно-надзорную деятельность в области ответственности за правонарушения в данной области. Земельные ресурсы обладают особой спецификой, и это настолько ценный ресурс и одновременно сложный, поэтому очень важно, чтобы законодатель обеспечил охрану земельных ресурсов своевременно.

Список источников

1. Барбашова Н.В. Экологическое право. Учебник для специалитета. Москва: ИНФРА-М, 2022. – 538 с.
2. О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР Указ Президента Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 323. // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 02.01.1992. – № 1. – ст. 53.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ. (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.10.2001 – № 44. – ст. 4147.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая, часть третья и часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301.
5. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации, 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 1.
6. Российское административное право. Учебник / Ю.С. Адушкин, З.А. Багишаев, В.М. Манохин - М.: Юрист, 1996. – 472 с.

УДК 340.13

МЕХАНИЗМ ПРАВОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Забияка Майя Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: chashka_96@mail.ru

Аннотация. В данной статье описано общее понимание структуры механизма правотворчества в Российской Федерации. Отмечаются актуальные проблемы в развитии данного института.

Ключевые слова: правотворчество, государство, механизм правотворчества.

Постановка проблемы. В текущий период в Российской Федерации увеличивается интерес к законодательной деятельности, что связано с радикальными преобразованиями правовой системы. Активизируется законодательная деятельность, из-за этого возрастает количество законодательных, подзаконных и правоприменительных актов в освоенных и ключевых сферах правоотношений. Из-за отсутствия точных целей эффективность законодательных актов стремительными темпами уменьшается. Главным фактором является низкое качество законодательной деятельности, введение большого количества новых законов, которые не согласуются друг с другом, постоянные изменения и дополнения законодательства.

Состояние законодательной деятельности в России не совсем отвечает условиям нынешнего дня и оказывает большое влияние на последующее формирование и становление государства. В отсутствии учета и углубленного осмысления содержания и важности законодательной деятельности, ее нынешнего состояния качество российского

законодательства в перспективе может быть неудовлетворительным, так как динамика развития социальных взаимоотношений в минувшие десятилетия доминирует над динамикой формирования законодательства.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Законотворчество рассматривается как деятельность государственных органов С.А. Комаровым и А.В. Малько, В.К. Бабаевым, В.В. Лазаревым и С.В. Липаном, О.А. Пучковым, Н.М. Чистяковым. Другие авторы, в частности, А.В. Мелехин, С.А. Комаров, В.В. Лазарев полагают, что это государственная деятельность, в свою очередь А.Ф. Черданцев трактует это как деятельность компетентных органов по изданию нормативных актов.

Н.А. Любимов посвятил данной проблеме свою монографию «Законотворчество в Российской Федерации. Проблемы теории и практики». Учебный курс направлен на формирование и закрепление теоретических знаний учащихся касательно сути правотворчества и формирование практических навыков юридических приемов, необходимых в области правотворчества [3].

Исследователь М.Ю. Осипова в своей монографии «Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества» раскрывает соотношение правового регулирования и правотворчества. Два эти юридических процесса являются основополагающими в юриспруденции и играют важную роль в правовом регулировании общественных взаимоотношений [5].

В свою очередь И.А. Нестеренко выпустил пособие «Правотворчество в Российской Федерации» вместе с огромным числом различных примеров, основанных на рассмотрении международных законных актов, федерального и областного законодательства. Она анализирует разнообразные акты палат Федерального собрания Российской Федерации, законодательных органов с точки зрения соблюдения ими порядка и правил законотворческой деятельности. Особый интерес уделяется изучению исследованию

Конституционного и Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов [4].

Целью исследования является анализ теоретической и практической основы правотворчества, выявление особенностей механизма правотворчества в современном государстве, выявление проблем законодательного урегулирования механизма правотворчества, а также предложение рекомендаций по улучшению данного механизма.

Основные результаты исследования. Законотворчество – это одна из форм правотворческой деятельности страны, исполняемая намеренно уполномоченными органами и должностными лицами. В результате законотворческой деятельности создается нормативная база, закладывается правовой фундамент современной Российской Федерации. Результативность установленных нормативных правовых актов обуславливается степенью их подготовки, обсуждения, характером рассмотрения и доведения до исполнителей. По этой причине, качество законотворчества необходимо повышать.

Система законотворчества считается основным институтом процесса законотворчества, который выражает идею социально-правовой трудности формирования права. А.В. Томонин трактовал правотворчество как «муниципальную деятельность, завершающую процесс правотворчества, в следствие которой определенные положения встраиваются через закон, другие источники в правовые нормы. Правотворческая деятельность проявляется в правотворческих актах и систематической кодификации правотворчества» [7, с. 25].

Под правотворчеством А.Б. Венгеров понимает «деятельность компетентных государственных органов по изданию новейших либо пересмотру имеющихся нормативных актов правовые акты деяния» [1].

Н.А. Придворов, законодательный процесс считает синонимом законотворчества, который содержит этапы особого разбирательства по законопроекту и его публикации [6]. Непосредственно в данном случае,

отождествляются определения законотворчества и законотворческой деятельности, что в максимальной степени отображает всесторонность законодательного процесса.

В текущий период в законодательстве Российской Федерации по теме правотворчества имеются определенные трудности. Первой теоретической проблемой в России является многозначность формулировок в определении самого правотворчества. Таким образом, слово «правотворчество» содержит в себе две части – это право и творчество. Первая устанавливает нацеленность данного вида деятельности – формирование полномочий, правовых норм. В связи с этим предопределяется определенный круг ее субъектов. Вторая часть рассматриваемого термина – творчество, а именно, деятельность, нацеленная на создание материальных и культурных ценностей.

Таким образом, целесообразно сформулировать следующее определение рассматриваемого понятия: правотворчество – выражение воли народа либо общественно-политических органов, пребывающих у власти, исполняемое намеренно уполномоченными субъектами, в конкретных процессуальных конфигурациях, законодательно регламентированная деятельность по формированию, изменению и отмене правовых норм.

Возрастающий интерес к законодательной деятельности в современной Российской Федерации, очевиден. Это связано с тем, что после принятия Конституции РФ в 1993 г. в правовой системе России ведутся основательные преобразования. Формирование новейшего законного массива подняло ряд теоретических и практических проблем в ходе законотворчества. Основной из их числа считается вопрос приспособления законотворчества. Опыт 2000-х годов показал, что даже присутствие конституционно определенной концепции системы и компетенции правотворческих органов, стадий правотворческого процесса и конкретного круга его субъектов никак не считается залогом преодоления значительных недочетов в правовом образовании.

Имея рациональный характер в выражении государственной воли, механизм правотворчества, развивается во многом объективно как совокупность не только целенаправленно процессуальных, но и взаимосвязанных и даже полностью самостоятельных социально-правовых институтов правосознания, правоприменения, федерально-региональной инфраструктуры. Эффективность правотворчества зависит от системного подхода к созданию права, формирования целостного механизма правотворчества, включающего скоординированное действие многих элементов, начиная от выявления необходимости правового регулирования и заканчивая реализацией принятого правотворческого акта.

Таким образом, В.В. Вискулова рассматривает системный подход к организации самой нормативно-правовой формы организации общественных и государственных институтов как один из факторов укрепления методологической основы законотворчества [2]. Именно комплексный подход к механизму правового просвещения позволит избежать системных нарушений при реализации закона, добиться желаемых результатов от новых законов и обеспечить, чтобы население страны, отдельные социальные группы, регионы не были отчуждены от процесса принятия важнейшего государственного законотворческого решения.

Второй теоретическо-практической проблемой является отсутствие федерального закона, регулирующего процедуру нормотворчества. Речь идет о том самом «минимуме законов», который был и остается, начиная с 1974 г., научной мечтой многих отечественных юристов. Этот проект дважды обсуждался в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, но до сих пор не принят. В мае 2004 г., после восьми лет работы, законодательный процесс был прекращен, законопроект был снят с рассмотрения по причине низкого качества и устранения концептуальных положений.

В настоящее время существуют определенные законодательные нормы, которые касаются порядка подготовки, принятия и исполнения нормативных

актов. Эти формы, содержащиеся в отдельных законодательных актах, являются фрагментарными, не сведенными воедино. Поэтому на всех уровнях государственной власти в Российской Федерации необходимо «привести законотворческую деятельность к общему знаменателю», придать ей четкий правовой статус, закрепив ее законодательно, утвердив тем самым ее наиболее значимый характер. Невозможно установить однозначность, стабильность, общую обязательность, авторитет, качество и эффективность правовых норм без предварительного регулирования процедуры их создания.

Если мы проанализируем работу Федерального Собрания России за последние годы, то станет ясно: принимается меньше новых законов по сравнению с количеством поправок и дополнений, вносимых в действующие законы. Напрашивается вывод о том, что законодатель внимательно следит за действием законов, тщательно регистрирует результаты наблюдения и своевременно вносит изменения в ранее принятые законы. Но, этот вывод будет ошибочным. На самом деле изменения в законах происходят в подавляющем большинстве случаев так же неконтролируемо и спонтанно, как и принятие самих первоначальных законов. Поправки к законам вносятся на основе тех же проблемных импульсов, которые ранее привели к тому, что закон был изменен для вступления в силу. Отсутствует обобщение практики, не принимается во внимание критика со стороны лиц, на которых закон распространяет свое действие. Более тщательный и систематический мониторинг действия законов, связанный с предоставлением обратной связи от правоохранительных органов в учреждении, занимающемся подготовкой законодательства, не только повысил бы качество и эффективность законов, но в то же время способствовал бы решению ряда сложных проблем, обременяющих законодателя сегодня. Обилие изменений, вносимых в законы, быстрая замена принятых норм затрудняют информирование тех, кому адресованы законы.

Проблемы законотворческого механизма с точки зрения принятия правотворческого решения: недостаточная системная проработка

законодательных актов, отсутствие долгосрочного планирования, множественность ошибок в законотворчестве, нестабильность правовых актов, преобладание законодательства о «поправках», слабость механизмов реализации актов, их противоречивость. Несмотря на стабильность правотворческих процедур в целом, наблюдается внутренняя несогласованность элементов, этапов и уровней правотворческого механизма, который в отсутствие закона о нормативных правовых актах не может приобрести системную организацию: происходят деформации правотворческого процесса, организационные и юридические неконтролируемые, произвольные и сомнительные с точки зрения законности, процедуры принятия правотворческих решений.

Таким образом, необходимо:

- нормативное упорядочение правотворческой деятельности и процесса принятия нормативных правовых актов;
- совершенствование практики долгосрочного планирования и прогнозирования принятия законодательства;
- организация правового мониторинга на всех уровнях, правовое регулирование и правовая экспертиза принимаемых актов;
- расширение практики общественного одобрения проектов;
- совершенствование методов законотворчества;
- упорядочение и внедрение в конституционные рамки судебного законотворчества.

Избыточность правотворческих механизмов, несовершенство закрепления правотворческих прав субъектов могут привести к правотворческому хаосу и дестабилизации правотворческого механизма. Поэтому в настоящее время, помимо новых институтов инициативного законотворчества, необходимо вдохнуть жизнь в уже существующие формы прямой законотворческой демократии, прежде всего на региональном и

местном уровнях, наполнить их реальным содержанием, укрепив соответствующие бюджетные права местного самоуправления.

Необходимо разработать специальный законотворческий механизм для децентрализации нормотворческих полномочий:

а) пересмотр системы полномочий федеральных органов и органов власти субъектов федерации в рамках конституционных норм о предметах совместного ведения;

б) «диффузия» полномочий должна иметь многовекторный характер: как сверху вниз, так и по горизонтали – с точки зрения компетенции территориальных органов федеральных министерств и ведомств;

в) дифференциация федеральной законодательной формы в направлении консолидации субъектов регулирования на федеральном уровне и создания в регионах законодательных актов по предметам совместного ведения, которые ранее определялись федеральным центром (наука, образование, социальная поддержка, культура и т.д.);

г) расширение перечня субъектов правового регулирования в сферах корпоративного и частного права в целом; передача части нормативной компетенции на уровень корпоративного управления.

Одним из значимых условий совершенствования законодательства также является овладение системой конкретных требований, предъявляемых к ходу формирования законов и подзаконных актов. Эти требования, выработанные на протяжении столетий разными странами, концентрированно формулируются в отрасли знания, именуемой законодательной техникой.

Выводы. Современное правотворчество в Российской Федерации по-прежнему изобилует множеством проблем, как теоретических, так и практических, и для их эффективного преодоления необходимо принятие специального закона, направленного на регулирование правотворчества. Несмотря на то, что этот процесс уже сложился в нашем государстве, важно придать ему форму закона, тем самым закрепив положения, содержащиеся в

толкованиях Конституционного Суда Российской Федерации, регламентах обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации, а также законодательное определение критериев оценки законотворческой деятельности и ответственности законодателей.

Основными проблемами правотворчества в Российской Федерации являются: различные подходы к пониманию правотворчества, упорядочивание и нормативное регулирование правотворчества, а также эффективность правотворчества. В последнее время большое внимание также уделяется вопросам согласования результатов законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях.

Таким образом, процесс конструирования закона считается довольно тщательным и созидательной трудом, осуществление которого для неподготовленного человека является трудноразрешимой проблемой. Отталкиваясь от этого, возможно отметить ключевые тенденции для решения этой проблемы. В первую очередь установить объект законного регулирования с целью изъятия вероятных недостатков в функционирующем законодательстве и недопустимости коллизии. Другим важным нюансом считается привлечение к законопроектной работе не только лишь учёных-юристов, но и научных работников, трудящихся в разных сферах познания. В-третьих, существенную роль играет исследование всемирного опыта правового регулирования, т.к. важной является потребность в подготовке экспертов, понимающих не просто процедуру подготовки закона, а свободно владеющих вопросами законодательной техники, способных создавать указ.

Список источников

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2017. – 608 с.
2. Вискулова В.В. Правотворчество избирательных комиссий как гарантия избирательных прав граждан // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 12. – С.37-41.
3. Любимов Н.А. Законотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: конспект лекций / Н.А. Любимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2013. – 160 с.
4. Нестеренко И. А. Правотворчество в Российской Федерации / И. А. Нестеренко. – М. : ЮНИТИ, 2014. – 270 с.

5. Осипов М.Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества: монография / М.Ю. Осипов; НОУ ВПО Ин-т законовещения и упр. Всероссийской Полицейской ассоц. – М. : Изд-во СГУ, 2015. – 220 с.

6. Придворов Н. А. Правообразование и правообразующие факторы в праве: Монография / Н.А. Придворов, В.В. Трофимов. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 400 с

7. Томин В.А. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: учебное пособие / В.А. Томин. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 96 с.

УДК 343:342

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Матвиенко Екатерина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: k.matvienko@donnu.ru

Кривоножкина Мария Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kishcenkomari4492@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано право Российской Федерации в сфере противодействия терроризму, на основе зарубежного опыта разработаны предложения по его усовершенствованию.

Ключевые слова: терроризм, правовое регулирование, противодействие терроризму, зарубежный опыт.

Постановка проблемы. Вооруженный конфликт с Украиной в Российской Федерации создает новые террористические угрозы для российского государства. Беспрецедентным случаем является террористический акт на Крымском мосту, организованный украинскими спецслужбами.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Авторы В.В. Алешин, Н.А. Черняева, Д.Н. Петровский рассмотрели некоторые современные подходы к правовому регулированию противодействия

терроризму, А.И. Рарог исследовал соотношение между экстремизмом и терроризмом, и т.д.

Цель исследования. Цель исследования – проанализировать право Российской Федерации в сфере противодействия терроризму, на основе зарубежного опыта разработать предложения по его усовершенствованию.

Основные результаты исследования. Несмотря на то, что в настоящее время терроризм приобрел характер мировой проблемы и мировым сообществом принят целый ряд конвенций, направленных на противодействие терроризму, конкретное содержание и сущность терроризма определяется преимущественно актами национального законодательства.

В российском законодательстве (п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму») под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [1].

Из указанного определения следует, что российский законодатель при формулировании рассматриваемого понятия акцентирует внимание на следующих характерных чертах терроризма:

- терроризм представляет собой идеологию, то есть систему взглядов, в соответствии с которыми устрашающее насилие является оптимальным методом воздействия на государственную власть и международные организации;
- терроризм направлен на принуждение властей национального или международного уровня к принятию определенных решений;
- терроризм использует методы устрашения населения, агрессии.

Терроризм несет в себе как промежуточные цели (дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо

воздействие на принятие ими решений), а также имеет общие цели (например, запугивание населения России, внушение населению мнению об ошибочности присоединения к Российской Федерации в виду небезопасности нахождения на ее территории, желания сформировать позицию возвращения регионов в состав Украины и т. п.).

Относительно соотношения терроризма и экстремизма стоит отметить, что «в теории уголовного права преобладает мнение, что терроризм является крайней и наиболее опасной формой экстремизма, что эти понятия соотносятся как видовое и родовое» [2]. Аналогичная позиция отражена и в ряде международно-правовых актов.

Не однозначна и позиция законодателя по рассматриваемому вопросу. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] рассматривает экстремистские преступления и преступления террористической направленности как самостоятельные группы преступлений. Первые отнесены к посягательствам на основы конституционного строя и безопасности государства, вторые – к посягательствам на общественную безопасность. Кроме этого, о разграничении экстремизма и терроризма на законодательном уровне может свидетельствовать также существование двух различных правовых актов – Федерального закона «О противодействии терроризму» и Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [4].

Кроме того, тот же Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 1 указывает, что экстремизмом в числе прочего признается публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. То есть названный законодательный акт подтверждает точку зрения науки о взаимосвязи между терроризмом и экстремизмом. Из содержания Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» следует, что высшая судебная инстанция также

подчеркивает взаимосвязь рассматриваемых категорий. Путем обращения внимания нижестоящих судов на то, что правовая основа противодействия терроризму представлена в числе прочего и Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» [5].

Вопрос о разграничении категорий «терроризм» и «экстремизм» имеет правоприменительное значение – в частности, позволяет определить правовую базу противодействия терроризму. В настоящее время такая правовая база, кроме Федерального закона «О противодействии терроризму» представлена Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2006 №116 «О мерах по противодействию терроризму» [6] и Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации [7] и рядом иных подзаконных нормативных правовых актов.

В соответствии с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации противодействие терроризму в Российской Федерации осуществляется по ряду направлений:

- а) предупреждение (профилактика) терроризма;
- б) борьба с терроризмом;
- в) минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма.

Вопросы противодействия терроризму в нашем государстве регламентируются также и положениями международных нормативно-правовых актов. К числу таковых относятся – Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (г. Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.), Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (г. Шанхай, 15 июня 2001 г.), Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (г. Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) и некоторые иные. Из содержания перечисленных нормативно-

правовых актов следует, что одной из основных мер противодействия терроризму является установление юридической ответственности.

Важное значение в виду постоянных попыток украинской стороны совершить нападение на Запорожскую атомную электростанцию приобретает Международная конвенция 2005 года о борьбе с актами ядерного терроризма. Конвенция охватывает широкий круг актов и возможных целей, включая атомные электростанции и ядерные реакторы; охватывает угрозы и попытки совершения таких преступлений или участия в них в качестве соучастника; предусматривает, что правонарушители либо выдаются, либо преследуются по закону; призывает государства сотрудничать в предотвращении террористических нападений путем обмена информацией и оказания друг другу помощи в связи с уголовными расследованиями и процедурами выдачи; и занимается как кризисными ситуациями (оказание помощи государствам в разрешении этой ситуации), так и посткризисными ситуациями (обеспечение безопасности ядерного материала через международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ)).

Международным инструментом в отношении ядерного материала стала Конвенция 1979 года о физической защите ядерного материала. Документ устанавливает уголовную ответственность за незаконное владение, использование, передачу или хищение ядерного материала и угрозы его использования для причинения смерти, серьезных увечий или существенного имущественного ущерба.

Поправка 2005 года к Конвенции о физической защите ядерного материала делает юридически обязательной для государств-участников защиту ядерных установок и материалов в мирных целях внутреннего использования, хранения, а также транспортировки; и предусматривает расширение сотрудничества между государствами и между ними в отношении оперативных мер по обнаружению и возвращению похищенного или контрабандного ядерного материала, смягчению любых радиологических

последствий или саботажа, а также предотвращению связанных с ними преступлений и борьбе с ними.

Стоит отметить, что пунктом «а» частью 3 ст. 205 УК РФ криминализирован террористический акт, сопряженный с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов.

Кроме того, международным сообществом был принят документ, касающийся террористических взрывов, – Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года. Конвенция создает режим универсальной юрисдикции в отношении незаконного и преднамеренного применения взрывчатых веществ и других смертоносных устройств в различных определенных общественных местах, в них или против них с намерением убить или причинить серьезные телесные повреждения, или с намерением причинить обширное разрушение общественного места.

Незаконное и преднамеренное применение взрывчатых веществ было осуществлено на Крымском мосту 8 октября 2022 года, привело к обрушению двух автомобильных пролетов, гибели гражданских лиц. После теракта на Крымском мосту ожидалось введение контртеррористической операции в рядке российских регионов. В частности, Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации определяет, что в качестве основной формы пресечения террористического акта выделяется контртеррористическая операция, в рамках которой реализуется комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности граждан, организаций и учреждений, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма. Однако был подписан Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской

областей» [8]. Данная мера была также предсказуемой в виду постоянных провокаций с украинской стороны и соответствующей реальности угрозы и необходимости защиты населения России.

В литературе подчеркивается ряд современных мер по противодействию терроризма, принятый в различных государствах: в частности, отмена или лишение гражданства. Например, во Франции может быть лишено гражданства лицо, совершившее террористический акт; в Нидерландах возможно лишения гражданства тех лиц, которые вступили в террористические организации за границей (при этом никаких доказательств вступления не требуется рубежом, достаточным является подтверждение плана лица примкнуть к террористической организации); в Канаде также возможно лишение гражданства за ряд противозаконных действий: государственную измену, шпионаж, а также за совершение террористических преступлений. Данная мера характерна также и для российской правовой системе, однако речь идет не о лишении гражданства, а об отмене решений по вопросам гражданства, что сути не меняет: установление в приговоре суда совершения преступления, сопряженного с террористической деятельностью, приравнивается к установлению факта сообщения заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации [9].

Как было отмечено, терроризм представляет собой преступное явление, которое распространено повсеместно в мире. Существует множество примеров местных организаций, которые используют запугивание населения, смерть и разрушения в качестве мер достижения своих противоправных целей.

В Испании такой вооруженной организацией была Euskadi Ta Askatasuna (ЭТА, ЕТА, «Баскская родина и свобода» или «Страна басков и свобода»), в Великобритания – Ирландская республиканская армия (ИРА).

ЭТА была виновна в сотнях смертей на территории Испании, ИРА причастна к терактам в Лондоне, кроме того, ИРА стала причиной гибели

более полутора тысяч человек в Северной Ирландии. Также в рамках террористических действий население получало ранения, похищались люди, наносился материальный ущерб. Столкнувшись с такой тревожной и продолжительной ситуацией, терроризм всегда имел первостепенное значение в политических программах правительств обеих стран.

В регулировании противодействия терроризма наблюдается особенно резкое столкновение гарантий прав и индивидуальных свобод с требованиями коллективной безопасности, поскольку терроризм воспринимается как посягательство на основы государственных конституционных систем. Правительства представляют искоренение терроризма как оправданное острой необходимостью сохранения государства и связывают эффективность такой цели с принятием определенных исключительных мер.

Великобритания отреагировала в основном чрезвычайным правовым регулированием, что означает, что были созданы правовые условия для ситуации, которая воспринимается как временная или особая. Испания, напротив, предприняла менее радикальные меры. Там были проведены правовые реформы в рамках обычного уголовного кодекса и на неопределенный срок [10].

Выводы. Полагаем, что необходимой является не только криминализация как можно большего количества деяний, подпадающих под определение терроризма, но и временное принятие адекватных правовых мер противодействия. В качестве таких мер могут быть рассмотрены особые проверочные мероприятия в отношении лиц, которые хотят получить российское гражданство или статус беженца, а также прибыли на территорию Российской Федерации с территории недружественных государств.

Список источников

1. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – Выпуск № 11, 2006 г. – Ст.1146.

2. Парог А. И. Соотношение между экстремизмом и терроризмом [Электронный ресурс] / Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ. – Режим доступа: <https://kai.ru/documents/10181/857823/ex-terr.pdf/c286441f-f2d6-4c70-b199-dfeffaaa373b>. – Дата обращения: 11.11.2022. – Загл. с экрана.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 // Собрание законодательства Российской Федерации. – Выпуск № 25, 1996. – Ст. 2954.
4. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ // Российская газета. – 30 июля 2002.
5. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. №1 // Российская газета. – 17 февраля 2012. – №35.
6. О мерах по противодействию терроризму: Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 №116 // Собрание законодательства Российской Федерации. – Выпуск № 8, 2006. – Ст. 897.
7. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утверждена Президентом Российской Федерации 05.10.2009 // Российская газета. – 20 октября 2009. – №198.
8. Llobet-Anglí, M. & Masferrer, Aniceto. Counter-terrorism, emergency and national laws (with Mariona Llobet). – 2015. [Электронный ресурс] / Researchgate https://www.researchgate.net/publication/286122027_Counter-terrorism_emergency_and_national_laws_with_Mariona_Llobet. – Дата обращения: 11.11.2022. – Загл. с экрана.
9. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756 [Электронный ресурс] / Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2022/10/19/prezident-ukaz756-site-dok.html>. – Дата обращения: 11.11.2022. – Загл. с экрана.
10. Алешин В.В., Черняева Н.А., Петровский Д.Н. О некоторых современных подходах к правовому регулированию противодействия терроризму. [Электронный ресурс] / Международный правовой курьер: электронное сетевое издание. – Режим доступа: <http://inter-legal.ru/o-nekotoryh-sovremennyh-podhoda-k-pravovomu-regulirovaniyu-protivodejstviya-terrorizmu>. – Дата обращения: 11.11.2022. – Загл. с экрана.

УДК 34.01

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail:k.matvienko@donnu.ru

Кузнецова Ирина Евгеньевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail:ira00kuz@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматривается влияние религии на современное право, проанализировать их созависимость в условиях глобализации. Проанализирована возможность возникновения новой религии как результат данного взаимодействия.

Ключевые слова: право, религия, общество, глобализация, правовая культура.

Постановка проблемы. В условиях глобализации и мировых проблем общества: эпидемия коронавирусной инфекции, экономические ограничения (санкции), военные конфликты намечаются тенденции возвращения к «духовному началу» человека, обращению общества к религии и неизбежности более тесного симбиоза религии и права.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Теоретическую основу исследования составили нормативно-правовая база, научные работы таких учёных, как А.Г. Косиченко, Р. Мамедова, Мамедова Д.Х.Р., Мамедовой Д.Ж.И., А.Ф. Гавриленко, В.А. Алейниковой и других.

Цель исследования. Рассмотреть влияние религии на современное право, проанализировать их созависимость в условиях глобализации.

Основные результаты исследования. С самого зарождения человеческого общества возникает потребность в упорядоченности и регулировании, возникших относительно одновременно, общественных отношений. Развитие вышеуказанного общества сопрягается с совершенствованием функционирования межчеловеческих отношений путём

появления определённых способов и приёмов взаимодействия, повышением мыслительного уровня его членов и, как следствие, усложнением базовых потребностей человека и социального регулирования человечества в целом.

В момент развития общественных отношений возникает их некое ответвление, название которого «религия». Путь развития религии является сложным и длительным процессом. Стоит указать, что ее истоками являются известные всем природные (первобытные) инстинкты. Именно инстинкт самосохранения является основой для возникновения самых первых религиозных верований. Обращаясь к историографии, можно проследить зависимость *homo erectus* от природных сил, что запечатлено ими на древних пещерных рисунках. Из-за низкого уровня развития человек не отделял себя от природы и переносил на неё отношения, которые складывались в первобытной общине, такие как: кровнородственные связи, раннее родовые связи, взаимоотношения полов, бессилие перед болезнями, смерть сочлена родовой общины, угрожающая её целостности и благополучию, межплеменная рознь.

На этапе совершенствования взаимодействия человека и общества происходит само формирование регулирования общественных отношений с помощью закрепления норм обязательного поведения, установления конкретных запретов, дозволений, поощрений. Следовательно, возрастает роль социальной нормы, которая становится эталоном поведения для непосредственных субъектов общественных отношений. В соответствии с вышепредставленным эталоном уже можно определять дозволенность или запрещенность тех или иных поступков, их оценка путём одобрения либо наказания. Именно на данном этапе происходит необходимость нормативного закрепления тех или иных поступков, действий.

С момента зарождения нормативности на базовом уровне прошла не одна тысяча лет. Сейчас же, нормативность пронизывает все сферы общественной жизни и обладает основаниями, которые находятся в самой необходимости создания общественного порядка.

Термин «глобализация» (от англ. Globalization) стал употребляться в общественных науках сравнительно недавно. В 1983 г. понятие «Globality» было использовано американским социологом Р. Робертсоном в названии одной из статей. В 1985 г. им было дано определение понятия «Globalization», а в 1992 г. он опубликовал основные положения своей концепции в работе «Глобализация». С семантической точки зрения понятие «глобальный» (от лат. Globus – шар, от франц. Global – всеобщий), термины «глобализм», «глобализация» входят в синонимический ряд таких категорий, как полный, всеобщий, универсальный. Этот факт признают, как исходный все исследователи глобализации, которые в то же время порой существенно расходятся, когда раскрывают понятие «глобализация». Стоит указать, что конкретного научного, теоретически верного, общего понимания феномена глобализации, его сути, весомых причин, движущих сил и социальных последствий для будущего человечества как социальной общности в социальных науках так и не сложилось. Начиная с 80 – 90-х годов XX столетия ученые сходятся во мнении, что основой большинства мировых проблем является глобализация. Стоит указать, что сам человек тоже всегда мыслил себя глобально. Даже в первобытное время, когда человек с относительно ограниченным кругозором ощущал себя важной частью мира. Время от времени в истории происходили события, которые показывали необходимость перехода общественного сознания на новый, более широкий уровень осознания мира, обобществления культуры.

Знакомая нам в современном смысле глобализация, в том числе и в религиозной сфере влияния, выступает исторически обусловленным явлением, проявленным на осознанном уровне из-за работы механизмов самосохранения культуры, антиглобализма, регионализации.

Идейным основанием глобализма является достаточно примитивную и понятную всем философия. Она основана на наличии общих для всех людей ценностей, которые лежат в позиции потребительского отношения к миру. Данные ценности, безусловно, имеют место быть, но не стоит упускать тот

факт, что у них значительно меньше откликов в совокупном бытии человека и человечества.

Необходимо ли указать, что «мировые» угрозы в обществе заставляют прочувствовать нас те самые первобытные инстинкты, возобновляя тенденцию повышенного интереса к религии? В подтверждении этому мы обратимся к научной работе «Глобализация и религия», в которой А.Г. Косиченко утверждает, что религия находится в совершенно особых отношениях с глобализмом и глобализацией. Она сопротивляется унифицирующему влиянию глобализации более чем любой другой сегмент современного мира. Сущностью религии является спасение души для вечной жизни, отсюда для религии важен всякий человек с его специфическим личностным содержанием. Глобализация же унифицирует все, в том числе и человека. Представляется необходимым указать, что А.Ф. Гавриленков в своей статье указывает, что процесс глобализации выведет взаимосвязь религии и права на новый уровень. Ведь логика современного развития в условиях глобализации мира убедительно показывает, что религия сохранит своё влияние в обществе вне зависимости от того, имеет ли религия отношение к народностно-национальным, мировым или современным нетрадиционным религиям. В будущем будет постепенно меняться картина распространения и развития религий в глобальном мире. Вероятно, что в ближайшем будущем появятся религии, которые будут отражать ценности глобализирующегося мира [9, с. 3]. Мы не можем не согласиться с данным тезисом. Ведь условия глобализации затрагивают все сферы жизнедеятельности общества. Религия, как моральная основа социума, окажется под данным влиянием одной из первых. Нам остается лишь следить за этим процессом.

Что касается права, то, естественно, что роль права занимает определенную весомую нишу во всех процессах общества, выполняя функцию регламентации современных тенденций. Данные процессы не могут остаться незамеченными в правовой сфере. Но они напрямую влияют

на возникновение новых правовых норм, ужесточение их соблюдения, очерчивание более узких рамок в криминализации наказаний в сфере религии. Представляется необходимым проанализировать тезисы предыдущих научных исследований. В нашем исследовании мы рассматриваем созависимость религии и права. Стоит уточнить, что в научной работе В.А. Алейниковой указано, что религия главенствует над правом, так как: «теорией происхождения религии много и каждая, возможно, ведет нас к истине. Да и истина может лежать на поверхности, а не находиться в глубине. Между тем мы видим некое превосходство религии над правом. Возможно, причина кроется именно в том, что религия охватывает и чувствительную сторону человека, что не все должно быть четко и сухо сформулировано. Сама сущность человека не дает покоя мышлению, человеку определенно нужно знать, что за этим стоит, человек или божественная сила» [3, с. 9]. Проанализировав данный тезис, мы можем указать, что мы склоняемся к другой позиции. Ведь, обращаясь к трудам Мамедова Р., Мамедова Д.Х.Р., Мамедовой Д.Ж.И. отмечаются сразу несколько значимых для нас тезиса: в одном из них указано, что под влиянием религии в Уставе ООН кодифицированы основные принципы международного права. Именно данный тезис указывает на значимость религии в области права. Также, был проведен краткий анализ влияния глобального возрождения религии и «возвращения религии» на международное право и международные отношения [2, с. 3]. То есть право регламентирует религию и держит ее в своих рамках. Мы склонны утверждать, что религия и право со зависимы и равноценны в своём влиянии на общество.

Необходимо указать, что если изучать влияние глобализации исключительно на правовую сферу, то можно прийти к выводу, что глобализация в данном случае непосредственно связана с потенциалом искусственного навязывания стандартов в тех правовых культурах, где они не могут сходиться. К примеру, западное либеральное представление

свободы расходится с тем пониманием пределов свободы, которое присуще правовой культуре исламских государств, клерикальных государств или государств с сильными христианскими традициями. Вышеупомянутые противоречия называются некоторыми экспертами культурными войнами, то есть государств с различными религиозными веяниями. Именно в условиях глобализации эти «несостыковки» приобретают транснациональный уровень. Возникает угроза межнациональных конфликтов, войн. Эксперты указывают, что серьезной угрозой в настоящее время является интенсивный рост политически мотивированного насилия, создающего угрозу устойчивости и эффективности глобального международного правопорядка. Эксперты указывают, что устоявшиеся конституционные права, которые гласят о незыблемых правах человека, главенству демократии и верховенству права тоже находятся под угрозой со стороны международного терроризма и уменьшению влияния сфер свободы.

Вне зависимости от того, что именно глобализация повлияла на снижение уровня религиозности населения, стоит указать, что, также, она осуществила значительное влияние на распространение религии. С помощью социальных сетей, мессенджеров происходит обмен мнениями и информацией верующих, осуществление религиозных обрядов и практик, проповедей и различных действий религиозного значения.

Проанализировав государственно-религиозные и межрелигиозные отношения в современных реалиях, мы можем отметить особенное глобализированное религиозное сознание у участников отношений в религиозной сфере. Представляется необходимым указать, что сама глобализация меняет экономическую, политическую, культурную и информационную среду человека, а также, влечет увеличение взаимодействия между государствами, сообществами в сфере реализации их национальных интересов [8, с.149-162].

Вопрос глобализации весьма непростой и многофакторный вопрос, требующий интегрального осмысления. Глобализация влияет на многие

сферы жизни общества, в том числе и на межрелигиозные. Религия, во многом, не только формирует смыслы, но и претендует на общее понимание мира. Ведь именно она, как социальный феномен, одна из немногих имеет потенцию к подчинению всех сфер социума – экономической, политической, социальной, культурной. Стоит указать, что религия в решении проблем глобализации принимает самое активное участие своим противостоянием глобализации напрямую. Оставаясь, по большей части, объединяющим началом и располагая сложной системой горизонтальных связей и институциональных отношений, религия может служить эффективным инструментом регуляции глобальных тенденций. Глобализация, которая диктует личные контуры нового миропорядка, может иметь немало негативных последствий, приводящих к разрушению самобытных культур и забвению религиозно-нравственных ценностей общества.

В последние годы отношение к религиозным институтам в обществе сильно изменилось. Оставаясь, по большей части, объединяющим началом и располагая сложной системой горизонтальных связей и институциональных отношений, религия может служить эффективным инструментом регуляции глобальных тенденций. Выделить чёткое отношение религии к процессу глобализации довольно сложно. Религий множество, каждая диктует личные принципы, устои, правила по-разному. Именно в этом состоит сложность определения влияния глобализации на религиозную сферу.

В целом, отношение религии к глобализации можно считать сформировавшимся, но вот о мировом развитии каждая из религий высказывается гораздо менее определенно. Если в одних регионах мира люди демонстрируют непреклонную преданность своим традиционным, «доглобальным» религиозным формам, то в других, наоборот – религиозность приобретает модернистские конфигурации.

В последнее время возросло воздействие религиозного фактора, религиозной мотивации на все сферы жизнедеятельности человека значительно возросло. Религия приобретает особое влияние в мусульманских странах на территории

Российской Федерации: издаются законы, ужесточающие наказания за оскорбление чувств верующих, правила ношение хиджабов, запреты вождения транспортных средств женщинами (на основании религиозных норм), усиливается религиозная идентификация населения. Религии пытаются активно воздействовать на политическую, экономическую и иные социальные сферы, государство также сотрудничает с религиозными организациями. Многие социальные проблемы общества: коронавирусная инфекция, войны, акты терроризма, социальное расслоение общества, неравноправие полов большее и большее количество населения пытается решить, обратившись к религии. Религия и пострадала, и возросла в условиях глобализации. Несмотря на это она продолжает бороться за свои права. Даже с условием потери большого количества религиозных последователей, она все же сумела приспособиться к новым условиям существования, чтобы занять свою определенную нишу в современных условиях общества.

Говоря о взаимоотношении религии и права мы можем указать, что основа данных связей кроется в истоках их появления и функционирования. В обществе существует многообразие социальных норм. Возможности каждого их вида воздействовать на общественные отношения ограничены. Именно из-за этого между правом, религией, моралью, корпоративными и этическими нормами их взаимодействие построено как особые регуляторы социальной системы. Во взаимодействии права и религии как регуляторов общественных отношений на первый план выступают правовые и религиозные нормы правила-поведения как наиболее активные элементы правовой и религиозной систем. Они играют определяющую роль в воздействии этих систем на общественные отношения, устанавливая определенные правила поведения людей в социуме.

Выводы. Сможет ли симбиоз обстоятельств (глобализации), способов противодействия обществом ее последствий (религия) и четкая регламентация (право) действовать в симбиозе – вопрос времени и колоссальных усилий со стороны общества. Но тот факт, что их

взаимодействие неизбежно – абсолютно точен. В рассмотренном взаимодействии религиозных и правовых норм прослеживается четко выраженная тенденция к сближению их друг с другом и совместному решению общих задач, стоящих перед обществом. Что касается права, то в условиях глобализации происходит становление «универсальной» правовой системы, в которой международное право и национальные правовые системы становятся многоуровневыми отраслями и институтами, а объектом регламентации – вся социальная система человеческой цивилизации. Глобализация на уровне взаимоотношений национальных правовых систем активно влияет на право и религию, что приводит к усилению их взаимозависимости на уровне функционирования последних, что заостряет проблемы мирового (глобального) правопорядка, а также на уровне методологии, актуализирующей поиски новой методологии права. Анализ научных работ показал нам, что возможно возникновение других религий, которые будут совсем иначе влиять на общество и право. В условиях глобализации религиозный фактор приобретает особое значение как для масс, которые видят в религии источник и средство сохранения культурных ценностей, так и для субъектов глобализации, использующих его для достижения конкретных целей.

Проблемы глобализации не являются недавно приобретенными, они далеко не новы для современной науки. Не смотря на данный факт, мы не можем не указать, что процесс исследования влияния глобализации и в сфере религии, и в правовой сфере, а также, на влияние глобализации на их взаимодействие ничуть не потерял своей актуальности. Причину понять достаточно просто. Ведь многие исследователи данной проблемы ищут причины возникновения глобализации, исследуют влияние глобализации на сферы жизнедеятельности человека, анализируют исследования предыдущих ученых, но малое количество людей занимается непосредственно решением данной проблемы. Теоретической основы недостаточно для уменьшения

негативного влияния глобализации в все сферы жизнедеятельности в современном обществе.

Список источников

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный Закон РФ N 125-ФЗ от 26.09.1997 [Электронный ресурс] / СПС «Гарант. ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/171640/>. – Дата обращения: 15.01.2023. – Загл. с экрана.
2. Мамедов Р., Мамедов Др Хагани Р., Мамедова Др Жаля И Взаимосвязь между международным правом и религией [Электронный ресурс] / СПС «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-mezhdu-mezhdunarodnym-pravom-i-religiey>. – Дата обращения: 20.01.2023. – Загл. с экрана.
3. Алейникова В.А. Соотношение права и религии [Электронный ресурс] / СПС «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-religii>. – Дата обращения: 20.01.2023. – Загл. с экрана.
4. Гавриленков А.Ф. Особенности развития религии в условиях глобализации [Электронный ресурс] / А.Ф. Гавриленков. – Режим доступа: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/4718/1/Pogranicze_27_cz-1_A.Ф.Гавриленков_Особенности_развития_религии_в_условиях_глобализации.pdf. – Дата обращения: 19.01.2023. – Загл. с экрана.
5. Вовк Д.А. Религиозная традиция в праве: общетеоретическая характеристика // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2013. – № 2 (14). – С. 3-17.
6. Сторчак В.М. Социология религии : учебник для академического бакалавриата / В.М. Сторчак, Е.С. Элбакян. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2016. – 232 с.
7. Буянова М. О. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова. – М.: Издательство Дон, 2007. – 298 с.
8. Элбакян Е.С. Глобализация в эпоху религии, религия в эпоху глобализации // Религиоведение. – 2013. – №3. – С. 149-162.
9. Косиченко А.Г. Глобализация и религия [Электронный ресурс] // СПС «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnoe-sostoyanie-cheloveka-v-sovremennom-mire> /. – Дата обращения: 20.01.2023. – Загл. с экрана.
10. Исаева А.А. Система источников правового регулирования статуса религиозных объединений в Российской Федерации и проблемы регионального законодательства [Электронный ресурс] // СПС «Киберленинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/18029258>. – Дата обращения: 23.01.2023. – Загл. с экрана.

УДК 340.1

ПРАВОСОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Кульбацкая Клавдия Юрьевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: vik.kulbatskaya@yandex.ru

Чернявский Максим Владимирович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: musaisaev92@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена современной проблеме правосознания в контексте евразийства современной интеграции. Правосознание играет основную роль в осознании интеграции России, особого субъекта в геополитическом пространстве. В настоящее время идея евразийской интеграции и правосознание в перспективе развития и влияния России на развитие межгосударственных отношений играет огромное значение, политиками и руководителями многих стран необходимо осознание интеграции народов, которые тесно связаны историческими корнями, и при этом взаимодействие на более качественной основе — современной евразийской идее, которая вобрала в себя всё наиболее ценное из предыдущих разработок и применимой к современным реалиям.*

***Ключевые слова:** евразийство, правосознание, интеграционные процессы, монополярный мир, мультиполярный мир, общественное развитие, международное сотрудничество, современное развитие России.*

Постановка проблемы. Изучение, переосмысление и понимание геополитической роли и значимости России в её современном развитии и дальнейшем сосуществовании на международном уровне. Для этого необходимо решить ряд задач, связанных с изменением однополярного мира: определить значимость евразийства; процесс изменения монополярного мира к переходу мультиполярного мира; проанализировать идеи евразийства; определить перспективное развитие современного российского государства в модели евразийского типа; региональные интеграционные процессы.

Методологию исследования составляет система философско-мировоззренческих, общенаучных и специально-научных методов познания, обеспечивающих объективный анализ исследуемого предмета. Результаты настоящего научного труда могут применяться в теоретических исследованиях, посвящённых развитию российского государства в современных реалиях, а также в формировании правосознания в модели нового российского государства в контексте евразийской интеграции.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Евразийская идея возникла в начале 20-х годов прошлого столетия в кругу русских интеллектуалов ученых, которые на тот момент находились далеко за пределами своей страны, были изгнаны или бежавшие из страны, так как в то время в России шла ожесточенная гражданская война. Судьба России была неопределенной. В это время и возникла задумка главных принципов обустройства страны. Так возникла и родилась идея евразийства. Основателями евразийского течения стали экономист-географ Савицкий П. Н., философ Трубецкой Н. С., Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Вернадский Г.В., Никитин В.П., Карсавин Л.П., Иванов В.Н., Ширяев Б.Н. и другие.

Из современных сторонников евразийства можно отметить таких как Дугин А.Г., Савин Л. В., Гумилев Л.Н., которые в своих трудах отметили перспективы евразийской интеграции и могущество России, придерживались мысли, что принимать западные идеи нельзя ни в коем случае. Л.Н. Гумилев настаивал на том, что народам бывшего Советского Союза лучше жить и работать одной большой семьей и будущее только в евразийской интеграции.

Целью исследования является попытка проанализировать взаимосвязь правосознания в контексте евразийства современной интеграции, определить основные проблемы интеграционного процесса, формирование правосознания в модели нового российского государства и предложить применение в исследованиях развития российского государства, а также повышение правосознания на современном этапе развития межгосударственных отношений.

Основные результаты исследования. На сегодняшний день актуален вопрос о том, каково будет место России в грядущей расстановке сил в процессе изменения монополярного мира и перехода к мильтиплярному миру. Это вопрос безопасности, выживания и развития страны. Историческое будущее нашей страны предопределяется уникальным геополитическим положением территории, Россия занимает большую часть евразийского континента, и она особо заинтересована в реализации интеграционных процессов. Практически все страны постсоветского пространства стремятся найти механизм взаимовыгодного интеграционного взаимодействия, который отвечает национальным интересам граждан их стран. Поэтому процесс евразийской интеграции изучается многие года не только экономистами, социологами, историками, философами, но и правоведами. Ими изучены первопричины интеграционных процессов, их источники, особенности и правовые аспекты евразийской интеграции. Изначально евразийство формировалось, как духовно-культурное явление, но со временем приобрело свое политико-правовую программу развития. «Евразийцы считали принципиальным вопросом развития права и государства, как единое целое, поскольку евразийское государство – это государство правды, а это явление не только правовое, но и нравственное, духовное, культурное» [1, с. 165]. Развитие общества, общественных отношений имели колоссальное значение в процессах социального развития, выработке единой многонациональной идеологии, способной сплотить конфессии, общественные организации, партии. Геополитические изменения, происходящие в последнее время как в России, так и в евразийском регионе, объективно показывают, что евразийская интеграционная идея, это важный элемент развития современного общества, науки, экономики.

Евразийство является социально-политическим учением российской общественной мысли XX века. Ученые активно искали ответы на вопросы о самоидентификации. Евразийцы были уверены, что попытка действий изменения политического строя, которые направлены на интеграцию в

мировое сообщество, не избавят Российское государство в конфронтации с Западом. Этот тезис разделяют и некоторые современные западные идеологи. Актуальность евразийства подтверждается повышенным интересом к нему современных западных идеологов. В частности, З. Бжезинский уделил пристальное внимание евразийской идеологии 20-х гг. XX века в своей книге «Великая шахматная доска»: «При этом, однако, совершенно ясно, что столь серьезные политические фигуры, как З. Бжезинский, не будут тратить время на развенчание никчемных и утопических проектов», это «верный знак того, что евразийское мировоззрение есть реальная и мощная идейная основа консолидации сил» [2, с. 60]. Но, не все западные ученые и политики поддерживают идею евразийской интеграции, так как у западных стран и Соединенных Штатов Америки, обвиняя Россию в попытках установить свое влияние, были свои взгляды на страны постсоветского пространства, которые можно увидеть на примере Украины.

Евразийская идея представляет собой развивающийся комплекс концепций, который трактует сущность Евразии (в границах «Большой России» (Российской империи, СССР, СНГ)) его историческое единство в многообразии, уникальный социокультурный синтез народов ее населяющих и обладающий устойчивыми особенностями в традициях государственности и культуры, превращающий Евразию в самостоятельный центр силы. В этом смысле важную роль играет правосознание и духовное воспитание общества. Состояние правосознания общества является важным показателем степени зрелости конкретно-исторической правовой системы. Это в полной мере относится и к современной России. Проводимые преобразования в российском обществе должны обеспечить верховенство закона на всей территории государства, создать условия для установления правопорядка, гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина. Результативность преобразований и уровень правосознания взаимосвязаны, так как именно от уровня правосознания зависит насколько осознанно и активно, будут участвовать в данном процессе все социальные слои

населения. Поэтому в настоящее время становится очевидным, что успешное решение социальных, экономических и политических задач невозможно без повышения уровня правосознания личности, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в претворении положений правовых норм в повседневную жизнь, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону. В этой связи правосознание можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок и необходимое условие для формирования готовности личности к юридически значимому поведению, без чего невозможна евразийская интеграция. Правосознание выступает одной из важнейших форм общественного сознания. Тем не менее, оно находится в тесной взаимосвязи с другими формами сознания, особенно с религией. И хотя в повседневной жизни правосознание может и не иметь религиозной мотивировки, но религиозность не может не выражать отношение к праву и государству. Религия формирует у индивида взгляды, чувства, доктрины по отношению к праву. Религия, с учетом общих принципов, отражает свойства не только природы, общества, человека, но и права, правового регулирования, правового поведения. Под влиянием религиозного мировоззрения формируется религиозное правосознание. Религиозное правосознание – это универсальная связующая, между правом и религией. Поэтому неизбежно, что в правосознании есть религиозный элемент и, наоборот, в религиозном сознании формируются предправовые и правовые структуры. А оно, в свою очередь, играет роль социального источника права и самостоятельного регулятора, в том числе и саморегулятора, их поведения. Только посредством сознательной волевой деятельности людей реализуют правовые предписания. И чем выше степень сознательного восприятия и уважения юридических установлений, тем точнее они исполняются в процессе евразийской интеграции.

Стартовой позицией интеграционных процессов является то, что «они сводятся к неизменному сочетанию, как общегосударственных международных связей, так и отдельным производственным, научно-

техническим, технологическим точкам соприкосновения на уровнях отдельных хозяйствующих субъектов, отраслей, международно-правовых субъектов, обеспечивающих в своём развитии базисное сближение и сращивание национальных экономик стран-участниц интеграции, неизменно поддерживающих политические цели. Данный процесс закономерно влечёт за собой взаимное приспособление, взаимопроникновение и взаимовлияние политических, государственных, правовых, экономических, социальных, фискальных, и иных систем общественного воспроизводства, включая слияние систем управления» [3, с. 3].

Возрождение евразийской идеи вызвало большой резонанс в обществе, разноречивый поток мнений и оценок, как в самой России, в странах постсоветского пространства, так и западных стран. Евразийский союз определяет основные задачи: собирание больших пространств в условиях глобализации, жесткой конкуренции, сохранение и приумножение экономического могущества, обеспечение гражданам своих стран процветания, достойного уровня жизни. В историческом изучении евразийской концепции нельзя обойти общность народов, культуру поведения граждан, духовности, местоположение страны, климатические условия. Огромное значение имеет подведение к единому значению нормативно-правовой базы, которая регулирует совместные решения наднациональных проблем и угроз, общие проекты развития, научного мониторинга реальных общественных процессов, создание общих информационных систем поддержки реализуемых проектов, готовности общества к интеграции. Необходимо ускоренными темпами развивать и внедрять модели социально-экономического развития. В таком контексте социальная политика имеет ключевое значение в интеграционном процессе. Необходимо определить сферы и зоны наилучшей совместимости культурных, политических, производственных и экономических процессов в ходе евразийской интеграции, а также создать систему мониторинга реализации проектов, которые необходимы при этом переходе и выработать

конкретные предложения по изменению хода развития с тем, чтобы оно как можно точнее отвечало задуманным планам. Сегодняшние процессы евразийской интеграции уже начинают проявлять свою значимость и способность стать главным центром решения глобальных проблем социального и культурного развития, мировой экономики, выполнить историческую миссию на постсоветском пространстве.

Изменения правового развития евразийской интеграции движутся по пути восхождения по степени интеграционного сближения государств, которые заинтересованы в взаимовыгодном и эффективном международном сотрудничестве, которое проявляется и в соответствующем международно-правовом регулировании, и в постепенном переходе от рекомендательного воздействия к юридически обязательным решениям органов межгосударственного интеграционного объединения. Отличительная особенность механизма правового регулирования интеграционных процессов заключается в том, что при интеграции правового процесса происходит в двух правовых системах: на уровне национального законодательства – путем имплементации данных норм в национальное право взаимодействующих государств и на уровне международного права посредством учредительных и иных актов региональных организаций. При взаимодействии стран в правовой сфере, можно резюмировать, что средства обеспечения исполнения принятых обязательств в рамках интеграционного процесса имеют согласительный характер и во многом обусловлены степенью интеграционных процессов и действительным намерением объединенных государств поддерживать результат таких механизмов.

Выводы. Вступая в современный передел мира, выживет тот, кто внедрит ведущие тенденции современности, использует интеграционные структуры, приобретающие различные конфигурации, независимо от политических, исторических, социокультурных и религиозных традиций. В дальнейшем развитии интеграции в сферу международно-правового регулирования будут включены не только государства с их экономическими

интересами, но и сам человек, как смысл любого интеграционного взаимодействия и устремления стран на международной арене.

Таким образом, необходимо совершенствовать международную договорную практику, чтобы к положениям международных договоров человек мог обращаться непосредственно, а не через сложное практически реализованное законодательство, которое не всегда реализует предписания международных договоров наилучшим образом;

– совершенствовать практику опубликования международно-правовых актов, затрагивающих права и свободы человека, чтобы они были более доступны для человека;

– совершенствовать практику применения международно-правовых актов органами государственной власти, в том числе судами, в целях эффективной защиты прав и свобод человека;

– повышать уровень правовой грамотности человека, в том числе в международно-правовой сфере, затрагивающей его права и свободы, повышать уровень правосознания и культуры поведения человека в обществе.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что необходим совершенно новый подход – разработка и внедрение в образовательный процесс системы высшего профессионального образования новой дисциплины комплексного характера, которая предметно изучала бы вопросы евразийской интеграции, зарубежный опыт, их взаимосвязь в целом, мировые тенденции региональной интеграции и отличительные особенности объединения стран в каждом конкретном случае.

Список источников.

1. Маслин М.А. У истока евразийства. К 100-летию опубликования книги князя Николая Трубецкого «Европа и человечество» // Философский журнал. – 2019. – Т. 12. – № 4. – С. 161-178

2. Толмачев В.В. Евразийский подход к национальному вопросу в контексте современности // Этно-социальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – 60 с.

3. Бордачев Т.В. Интеграция и суверенитет в 21 веке (Доклад) [Электронный ресурс] / Сайт НИУ ВШЭ. – Режим доступа: <https://cceis.hse.ru/news/82926385.html>. – Дата обращения: 25.11.2022.

4. Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 73-83.

5. Курбанов Р.А. Евразийское право в системе права Российской Федерации // «Международное право» журнал. – 2017. – № 2. – С. 45-65.

6. Курбанов Р.А. Механизмы правового регулирования интеграционных объединений государств // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 2 (6). – С. 6-14.

7. Королев А.А. Евразийство: от идеи к современной практике // «Философия и современность» журнал. – 2015. – № 1. – С. 38-52.

8. Лещенко И.И., Паламарчук А.Н. Евразийство: феномен и история движения // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (г. Донецк 25 октября 2018 г.) /под общей редакцией проф. С. Беспаловой. – 2018. – Том 8. Юридические науки – С. 262-265.

9. Миронов А.В., Попов М.Ю. Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей. – М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018. – 374 с.

УДК 34.01

ГЕНЕЗИС СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЕЁ ИНТЕГРАЦИИ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Макарова Марина Сергеевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: homevi777@gmail.com

***Аннотация.** В статье выделены основные этапы становления и развития судебной системы Донецкой Народной Республики, также отмечены основные существующие проблемы в судах общей юрисдикции и предложен путь их решения. Кроме того, рассмотрены вопросы процесса интеграции в судебную систему Российской Федерации в течение переходного периода, установленного законодательством в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образованием в составе Российской Федерации нового субъекта.*

***Ключевые слова:** судебная система Донецкой Народной Республики, переходный период, процесс интеграции.*

Постановка проблемы. В Донецкой Народной Республике, как сравнительно молодом государстве судебная система формировалась достаточно быстрыми темпами и на момент вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации имела ряд проблем, решение которых в настоящее время усложняется процессом интеграции в судебную систему Российской Федерации, так как сам по себе переходный период для решения всех возникающих сложностей также требует должного внимания, в том числе в виде законодательного урегулирования.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Тема истории становления и развития судебной системы Донецкой Народной Республики и основные вопросы её интеграции в судебную систему Российской Федерации имеет малую степень освещенности, при этом некоторые аспекты данной

темы рассматривались следующими авторами: Н. Г. Могутова, М. В. Мацкевич, В. В. Туманов, А. В. Клещенков и другие.

Цель исследования. Тема исследования была выбрана с целью провести анализ основных этапов становления и развития судебной системы Донецкой Народной Республики; обозначить существующие проблемы в деятельности судов и предложить меры по их разрешению; выделить основные вопросы интеграции в судебную систему Российской Федерации.

Основные результаты исследования. Конституция Донецкой Народной Республики закрепляет разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также гласит, что правосудие в Донецкой Народной Республике осуществляется только судом.

Становление судебной системы Донецкой Народной Республики начато в условиях военного времени, в связи с чем Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 17 августа 2014 года № 27-1 утверждено «Положения о Военных Судах Донецкой Народной Республики» (далее – Положение), которое прежде всего было разработано с целью создания и развития нормативно-правовой базы, необходимой для борьбы с преступностью в условиях военного положения и в районах боевых действий, а именно Положение закрепляло в себе нормы об организации и комплектовании военно-полевых судов; о подсудности; о порядке расследования и рассмотрения дел. Так, пунктом 4 Положения было установлено, что систему военно-полевых судов в военное время в качестве судов первой инстанции составляют военно-полевые суды гарнизонов, воинских частей, соединений, объединений, а в качестве суда второй инстанции Военный Трибунал Донецкой Народной Республики.

Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики от 23 сентября 2014 года № 35-1 на должность Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики был назначен Якубовский Э. Н.

22 октября 2014 года Советом Министров Донецкой Народной Республики было принято два постановления, которые позволили сделать

большой шаг в развитии судебной системы Донецкой Народной Республики, а именно Постановление № 40-1 «О создании судебной системы», Постановление № 40-2 «О судебной системе». Стоит отметить, что в настоящее время в Донецкой Народной Республике ежегодно 22 октября отмечается профессиональный праздник работников судебной системы.

Далее, на основании Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 № 40-2 «О судебной системе» приказами Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики было создано пятнадцать судов общей юрисдикции и два специализированных суда. Также для обеспечения функционирования судебной системы Донецкой Народной Республики указами Главы Донецкой Народной Республики были назначены судьи в Верховный Суд Донецкой Народной Республики, Арбитражный суд Донецкой Народной Республики, Военно-полевой суд Донецкой Народной Республики и в суды общей юрисдикции Донецкой Народной Республики.

Таким образом, в период с 2014 года по 2018 год судебная система Донецкой Народной Республики представляла собой суды трёх инстанций (первой, кассационной и надзорной):

- 1) Верховный Суд;
- 2) суды общей юрисдикции – районные, городские, межрайонные суды Донецкой Народной Республики;
- 3) специализированные суды: Арбитражный суд Донецкой Народной Республики и Военно-полевой суд Донецкой Народной Республики.

7 сентября 2018 года Указом временно исполняющего обязанности Главы Донецкой Народной Республики № 6 на должность Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики был назначен Ким А. В.

1 января 2019 года вступил в законную силу Закон Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 241-ІНС «О судебной системе Донецкой Народной Республики» (далее – Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики»), что обусловило становление нового этапа в

развитии судебной системы Донецкой Народной Республики. Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики» утвердил новую структуру судебной системы, которая предусматривает суды четырёх инстанций (первой, апелляционной, кассационной и надзорной) и состоит из следующих судов:

- 1) Конституционный Суд Донецкой Народной Республики;
- 2) Верховный Суд;
- 3) суды общей юрисдикции: районные, городские, межрайонные суды Донецкой Народной Республики; Арбитражный суд Донецкой Народной Республики; Военный суд Донецкой Народной Республики [3].

Следует обратить внимание, что в соответствии с нормами Закона «О судебной системе Донецкой Народной Республики» создание Конституционного Суда Донецкой Народной Республики возможно лишь после внесения соответствующих изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики, а до образования Апелляционного суда Донецкой Народной Республики его полномочия возложены на Апелляционную палату Верховного Суда Донецкой Народной Республики.

21 января 2019 года Глава Донецкой Народной Республики Пушилин Д. В. подписал Указ № 14, которым постановил создать Временную экзаменационную комиссию по приему квалификационного экзамена на должность судьи Донецкой Народной Республики, Временную квалификационную коллегия судей Донецкой Народной Республики, а также утвердить Положение о Временной экзаменационной комиссии по приему квалификационного экзамена на должность судьи Донецкой Народной Республики, Положение о Временной квалификационной коллегии судей Донецкой Народной Республики. Таким образом были реализованы положения Закона Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 242-ИНС «О статусе судей» и тем самым определены полномочия, порядок формирования и численный состав вышеуказанных органов судейского общества.

Одним из требующего внимания событием в истории развития судебной системы Донецкой Народной Республики было принятие Закона Донецкой Народной Республики от 20.11.2020 № 213-ПНС «О внесении изменений в некоторые законы Донецкой Народной Республики», а именно статьей 2 указанного Закона были внесены изменения в Закон Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 242-ПНС «О статусе судей» устанавливающие, что судьи Верховного Суда Донецкой Народной Республики назначаются на должность сроком на пять лет и могут быть назначены на новый срок, судьи судов общей юрисдикции назначаются на должность сроком на три года и также могут быть назначены на новый срок [4]. При этом до внесения вышеуказанных изменений полномочия судьи не ограничивались определенным сроком. Таким образом, положение судей ухудшилось, что вызвало общественное напряжение, как со стороны судей, которые никаким образом не могли предугадать будут ли продлены их полномочия Указом Главы Донецкой Народной Республики по истечению установленного срока, так и со стороны лиц, в отношении которых у этих судей в производстве находились дела, поскольку, если дела будут переданы на рассмотрение другому судье, то рассмотрение дела начнется сначала, что естественно затянет процесс рассмотрения дела, особенно это имеет значение при рассмотрении уголовных дел, когда подсудимый находится под стражей, при этом, если суд рассмотрев дело установит невиновность этого лица.

Что касается истории правового статуса Верховного Суда Донецкой Народной Республики изначально он был регламентирован Временным положением о судебной системе, утверждённым Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22.10.2014 № 40-2 «О судебной системе» в соответствии с которым на высший судебный орган возлагались функции по осуществлению конституционного контроля посредством конституционного судопроизводства, а также осуществление надзорного и кассационного судопроизводства по гражданским, арбитражным, уголовным, административным и иным делам, подсудным

судам, образованным в Донецкой Народной Республике в соответствии с законом. Кроме того, к компетенции Верховного Суда Донецкой Народной Республики было отнесено рассмотрение отдельных дел в качестве суда первой инстанции в случаях, предусмотренных законодательством. Также стоит отметить, что в соответствии с положениями Конституции Донецкой Народной Республики Верховный Суд Донецкой Народной Республики обладает правом законодательной инициативы по вопросам, относящимся к его ведению.

В свою очередь для организации деятельности Верховного Суда Донецкой Народной Республики приказом Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 22.02.2016 № 45-од был утверждён Административный регламент Верховного Суда Донецкой Народной Республики.

В 2018-2019 годах между Верховным Судом Донецкой Народной Республики, Верховным Судом Республики Южная Осетия и Верховным Судом Луганской Народной Республики было заключено международное соглашение о взаимном сотрудничестве и обмене правовой информацией.

15 января 2020 года Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики был принят Закон Донецкой Народной Республики № 92-ПНС «О Верховном Суде Донецкой Народной Республики», который закрепил новый правовой статус высшего судебного органа, а также установил структуру и численный состав судей Верховного Суда Донецкой Народной Республики.

Во исполнение норм вышеуказанного Закона Пленумом Верховного Суда Донецкой Народной Республики была создана Судебная коллегия Верховного Суда Донецкой Народной Республики, на которую были возложены такие важные функции, как избрание в отношении судей меры пресечения в виде заключения под стражу, проведение оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий в отношении судей, а

также решение вопроса о привлечении судей к административной ответственности.

Что касается Судебного Департамента при Верховном Суде Донецкой Народной Республики (далее – Судебный Департамент), то его деятельность начиная с 22 октября 2014 года регламентировалась Временным положением о судебной системе, утверждённым Постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики № 40-2, Положением о Судебном департаменте при Верховном Суде Донецкой Народной Республики, утверждённым приказом Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 29.12.2014 № 31од, и Административным регламентом Судебного департамента при Верховном Суде Донецкой Народной Республики, утверждённым приказом Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 10.03.2016 № 54-од. Так, в соответствии с вышеперечисленными нормативными правовыми актами Судебный Департамент был наделен полномочиями по осуществлению организационного обеспечения деятельности Верховного Суда, судов общей юрисдикции, специализированных судов. Руководитель Судебного департамента при Верховном Суде назначался на должность и освобождался от должности Председателем Верховного Суда. Аппарат Верховного Суда, судов общей юрисдикции, специализированных судов являлся составной частью Судебного департамента и подчинялся руководителю Судебного департамента.

15 января 2020 года Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики был принят Закон «О судебном департаменте при Верховном Суде Донецкой Народной Республики», данный нормативный правовой акт установил полномочия Судебного департамента, иной порядок назначения на должность и освобождения от должности руководителя Судебного департамента и его полномочия, порядок назначения на должность и освобождения от должности руководителей аппаратов судов общей юрисдикции, а также их полномочия.

24 февраля 2022 года на территории Донецкой Народной Республики началась «Специальная военная операция», в ходе которой началось активное освобождение территорий, ранее временно находившихся под контролем Украины, в целях обеспечения законности и правопорядка рядом приказов Председателя Верховного Суда Донецкой Народной Республики было установлено, что до создания организационных, материально-технических и иных условий, необходимых для надлежащей работы судов в освобожденных населенных пунктах на них будет распространяться юрисдикция судов, созданных до 24 февраля 2022 года, то есть за определенными судами общей юрисдикции указанными приказами закрепляются территории освобожденных населенных пунктов. Так, например, по состоянию на декабрь 2022 года юрисдикция Будённовского межрайонного суда г. Донецка распространяется на территорию Жовтневого, Ильичевского, Орджоникидзевского, Приморского районов г. Мариуполя, юрисдикция Докучаевского городского суда распространяется на территорию Волновахского района, юрисдикция Новоазовского районного суда распространяется на территорию Першотравневого и Володарского района и т. д.

Вышеизложенные обстоятельства раскрывают одну из значительных существующих на сегодняшний день проблем в судах общей юрисдикции. Для надлежащей работы судов в освобожденных населенных пунктах необходимо создания организационных, материально-технических и иных условий, а пока эти условия не созданы, работа, которую должны были бы осуществлять суды на этих территориях возлагается на существующие суды, которые сами нуждаются как минимум в расширении штатной численности и обеспечении необходимыми материально-техническими условиями для качественного осуществления поставленных задач и, что самое важное, соблюдения всех процессуальных сроков. Данная проблема указывает на низкий уровень организации судебной деятельности в судах общей юрисдикции. Для её решения в первую очередь необходимо увеличивать

количество судей, а также штатную численность аппарата судов общей юрисдикции, кроме того сотрудники судебной системы нуждаются в нормальном и регулярном материально-техническом обеспечении, конечно же всё это зависит от уровня финансового обеспечения, планируемого бюджетом Донецкой Народной Республики, но только при таких обстоятельствах суды общей юрисдикции смогут функционировать на должном уровне.

30 сентября 2022 года произошло значимое событие для Донецкой Народной Республики, между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой был заключен Договор о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта. Настоящее событие обуславливает, что теперь судебная система будет развиваться в Донецкой Народной Республике, как субъекте Российской Федерации, а для этого предстоит пройти достаточно сложный путь интеграции в результате, которого на территории Донецкой Народной Республики будут созданы суды Российской Федерации, а также урегулированы вопросы осуществления правосудия в течение переходного периода.

Стоит отметить, что ещё до момента принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта, Донецкой Народной Республикой был избран курс на гармонизацию собственного законодательства с законодательством Российской Федерации, конечно же данное решение сыграет свою роль и отразится положительным образом на процессе интеграции, однако точно не решит все проблемы и сложности, которое могут возникнуть при становлении судебной системы в Донецкой Народной Республике, как субъекте Российской Федерации, в связи с чем можно сделать вывод о том, что предстоит разработка большого массива законодательства, причем это потребует не только в сфере судебной деятельности.

Так, 4 октября 2022 года вступил в законную силу Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (далее – ФКЗ № 5), устанавливающий переходный период на территории Донецкой Народной Республики с 30 сентября 2022 и до 1 января 2026 года, в течение которого должны быть урегулированы вопросы интеграции нового субъекта Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти Российской Федерации.

Статья 10 ФКЗ № 5 устанавливает особенности создания судов Российской Федерации на территории Донецкой Народной Республики, а также осуществления правосудия в течение переходного периода, проанализировав положения данной статьи, можно выделить следующие основные вопросы интеграции судебной системы Донецкой Народной Республики в судебную систему Российской Федерации [1].

Так, в первую очередь оперативного решения требует вопрос о создании на территории Донецкой Народной Республики федеральных судов общей юрисдикции, арбитражных судов и военных судов. Согласно статье 17 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», все федеральные суды создаются и упраздняются исключительно федеральным законом, соответственно возникает необходимость в принятии законодательным органом государственной власти Российской Федерации федерального закона, согласно которому на территории Донецкой Народной Республики будут созданы суды Российской Федерации, стоит отметить, что принятие такого федерального закона позволит обеспечить осуществление правосудия на территории Донецкой Народной Республики, а также реализацию конституционного права населения, проживающего на данной территории, на доступ к правосудию.

Кроме того, важно урегулировать вопросы, касающиеся создания судебных участков и определения общего числа мировых судей, в соответствии с частью 3 статьи 10 ФКЗ № 5 они будут созданы по инициативе законодательного (представительного) органа Донецкой Народной Республики, согласованной с Верховным Судом Российской Федерации.

Что касается ликвидации судов, действовавших на день принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта, то в соответствии со статьей 17 Закона Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 241-ИНС «О судебной системе Донецкой Народной Республики» Верховный Суд Донецкой Народной может быть ликвидирован только путем внесения изменений в Конституцию Донецкой Народной Республики, другие суды ликвидируются исключительно законом, таким образом данные положения также требуют реализации.

Помимо создания федеральных судов на территории Донецкой Народной Республики, одним из важных вопросов выступает обеспечения этих судов квалифицированными кадрами. Для урегулирования данного вопроса также необходимо принятие законодательным органом государственной власти Российской Федерации федерального закона, которым будет определен порядок отбора кандидатов в составы федеральных судов, создаваемых на территории Донецкой Народной Республики. При этом важно во исполнение части 2 статьи 10 ФКЗ № 5 закрепить в вышеуказанном нормативном правовом акте механизм реализации преимущественного права лиц, замещавших должности судей судов, действовавших на территории Донецкой Народной Республики на день принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта.

В соответствии с нормами Федерального закона от 14 марта 2002 года N 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»

судейское сообщество в Российской Федерации образуют судьи федеральных судов всех видов и уровней, судьи судов субъектов Российской Федерации, составляющих судебную систему Российской Федерации [2]. Следовательно, необходимо также закрепить порядок создания органов судейского сообщества Донецкой Народной Республики путём принятия соответствующего федерального закона. Создание органов судейского сообщества позволит осуществлять такие важные задачи в сфере судебной деятельности, как: содействие в совершенствовании судебной системы и судопроизводства; защита прав и законных интересов судей; участие в организационном, кадровом и ресурсном обеспечении судебной деятельности; утверждение авторитета судебной власти, обеспечение выполнения судьями требований, предъявляемых кодексом судейской этики.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в период с 2014 года по 2022 год судебная система Донецкой Народной Республики развивалась стремительно и достигла достаточно высокого уровня, благодаря чему облегчается процесс интеграции в судебную систему Российской Федерации. Вместе с тем, в настоящее время для должного и законодательно правильного развития судебной системы Донецкой Народной Республике, предстоит пройти в течение установленного переходного периода достаточно сложный путь, обособленный проблемами осуществления правосудия в течении такого периода, а также полноценного законодательного урегулирования вопросов, связанных с созданием федеральных судов на территории Донецкой Народной Республики и обеспечением этих судов квалифицированными кадрами.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республик» // Собрание законодательства РФ. – 10.10.2022 г. - № 41. - ст. 6930.
2. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 18.03.2002 г. - № 11. - ст. 1022.
3. О судебной системе Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 241-ІНС (ред. от 20.11.2020) [Электронный

ресурс]. / Официальный Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Дата обращения: 20.11.2022.

4. О статусе судей: Закон Донецкой Народной Республики от 31.08.2018 № 242-ІНС (ред. от 17.08.2021) [Электронный ресурс]. / Официальный Сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-statuse-sudej/>. – Дата обращения: 20.11.2022.

УДК 34.03

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Матвиенко Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Макарченко Диана Олеговна
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: makarchenko_diana@mail.ru

***Аннотация.** Исследование посвящено исследованию проблем возраста уголовной ответственности, как обязательного признака субъекта преступления, в частности определения минимальных и максимальных возрастных границ привлечения к уголовной ответственности и других коллизий уголовного законодательства, связанных с данным институтом. В работе раскрыто содержание понятий «уголовная ответственность несовершеннолетних», «наказание» и «принудительные меры воспитательного воздействия», выделены основания и принципы уголовной ответственности несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность несовершеннолетних, принудительные меры воспитательного воздействия, наказание, преступление, уголовно-правовые отношения, несовершеннолетние.*

Постановка проблемы. Рассматриваемый в статье вопрос положения несовершеннолетних в системе норм об уголовной ответственности на сегодняшний день является актуальным, поскольку в процессе ознакомления с данной темой можно выявить ряд проблем, требующих скорейшего

разрешения. В условиях современности наблюдается рост преступности среди подрастающего поколения, что во многом вызвано недостаточным уровнем правовой культуры и правового сознания подростков, а также отсутствием должного и эффективного взаимодействия образовательных учреждений с участковыми инспекторами и инспекторами групп по делам несовершеннолетних.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В настоящее время вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних является актуальным для изучения, поскольку в данной теме исследования существует ряд существенных недочетов и упущений на законодательном уровне, требующих скорейшего разрешения. Представленная научная работа выполнена на основе исследования материалов научных публикаций в области теории права отечественных учёных, среди которых: М.В. Саркисян, Е.Н. Коваль, В.А. Терентьева, Н.Ю. Скрипченко, Л.М. Прокументов, Е.Н. Арестова, Е.Э. Ганаева и другие, а также на основе анализа нормативно-правовых актов и сложившейся практики.

Цель исследования. Целью исследования является рассмотрение актуальных проблем, связанных с реализацией уголовной ответственности несовершеннолетних.

Основные результаты исследования. Начало становления правовых норм об уголовной ответственности несовершеннолетних произошло еще в период Древнерусского государства. Сведения о возрасте уголовной ответственности можно получить из Номоканона – основы и составной части Кормчей книги: «От коего возраста подобает им исповедоваться Богови и девства исповедание когда истинно помышляти быти с ответом» [7, с. 280]. В этот исторический период, церковь, как известно, допускала детей к причастию и покаянию с семи лет, таким образом признавая за детьми возможность осознавать совершенные ими поступки, соотносить их с догматами вероучения и нормами морали, оценивать их на предмет дозволенности. На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что

ответственность детей перед Богом, а, следовательно, и перед теми, кто представлял его на земле, – церковью и князем, наступала с семи лет. Если же говорить о смягчении ответственности лиц, достигших семилетнего возраста, то оно «...было вполне возможно в силу их "несмышления", но осуществлялось, скорее всего, по принципу ad hoc, т. е. зависело от конкретных обстоятельств совершенного преступления. Смягчение ответственности не допускалось однозначно в одном случае – если ребенок совершал преступление против родителей». Следует отметить и тот факт, что законодательно в Русской Правде был закреплён тот факт, что дети могли нести наказание за преступления, совершенные их родителями. Так, в статье 7 было указано: «Будет ли стать на разбой без всякой свады, то за разбойника люди не платят, но выдадут и всего с женою и с детьми на поток и разграбление». Поток и разграбление — высшая мера наказания, применяемая к преступнику в форме конфискации имущества и изгнании осуждённого и его семьи, что для невиновных членов семьи являлось серьёзным материальным и моральным лишением [6, с. 2].

В соответствии с Уставом Ярослава Мудрого «О земских делах», лица, не достигшие двенадцатилетнего возраста, подвергались различным наказаниям наравне со взрослыми, однако к ним не применялось наказание в виде смертной казни. На основании Судебника 1550 г. несовершеннолетние не имели права не имели право целовать крест как доказательство своей невиновности и не могли быть участниками поединков наряду со взрослыми. А в дальнейшем в соответствии с Соборным уложением 1649 г. царя Алексея Михайловича детей вместе с родителями, которые совершили преступление против церкви и личности царя, могли приговорить к смертной казни. Также в этот исторический период предусматривалась равная ответственность несовершеннолетних и взрослых преступников. Соборное Уложение предусматривало также смертную казнь и для детей, убивших своих родителей; также на основании данного нормативного правового акта ребенок по жалобе родителей мог быть приговорен публичной властью к

порке кнутом или отдан в холопство. В дальнейшем, вследствие логичного развития системы наказания и ее гуманизации, произошло смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних преступников. И только по прошествии двадцати лет после издания Соборного Уложения 1649 г., законодатель обращает внимание на норму, содержащуюся в Градских законах, «аще седми лет отрок убьет кого... не повинен есть смерти», и закрепляет ее в Новоуказных статьях Сысского приказа 1666 г. [2, с. 4].

Началом следующего этапа развития права стали реформы Петра I, в которых заметно увеличивается роль светского законодательства, как правило, императорских указов, предназначенных для заполнения пробелов в праве. В этот период несовершеннолетние впервые упоминаются в качестве специального субъекта уголовной ответственности в Воинском Артикуле 1715 г. Данный документ определял точный возраст, но в определении артикула 195 устанавливалось только о наказании за воровство: «...если же вор будет младенцем, то содеянное по обыкновению умаляется и оставляется, дабы его отучить, родители лозами наказать могут...». От родителей удары лозами не воспринимались в качестве уголовного наказания, их применение происходило не от имени государства. Именно в этом условии и выражался гуманизм Воинского Артикула. Позднее, 23 августа 1742 г. был издан специальный указ Сената, который содержал в себе положения, смягчающие наказания несовершеннолетним. Так, указ Сената 1742 г. постановил:

- 1) причислить к категории малолетних лиц в возрасте до 17 лет;
- 2) освободить малолетних от пытки, кнута и смертной казни «по подлинному свидетельству о тех их летах»;
- 3) для малолетних, которые были изобличены в святотатстве, убийстве, поджоге и «иных важных винах», утвердить наказание в виде избияния плетью в публичном месте и ссылки на срок до 15 лет в монастырь;

4) для малолетних, совершивших неоднократные разбои, кражи и иные преступления, за которые «подлежать будут смертной же казни», утвердить наказание в виде избиения плетьюми или батогами, в зависимости от их возраста, и ссылки в монастырь на 7 лет;

5) для малолетних, которые совершили преступление, наказываемое кнутом, утвердить наказание в виде избиения плетьюми или батогами в зависимости от возраста;

б) для малолетних, которые совершили «прочия же вины» - кражу, мошенничество и т. п., утвердить наказание в виде избиения розгами, или плетьюми, или батогами, «смотря по летам и по вине».

При Екатерине II, которая стремилась к европейским ценностям, впервые по решению Правительствующего Сената было закреплено, что с совершеннолетия наступает с 17-ти лет, а уголовная ответственность – уже с 10-ти лет. Малолетних преступников в возрасте с 10 до 15-ти лет освобождали от телесных наказаний. Последующий Указ Екатерины II от 26 июня 1765 года «О производстве уголовных дел, учинённых несовершеннолетними, и различиях по возрасту преступников» содержал в себе кардинальные перемены, связанные с установлением полной невменяемости малолетних до 10 лет. Смягчение наказания для несовершеннолетних с 10 до 17-ти лет предусматривало запрет на пытки с предписанием «...об употреблении во взыскании справедливости больше милосердия, нежели жестокости, а возраст до 10-ти лет преступлением не считать, отдавая для наказания матерям, отцам или помещику...».

С XVIII века в отечественном законодательстве начали закладываться нормы профилактического воздействия на несовершеннолетних, которые основывались на принципах гуманизма и неотвратимости ответственности.

В 1832 г. в Своде законов был установлен специальный правовой институт, в рамках которого нормы о преступлениях несовершеннолетних были систематизированы, а малолетство и несовершеннолетие стало признаваться смягчающими обстоятельствами. При этом правонарушителей,

которые не достигли возраста 10 лет, отдавали на перевоспитание родителям или опекунам.

В 1845 г. было принято Уложение «О наказаниях уголовных и исправительных» в котором четко разграничили три возрастных периода: безусловная невменяемость (до 10 лет), условная вменяемость (до 17 лет), безусловная вменяемость (до 21 года). Также был установлен особый порядок определения и применения наказаний к несовершеннолетним, в соответствии с которым лица в возрасте от 10-и до 14-и лет не могли быть лишены всех прав, не подвергались телесным наказаниям через палачей, а также в виде наказания их не могли ссылать на каторжные работы. Данные виды наказаний были заменены ссылкой в Сибирь на поселение без телесных наказаний, заключением в монастырь или в смирительный дом на срок от 5-и до 8-и лет без телесных наказаний [5, с. 7].

В целях последующего развития и совершенствования законодательства в области борьбы с преступностью несовершеннолетних в 1876 г. был принят Устав «О предупреждении и пресечении преступлений несовершеннолетних». Этим уставом на руководителей учебных заведений, педагогов, владельцев домов и дворников частично возлагались обязанности по профилактике преступлений несовершеннолетних.

Большая значимость уделялась защите несовершеннолетних при расследовании совершенных ими преступлений и установлению подстрекателей. Так, Уголовное уложение 1903 года закрепило в отношении подстрекателей следующие виды наказаний: заключение в тюрьму или исправительный дом; арест и другие строгие меры наказания в отношении подстрекателей, способствовавших преступному поведению несовершеннолетних, к категории которых в тот период времени относились лица в возрасте до 21 года. Важную составляющую в борьбе с преступностью несовершеннолетних составляли суды, подводившие итог всей деятельности следственных органов и полиции. С 1910 г. государство начало осуществлять меры, направленные на повышение эффективности работы судебных

органов. Так, в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах империи начали создаваться специализированные суды по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних. При судах образовывались институты попечителей, в обязанности которых входило осуществление контроля за поведением обвиняемых и осужденных несовершеннолетних, наказание которых не предусматривало лишение свободы [3, с. 3].

Советский период развития права стал следующим важным этапом развития законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. Декрет от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» стал одним из первых советских нормативных актов в области борьбы с подростковой преступностью. Так, в соответствии с данным документом было отменено тюремное заключение для преступников, не достигших 17 лет, а также были упразднены суды. Также все дела о преступлениях указанной категории субъектов обязательно подлежали рассмотрению в специально созданных комиссиях, находившихся в административном подчинении Народного комиссариата общественного призрения. В 1922 г. минимальный возраст уголовной ответственности был снижен с 18 до 16 лет; к преступникам, не достигшим указанного возраста могли быть применены лишь меры воспитательного характера. А уже в 1935 г. было принято решение распространить уголовную ответственность по некоторым особо тяжким преступлениям на лиц, достигших возраста 12 лет.

Особое значение в вопросе определения вектора государственной политики в сфере противодействия преступности несовершеннолетних внесло Постановление ЦИК СССР № 3 и СНК СССР № 598 от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», в связи с которым стали привлекать к уголовной ответственности «несовершеннолетних двенадцатилетнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве или попытке к убийству». Наивысшим по строгости наказанием в отношении несовершеннолетних преступников было лишение свободы на срок до 10 лет.

Максимальная мера наказания – смертная казнь к ним не применялась. В дальнейшем неоднократно следовали высказывания о предложении смягчить указанные выше предписания уголовного закона, но окончательно вопрос, связанный с возрастом уголовной ответственности был разрешен уже в 1958 г. с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, на основании которых в качестве субъектов преступления начали рассматривать только физических лиц, достигших 16-тилетнего возраста на момент совершения преступления, и лишь в отдельных случаях – 14-тилетнего возраста [4, с. 7].

В 2001 г. был принят Уголовный кодекс Украины, сохранивший те же возрастные рамки уголовной ответственности, но расширивший перечень преступлений, уголовная ответственность за которые могла быть предусмотрена с 14 лет.

19 августа 2014 г. был принят Уголовный кодекс ДНР, который не отменяет минимальный возраст уголовной ответственности, наступающий с момента достижения 14-тилетнего возраста. Четкий список преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступает с 14 лет, содержится в ст. 19 УК ДНР. Вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних в УК ДНР посвящен отдельный, пятый по счёту, раздел.

В ч. 2 ст. 88 УК ДНР указывается, что к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия либо им может быть назначено наказание, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [1, с. 31].

В предусмотренном уголовным законодательством перечне наказаний, назначаемых несовершеннолетним, указана почти половина всех видов наказаний, предусмотренных ст. 43 УК ДНР, а именно: штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на

определенный срок. Из шести видов наказаний, которые могут назначаться несовершеннолетним, только одно не соединено с привлечением их к труду – штраф. На основании этого можно сделать вывод, что труд – наиболее эффективный метод становления виновного на путь исправления.

Однако, анализируя судебную практику последних лет, можно прийти к выводу, что назначение несовершеннолетним перечисленных в ст. 89 УК ДНР наказаний в виде штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью и исправительных работ по факту носит исключительно декларативный характер, поскольку большинство несовершеннолетних не имеют самостоятельного заработка и не занимаются определенной деятельностью. Также имеются большие сложности в организации исполнения наказания в виде обязательных работ для данной категории правонарушителей. Существуют определенные коллизии в правовой регламентации применения ареста к несовершеннолетним. В данном случае следует согласиться с позицией отдельных авторов, отмечающих, что существующая система уголовного наказания несовершеннолетних должна быть подвергнута усовершенствованию. Например, необходимо допустить применение во всех случаях и штрафа, и исправительных работ, но с отсрочкой исполнения наказания до достижения 18 лет, либо ввести новые виды наказаний, которые реально можно применить к впервые нарушившему уголовный закон несовершеннолетнему независимо от его возраста, наличия работы и имущества. Много неясностей существует и в практике применения наказания в виде лишения свободы. В частности, до сих пор не решен вопрос о создании воспитательных центров для несовершеннолетних осужденных.

Выводы. Для снижения уровня противоправности среди молодого поколения следует рассмотреть такие предложения:

– предложение о том, что при освобождении от уголовной ответственности и наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия суд должен принимать решение о проведении

мероприятий по социально-педагогической реабилитации несовершеннолетнего;

– предложение позаимствовать у французского законодательства такую меру воспитательного воздействия, как передача подростка под надзор родителей, опекунов или иных лиц, заслуживающих доверия. В этом случае лица, осуществляющие за ним надзор, предупреждаются о целях и содержании такого режима, а также обязанностях, которые он предполагает. Судья вправе наложить штраф на указанных взрослых лиц, если они нарушают условия надзора;

– предложение о создании системы специализированных судов, занимающимися вопросами несовершеннолетних.

Список источников

1. Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики от 19.08.2014 (ред. по сост. на 20.09.2022) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>. – Дата обращения: 13.01.2023. – Загл. с экрана.

2. Саркисян М.В. Особенности развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних в период с XVII по начало XX в. [Электронный ресурс] // Вопросы ювенальной юстиции. – 2010. – № 4. / Сайт Издательской группы «Юрист». – <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2010/voprosy-juvenalnoj-justicii/4/>. – Дата обращения: 13.01.2023. – Загл. с экрана.

3. Терентьева В.А. Предупреждение рецидивной преступности несовершеннолетних специальными учебно-воспитательными учреждениями закрытого типа предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.А. Терентьева. – Томск, 2008. – 194 с.

4. Скрипченко Н.Ю. Становление и развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский период) [Электронный ресурс] // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 1. / Сайт НЖ Вопросы ювенальной юстиции. – Режим доступа: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=843>. – Дата обращения: 13.01.2023. – Загл. с экрана.

5. Коваль Е.Н. Ретроспективный анализ уголовного законодательства России об ответственности несовершеннолетних // Наука и образование. – 2010. – № 5. – С.7

6. Детков М.Г. Исторические аспекты использования уголовных наказаний в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних преступников // Актуальные проблемы использования уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Тюремная библиотека. – 2000. – Вып. 10. – С. 6-17

7. Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде/ [соч.] барона Розенкампфа. - Москва : В Универ тип., 1829. – 854 с.

УДК 165.22: 177.8: 343.61

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Пономаренко Диана Эдуардовна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: dipo2281488@gmail.com

***Аннотация.** В статье проанализирована человечность как оценочная категория, как основа для криминализации преступлений против человечности. Особая актуальность исследования заключается в том, что множество преступлений против человечности были совершены на территории Донецкой Народной Республики Украиной.*

***Ключевые слова:** человечность, оценочная категория, преступления против человечности.*

Постановка проблемы. В результате продолжительного военного конфликта с Украиной, происходящего на территории Донецкой Народной Республике, было совершено множество тяжких преступлений, в том числе преступлений против человечности. При этом человечность является оценочной категорией, представляется

Анализ предыдущих исследований и публикаций.

Цель исследования. Цель настоящего исследования – проанализировать человечность как оценочную категорию.

Основные результаты исследования. Преступления против человечности относятся к предметной юрисдикции международных уголовных трибуналов и Международного уголовного суда (МУС). Преступления против человечности являются особо тяжкими преступлениями, совершаемыми в рамках широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население. Хотя Нюрнбергский устав и Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) по-прежнему требовали наличия связи с вооруженным конфликтом,

это ограничение было снято в Римском статуте. Отмена этой связи имеет смысл, поскольку категория преступлений против человечности была создана специально для того, чтобы противостоять систематическому угнетению государством собственного населения, ситуация, которая не была предусмотрена или охвачена правовой концепцией «военных преступлений» [1].

Преступления против человечности оказывают серьезное разрушительное влияние на человеческую личность, унижают достоинство или ухудшают состояние одного человека или группы лиц.

Преступления против человечности могут совершаться как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта. Для юридической квалификации этих преступлений необходимо доказать, что они являются частью широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население.

Такие преступления (нападения) являются не единичными случаями, а частью политики, проведению которой способствует или поощряет государство или организация [2].

Преступление против человечности согласно ст. 7 Римского статута «означает любое из следующих деяний, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно:

- a) убийство;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортация или насильственное перемещение населения;
- e) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права;
- f) пытки;
- g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или

любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести;

h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, тендерным, как это определяется в пункте 3, или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда;

i) насильственное исчезновение людей;

j) преступление апартеида;

к) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью» [3].

Преступления против человечности представляют собой противоправные, незаконные, однако осознанные действия, совершаемые в рамках любого вида нападения (широкомасштабного или систематического), на любых без исключения граждан. Данный вид преступлений направлен на подрыв благополучия, благосостояния всего человечества [4, с. 140]. Как видим, в данном утверждении подчеркивается масштаб нападения либо его систематичность, то есть под угрозой находится не один человек, а целая группа людей.

Установление уголовной ответственности за преступления против человечности является закономерным результатом международной борьбы с наиболее опасными преступлениями против человечества в исторической ретроспективе [5, с. 116].

Авторы Г.Н. Гумницкий и М.Г. Зеленцова отмечают, что общество должно признать ценность человека как конечной цели и относиться к нему соответствующим образом, уважать его права и делать все, что в его силах, для защиты его интересов. В этом заключается суть человечности. Человечность – это объективный закон нормального отношения общества в целом и каждого из

его членов ко всем другим его членам, взятым вместе или по отдельности. Если этот закон нарушается в данной социальной системе, у людей возникает негативное отношение к нему, и они каким-то образом меняют его. Это означает, что в обществе как системе существует объективная необходимость относиться к отдельным людям как к конечным целям [6].

Человек – великое достижение человечества, в свою очередь, человечность представляет собой возможность стать человеком. Реализовать заложенное в себе лучшее, подняться над природным, а через это – привнести в мир через реализацию себя что-то хорошее, надежду, добро [7, с. 2498].

преступления против человечности посягают на самую возможность быть человека, перечеркивают всё хорошее, добро, ценность человека.

Выводы. Таким образом, проанализировано, что основой криминализации преступлений против человечности является посягательство на человечность, то есть деяния перечеркивают всё хорошее, доброе, саму ценность человека. Человечность является категорией оценочной, и в самом общем смысле означает саму возможность быть человеком. В рамках широкомасштабных нападений на гражданское население, в рамках которых происходят убийства, истребления, порабощения, которые квалифицируются как преступления против человечности, утрачивается «человеческое лицо» как посягающих, так и возможность дальнейшего существования их жертв, подрываются основы благополучия, благосостояния всего человечества.

Список источников:

1. Crimes against humanity: a category hors concours in (international) criminal law? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/humanity-across-international-law-and-biolaw/crimes-against-humanity-a-category-hors-concours-in-international-criminal-law/6347012784DA9473BE6BAD81A97077ED>. – (дата обращения: 20.04.2022).
2. Міжнародний кримінальний суд [Электронный ресурс]. URL: https://www.amnesty.org.ua/wp-content/uploads/2019/07/Mizhnarodnyj-kryminalnyj-sud_broshura-1.pdf (дата обращения: 20.04.2022).
3. Устав Международного уголовного суда (Римский статут) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnogo-ugolovnogogo-suda-rimskiy-statut>. – (дата обращения: 20.04.2022).
4. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. К вопросу о преступлениях против человечности // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – № 11-1. – С. 140-148.

5. Лобач Д.В. К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 115-124.

6. Гумницкий Г. Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. – 2008. – №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-chelovechnosti-v-obschey-teorii-morali>. – (дата обращения: 20.04.2022).

7. Емшанов А.Л. Человек и человечность // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей. Всероссийская ежегодная научно-практическая конференция. Вятский государственный университет. – 2017. — С. 2493-2498.

УДК 340.1

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Тесленко Александр Александрович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: mark.avreliy6700@gmail.com

Аннотация. В данной работе представлена оценка особенностей концепции государства и верховной власти в политической традиции Византийской империи. Изучена периодизация возникновения и формирования государства и права Византийской империи. Определены основные источники права, выделены этапы развития законодательства Византии. Показана эволюция отношений Церкви и государства в Византийской империи.

Ключевые слова. Византийская империя, власть, «симфония властей», Церковь и государство.

Постановка проблемы. Гармоничная схема взаимоотношений государственной власти и церкви, которая сложилась в Византии, представляет собой симфонию властей. В современном мире и богословии философами, публицистами и учёными издавна поднимался вопрос о системе взаимодействия государственной и церковной власти в Византии и как

Византийская система внесла новшества в последующие отношения в средневековой Руси, страны, которая испытала все сильное влияние византийской культуры. Существует позиция, утверждающая, что именно Византийское симфоническое единство светской и церковной властей утверждает их сотрудничество. Спорить об этом можно бесконечно, потому как неограниченная монархия рассматривается как нечто дефектное преломление «симфонии». Козырев А.П. даёт этому термину следующее определение: «цезаропапизм – такое соотношение церкви и государства, при котором церковные интересы подчиняются интересам государственным, верховная государственная власть превращается в центр религии, царю принадлежит абсолютная светская власть и жреческие функции, он становится заместителем Бога на земле» [5, с. 674]. Из вышесказанного можно сделать предположение и вывод, что соотношение и взаимосвязь церкви и государства необходимо рассматривать и исследовать в дальнейшем.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Эволюцией государства и верховной власти в политической традиции Византийской империи занимались такие ученые, как А.М. Величко, В.М. Грибовский, В.К. Надлер, С. Рансимен, В.О. Сокольский, Ф.И. Успенский, И.С Чичуров. и др

Цель исследования. Выявить особенности эволюции государства и верховной власти в политической традиции Византийской империи.

Основные результаты исследования. Симфония властей, которая сложилась в Византии, представляет собой наиболее удачную и гармоничную схему взаимоотношений государственной и церковной власти. Только при отделении духовной и государственной власти друг от друга можно говорить о преимуществе власти одной над другой. В случае их единства и единения, когда они признают одни цели и одни идеи, это характеризуется в богословской и религиозной культуре как «симфония властей». Понятие «цезаропапизм», в долгих спорах и полемиках протестантов и католиков, обрело свое значение, так как на индивидуальной

идеологической почве, разделившая из глубины веков разделение властей на светскую и духовную. Изучая труды А.М. Величко, можно увидеть, что «... в Византийской империи не было существенного разделения царской и духовной власти, но обе власти были сосредоточены в руках императора. Это произошло только потому, что Византийская империя не отличала политическое общество от исповедального. Государь был первым священником, первым воином, первым судьей и первым сановником» [1, с. 69].

При глубоком изучении культурных и идеологических процессов, которые произошли во время цивилизационного разлома между Западом и Востоком, Императором Константином I было принято геополитическое решение – перенос столицы империи с Запада на Восток.

В это время многочисленные проблемы, которые стояли перед Римской империей с конца IV и до начала V веков, основными из которых были критическая необходимость совершенствования управления разрастающейся империи и угроза варварского нашествия, требовали структурных и административных изменений во власти и обществе, так как это был период разложения рабовладельческого строя. «Империя нуждалась в кардинальных политических решениях. Знаком наступления новых времен послужил перенос ее столицы из Рима в Константинополь» [7, с. 5]. Важным моментом в развитии поздне-римской эпохи основную политическую, экономическую, а главное, культурную роль сыграли Малая Азия и северное побережье Африки, в это время духовный и политический центры Римской империи постепенно перемещаются на Восток страны. Культурными центрами христианства стали Александрия и Константинополь.

Все кардинальные изменения в судьбе Империи, которые происходили в результате стремительного возвышения Константинополя и постепенного угасания Рима, носили судьбоносный характер. Формирование новой цивилизационной системы – христианского общества началось в IV веке. Такая модель христианской цивилизации сформировалась вследствие

сопутствующего развития христианской науки и опыта государственного строительства, которое привело к осмыслению и совершенствованию политических теорий. Однако необходимо понимать, что формирование основных концепций власти, которые определили рост российской и европейской государственности, реализовывалась под воздействием формирующейся христианской истины. Без понимания внутренней диалектики, но принципиально иерархичного процесса сегодня невозможно понять причины основного влияния византийской политической мысли на созидание политических идей и государственности Московской Руси.

Основное ключевое различие религиозных обществ, в этой эпохе, было совершенно разное понимание и уяснение восточной и западной частей Римской империи христианского церковного института. «Для восточных христиан под этим понималось собрание «верных», как живых, так и умерших, что отражено в Никейском Символе веры (IV в.), а в практике западного христианства слово «церковь» обозначалась священная иерархия, которая должна была противопоставить ее светским властям».[4, с. 34]. Византийцы представляли церковь всеобъемлющей, она претендовала на всеобщий контроль: своим присутствием пронизывает все существование человека и общества; без церкви, без ее благословения и контроля не могло происходить ни одно событие в мире. В римском видении церковь, наоборот сегментарна, хоть и обращена к миру с проповедью и заботой о спасении, но при этом отдалена от мира. Такое направление общественного мышления привело к формированию знаменитой концепции «симфонии властей» императора Юстиниана. «Его деятельность в области государственного строительства заложила теоретическую концепцию развития государственных учений во всем византийском диапазоне на протяжении последующих столетий» [3, с. 70].

Функции интегратора разрозненных земель, западной части империи, постепенно приняло на себя Христианство. На разоренных варварами землях Запада утверждается власть Церкви – единственного уцелевшего

общественного института. В отличие от византийских патриархов, Римский епископ принимает на себя функции светского владыки, выступая от имени его заместителя, «викарием» Христа. Основной задачей которого становится утверждение значимости Церкви на земле, в отличие от византийского императора, который представляет мир перед Небом и от Неба перед миром. Вот как оценивает разницу внутреннего содержания государственных моделей Востока и Запада современный ученый-цивилизационист А.С. Панарин: «Теперь мы можем оценить различия между пониманием роли и статуса государства на Западе и на Востоке. Западное светское государство выступает как безразличный к ценностям и бесстрастный наблюдатель процессов, происходящих в гражданском обществе, вмешивающийся лишь в случае возникновения прямых эксцессов и беспорядков. Восточное теократическое государство, напротив, является постоянно мобилизованным носителем ценностных, нравственно-религиозных критериев, стремящихся соответствующим образом контролировать все социальные практики» [2, с. 358].

Государственно-религиозные модели Восточной и Западной частей империи формировались в бесконечной борьбе – за установление и усиление церковной власти в государстве. Характер такой борьбы различался между Западом и Востоком. Несколько прямолинейно, но очень точно, эту разницу определил Г. Гейне: «Что же видите вы в историях церкви восточной и западной? В первой, в истории восточной церкви, вы не находите ничего, кроме догматических ухищрений, в которых дает себя знать древнегреческая софистика; во второй, в истории западной церкви, вы не находите ничего, кроме препирательства о дисциплине, имеющих в виду церковные интересы».

На протяжении многих столетий в духовной среде византийской политической культуры были проблемы богословия. Все члены церковного собрания – император, священник, мирянин – изучали и обсуждали вероучение. Серьезные споры богословия в Византии происходили только на

базе совершенной эллинской философии, которая преимущественно унаследовала у греко-язычных ромеев их отношение к богослужению и вероисповеданию. Непосредственно это наследие, однозначно, таило в себе серьезные опасные появления в христианстве, появление новых ересей. Непрерывающиеся дискуссии способствовали развитию богословской мысли, и только после этого развитию политической мысли, созданию вероучения, точных формулировок, которые Византия предложила в нужный момент народам, которые выходили на историческую арену. Этот процесс лаконично и точно определил И. Чичуров. «В формуле «правильность принципа учения предполагает устроенность и упорядоченность устройства государственных функций», впервые выраженной в Послании константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу, которая содержала квинтэссенцию идеологической византийской политики, как единого целого государства и православия». Идеи Юстиниана нашли точное отражение во взаимодействии государства и церкви, так как в период его правления были приняты важные правовые и политические реформы. Юстиниан считал, что политические процессы и церковные каноны должны взаимодействовать на процветание страны и благо народа, и ни в коем случае не противостоять один другому.

Развитие идей Юстиниана и оформление теории дуализма связано с именем патриарха Фотия, во всяком случае со временем его церковного предстоятельства (858 – 867 гг.) – взаимодополнение царской и патриаршей властей. [6, с. 29]. Идеи Юстиниана и Фотия получили юридическое оформление на практике в Эпанагоге, которая появилась на базе Прохирона. Вопрос о происхождении Эпанагоги окончательно не решен, но существует мнение, что этот документ имеет законодательную силу, которая закреплена в византиноведении.

Историческое значение Византийской империи выражалось в идеологически-политическом, а в последствии культурном влиянии на народности, населявшие юго-восток Европы, а также и определенные народы Азии –

армян и грузин. Кроме христианского вероисповедания и просвещения эти народы переняли у Византийской империи образцы внутреннего уклада жизни и устройства. Важным этапом совершенствования Восточной Римской Империи является византизм, который определил культурно-политическую идентичность христианского Востока, произвел замену латинского языка на греческий. Этот процесс начался с VI в. и завершился в VII—VIII вв. «Латинский язык, хотя и предоставлял прекрасную возможность однозначных, которые не нуждались в дополнительных пояснениях, формулировок, являлся прекрасным инструментом для юридических определений, не был в состоянии передать всего теологического богатства смыслов, которые возникали в византийской богословской мысли» [8, с. 57]. Различное восприятие и познание греха, в латинском понимании получил смысл «правонарушение», а на Востоке слово грех обозначало метафизическое испорченное состояние души. В то время греческий язык являлся бесподобным инструментом в выражении сложных диалектических, общественных и богословских понятий. В это же время греческий язык стал стимулятором развития формальной мысли.

Существенным фактором в особенностях становления и развития Византийской империи было появление объединенных общей верой в рядах гражданской администрации, так же и в высшей военной администрации, представлявшей разные этнические группы населения. Теперь уже религиозная принадлежность, а не национальная сделала жителей империи ромеями. Имеется достаточное количество подтверждающих фактов, что выдающиеся граждане империи принадлежали к славянам: Василий I, патриарх Никита, императоры Юстиниан I и другие. В христианской религии есть кардинальное отличие от других религий тем, что в христианстве есть особая организация - церковь, которая, как духовная организация, занимается вопросами богопочитания, нравоучения, вероучения, внутренней церковной дисциплины.

Выводы. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что, как и в теории, так и в практике становления и процветания государства восточной части империи изначально сложилась невероятная ситуация, с которой не справилась византийская правовая и христианская мысль. «Духовенство и монашество всегда занимали первенствующее место в истории Византии». При этом Патриарх Константинополя не мог быть самостоятельной силой, а так или иначе подчинялся Императору Византии. Но, если брать следующие годы развития Византии, то можно обнаружить, что Папа Римский в конце VIII века был светским государем и получил в свои владения Римскую империю и Равенский экзархат от франкского короля Пипина Короткого. Таким образом было положено начало образования государственной и светской папской власти. Римская империя и Равенский экзархат основали собой Папскую область, на территории которых и был образован Ватикан.

Изучение становление союза церкви и власти актуально и в наши дни. Возможно, и в современной жизни следует задуматься об опыте византийских государственно-церковных отношений, о конкретном разделении сфер деятельности и влияния государства и церкви, об их взаимодействии и невмешательстве в дела друг друга. Естественно, речь идёт не о полном заимствовании современной Россией византийского опыта, но если говорить о преемственности, то его, непременно необходимо учитывать.

Список источников.

1. Величко, А. М. Священная империя и святой император / А.М. Величко. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 158 с.
2. Грибовский, В.М. Народ и власть в византийском государстве / В.М. Грибовский. – СПб.: Типография; Москва: Меркушева, 1897. – 413 с.
3. Надлер, В.К. Юстиниан и партия цирка / В.К. Надлер. – Харьков, 1869. – 166 с.
4. Рансимен, С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен; авт. предисл. Л. Л. Тайван; РАН. Ин-т востоковед. – Москва : Наука : Вост. лит., 1998. – 238 с.
5. Религиозная политика Константина Великого в освещении церковных историков. – Москва : Издательство МДА, 2009. – 228 с.
6. Сокольский, В. О характере и значении Эпанагоги. Очерк по истории Византийского права / В.О. Сокольский // Византийский Временник. – СПб, 1894. – 38 с.
7. Успенский, Ф. И. История Византийской империи. Становление / Ф. И. Успенский. – Москва : «АСТ», 1913. – 581 с.
8. Чичуров, И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь) / И.С. Чичуров. – Москва : Наука, 1991. – 173 с.

УДК 340.1

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СТАТУСА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Матвиенко Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: k.matvienko@donnu.ru

Тимошенко Валерия Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: tilandsiya@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы значения прав человека и гражданина, их роль в правовом государстве. Сделан анализ проблем и укрепления прав человека. Рассмотрено первоначальное закрепление прав.

Ключевые слова: права человека и гражданина, личность, статус, закон, современное общество.

Постановка проблемы. В условиях современной глобализации вопрос о правах человека и статусе гражданина приобрел всеобщий и универсальный характер. Однако, в данной ситуации как имеются плюсы, так же имеются и свои недостатки. Это имеет основное преимущество для стран, которые не только озадачены вопросами безопасности и защиты прав и свобод, но и странам, где это дает уже свои плоды. Особенно это касается сферы интересов крупных мировых держав на Западе и в других частях мира. Догоняют и страны второго уровня, поскольку их дальнейшая интеграция в международное сообщество зависит от их успеха в вопросах прав человека и гражданина. Межгосударственное сотрудничество – сложный и весьма противоречивый процесс, особенно когда речь идет о таких сложных вопросах, как права человека. Это объясняется разнообразием современного мира, разной степенью и характером развития наций, различием их законов, разнообразием религий, особенностями обычаев, своеобразием культур, а также традиций. Весьма сложные и противоречивые условия строительства социализма, деформации на этом

пути, отчуждение личности не позволили в полной мере использовать потенциал, заложенный в системе прав и свобод человека. Права граждан были несправедливо ограничены, правовые механизмы защиты их прав оказались неэффективными, допущены широкомасштабные репрессии. Между декларацией юридических прав и практикой их реализации существовали определенные разрывы (эти недостатки и искажения во многом не преодолены до настоящего времени). По факту в нашей реальной жизни голос гражданина во многих государствах не учитывается или применяются “двойные стандарты”. Каждый человек живя в любой стране хочет ощущать себя защищенным и уверенным, если бы он понимал, что его права и интересы защищает государство.

Все это не могло не наложить отпечаток на состояние научной разработки вопросов прав человека, их правовой статус в социалистических обществах и государствах. Нельзя не обозначить такие актуальные вопросы, как реальность конституционной ответственности, решение которой значительно укрепляет правовой статус физических лиц.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Анализ современной литературы показывает, что на сегодняшний день, отмечая огромную гуманистическую и нравственную сущность прав человека, нельзя вместе с тем не затронуть вопрос о том, почему права человека в современном мире – явление не всеобщее, ведь это кажется столь выгодным как для государства, так и существующего общества. В наши дни большинство государств мира не являются правовыми даже тогда, когда юридически и фактически в нормативно-правовых актах это закреплено. А даже если права обеспечиваются то, зачастую, не в полном объёме или с существенными оговорками не в пользу граждан. Всё это во многом зависит и от установившегося режима в стране – они могут быть авторитарными, тоталитарным, а также вообще лишены каких-либо четких характеристик. Даже несмотря на то, что сегодня чистых тоталитарных режимов в мире нет, то стран, следующих традициям этого режима более чем

достаточно. А это значит, что до утверждения и тем более обеспечения и не говоря уже о защите, ещё очень и очень далеко. Другие причины кроются во внутренней политике государств и в особенности, стоящей у власти элиты. Иногда ограничение прав человека и гражданина идёт намеренным путём.

Цель исследования состоит в обосновании необходимости государственного вмешательства и подготовке государственной программы по обеспечению и укреплению законности в работе органов государства, прежде всего правоохранительных органов и должностных лиц.

Основные результаты исследования: При рождении человек приобретает одну из самых важных ценностей – свои права. Он имеет огромное количество прав: на жизнь, на гражданство, на имя, на защиту своих прав, на здравоохранение и другие права. Некоторые права человек получает, когда достигает определенного возраста, например, с трех лет ребенок имеет право посещать детский садик, с шести может уже идти в школу, а с четырнадцати лет может без согласия родителей распоряжаться своими доходами и т.д. Права человека – это права, присущие всем людям, независимо от расы, пола, национальности, этнической принадлежности, языка, религии или любого другого статуса. Права человека включают право на жизнь и свободу, свободу от рабства и пыток, свободу убеждений и их свободное выражение, право на труд и образование и многое другое. Каждый человек имеет право на эти права без какой-либо дискриминации. Деятельность в области прав человека представляет важнейшую составную часть всего процесса демократизации, экономических, политических и иных реформ, движения к более высокой ступени социализма. Концепцию прав и свобод личности следует развивать с учетом утверждения новых принципов в хозяйственных отношениях, углубления процессов демократизации и гуманизации социальных и правовых институтов, развертывания самоуправления и саморегуляции в советском обществе, обновления нравственно-духовной его атмосферы, роста политической и правовой культуры.[1]. Политика обновления абсолютно всех сторон жизни русского

общества приводит к методологической переориентации юридической науки в исследовании прав и свобод личности в контексте формирования социалистического правового государства, утверждения нового политического мышления. современное понятие прав человека и гражданина представляют собой сложный, динамично развивающийся феномен, с одной стороны, вышедший за пределы собственно правоведения, а с другой стороны, представляет собой вполне определенную юридическую конструкцию, устанавливающую механизм взаимоотношений человека и государства.

Основным ориентиром становится мысль решительного поворота всей политики и практики социализма к человеку. Человек, его потребности и интересы, активизация личного, личностного начала в экономике, социально-политическом, духовном развитии должны стать главным в интерпретации индивидуальных и коллективных прав как в теории, так и на практике. Все права и обязанности должны быть пересмотрены. Высшая ценность жизни человека, теоретические рассуждения о его правах и свободах должны положить конец недоверию к его инициативе, ограничению его самостоятельности, несправедливой опеке, ежедневным контролем со стороны государства и должностных лиц. Отношения между различными видами прав гораздо ближе, чем предполагают их названия. Различные обстоятельства затрудняют поиск способа признания их идеологических, политических социальных и экономических прав на том же уровне, что и гражданских. Если для обычного человека является очевидным, что минимальный уровень жизни, жилье и приемлемые условия труда одинаково важны для человеческого достоинства, то политические деятели не всегда готовы признать это. Одна из причин этого, несомненно, в том, что обеспечение основных социальных и экономических прав каждого человека в мире потребовало бы грандиозного перераспределения средств. А политические деятели отлично знают, что это не та политика, которая завоевывает голоса. Поэтому такие политики заявляют, что права второго

поколения отличаются от первого поколения гражданских и политических прав. Первое и часто слышимое утверждение состоит в том, что социальные и экономические права нереалистичны и останутся нереалистичными, по крайней мере в краткосрочной перспективе и необходимым является продвижение к ним. Такой подход был принят и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах: правительства должны лишь продемонстрировать, что они предпринимают меры к тому, чтобы эти цели были достигнуты когда-то в будущем. Этот постулат, конечно же, не бесспорен и, как представляется, он больше основывается на политических соображениях, чем на чём-либо другом. Существует определенный разрыв между теорией и практикой прав человека, как свидетельствует национальный опыт многих, в том числе самых демократических западных стран, равно как и международный опыт громких деклараций и слабой реализации провозглашаемых прав, существовал практически всегда. Для дальнейшего развития прав человека необходимо каждому государству ставить на первое место права и интересы каждого гражданина. Ведь именно каждый человек и есть само государство. Многие независимые исследования показывают, что в мире достаточно ресурсов и средств, чтобы совместными усилиями – если они будут предприняты – обеспечить удовлетворение основных потребностей каждого человека. Второе утверждение состоит в том, что между правами первого и второго поколения существует принципиальное теоретическое различие: первый вид прав требует от правительств лишь воздержания от определенных действий (это, так называемые, «негативные» права); в то время как второй вид требует от правительств положительного вмешательства (это – «позитивные» права). Согласно этому аргументу, ожидать от правительств позитивных мер, например, для обеспечения всех продовольствием, не реалистично, поэтому они не обязаны предпринимать что-либо в этой сфере. А без обязательств с той или иной стороны вообще никакого права в общепринятом смысле этого слова быть не может. Двойственное отношение к правам человека,

обусловленное политическими и иными соображениями, наносит непоправимый ущерб им, дискредитирует их в глазах миллионов людей и не только не способствует, а, наоборот, препятствует их реальному укреплению и развитию.

Необходимо добавить, что сегодня немногие оспаривают успехи, достигнутые в области четкого определения прав, однако несмотря на прогресс в решении этой проблемы, совершенно очевидно, что права человека повсеместно нарушаются, зачастую в широких масштабах. [4].

При этом на национальном уровне особое значение имеет разграничение и обеспечение прав и свобод на «права человека» и «права гражданина». Употребление применительно к человеку двух терминов – «человек» и «гражданин» имеет свой особый смысл. Каждый человек как часть природы вправе иметь достойное существование. Поэтому ему должны принадлежать естественные или неотъемлемые права и свободы, такие как право на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность и др. Все эти права относятся к так называемым личным правам и свободам человека и принадлежат ему независимо от гражданства. Гражданин же является политической личностью, поэтому ему принадлежат такие политические права и свободы, как право участвовать в управлении государством, право доступа к государственной жизни и др. Отсюда положение человека рассматривается с двух позиций: а) существование его в гражданском обществе, когда он выступает носителем естественных прав и свобод. При этом под гражданским обществом понимается совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, национальных и т.п. б) существование в обществе, рассматриваемом с политической стороны, т.е. положение гражданина в государстве. С последним тесно связано существование правового государства, под которым обычно понимается демократическое государство, где обеспечивается господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и судом.

Верховенство права обеспечивает соблюдение и защиту прав и свобод человека. Интеграция прав и основных свобод человека и гражданина как одно из основ современного государственного устройства ограничивается одним условием: многообразие и индивидуальность взглядов жизни, запретом действий, разрушающих личные права других людей. Уважение и защита правового статуса личности и гражданина является фундаментом, на котором строится демократия государственной власти, политическая структура свободы человека.. Свобода человека, оберегаемая государством, порождает волю и способность к экономическому и социальному прогрессу, который, в свою очередь, обеспечивает подлинный мир и расцвет всего человечества. Ситуация в мире в начале 21 века в области прав человека крайне противоречива. С одной стороны, вроде бы закончилась холодная война. [3]. Исходя из выше сказанного можно сказать, что, говоря о перспективах, нельзя не сказать, что теоретическая база по проблеме прав человека и гражданина настолько широка и разнообразна, что принято считать это не только плюсом, но и существенным минусом. [2]. Так как пропадает конкретизация подхода к решению возникающих проблем в данном вопросе. Учесть все стороны и нюансы всех мнений и положений и соединить в одно универсальное невозможно, следовательно это приведёт к кризису и застаиванию путей решения, тогда как необходимы будут быстрые и радикальные меры, то их просто не будет и система может потерпеть крах. С другой стороны, поэтапное преодоление противоречий и конфликтов в форме мирного диалога – один из немногих верных способов для применения в настоящее время. И поэтому говорить о том, что перспектив дальнейшего продвижения, становления, обеспечения, укрепления статуса прав человека и гражданина говорить просто неверно.

Основной проблемой реализации правового статуса личности является социальное расслоение общества, что требует исправления определенных слоев населения, например ветераны, инвалиды, военные. Появилась множественность правовых статусов и их несогласованность для членов

российского общества и его составных частей (субъектов Федерации), которые противоречат друг другу. Известно, что не противопоставление одних прав другим, а их взаимодополнение и переплетение наилучшим образом способствуют интересам реальной демократии.

Урегулирование отношений между Федерацией и республиками в ее составе, в первую очередь Чеченской Республикой, другими субъектами было и остается делом первостепенной важности. «При этом защита интересов национальных меньшинств выделяется в качестве одной из острых и актуальных проблем современности. Ее решение выдвигает на первый план проблему соотношения национально-территориальной и национально-культурной автономии. Национально-культурная автономия позволяет эффективным образом сохранять и развивать свою этничность путем организации собственных культурных и образовательных центров, обслуживающих национальные традиции и особенности быта.

Существенный прогресс и либерализацию взаимоотношений государства и личности в современном обществе, появление новых механизмов и способов защиты нарушенных прав, освобождение массового сознания от натиска тоталитарной идеологии, а также стимулирование творческого начала в человеке. Но не смотря на все вышеизложенные плюсы современного общественного устройства появились и новые проблемы, зачастую по своим масштабам приближающиеся к масштабам национальной катастрофы (падение производства, снижение жизненного уровня, депопуляция и т.п.)

Общество дорого заплатило за непродуманную политику государства и едва ли в ближайшее время следует ожидать радужных перспектив. Сам человек должен соотносить осуществляемые им права и свободы с правами и свободами других лиц. Иными словами, каждому предоставлена свобода выбора путей и способов осуществления своих групповых и индивидуальных интересов в определенных границах имеющейся свободы. Иные правила привели бы к столкновению интересов и конфликтам. Отсюда задача защиты

прав, свобод и законных интересов личности не только от властей, но и от других лиц - таких же граждан.

Выводы. Таким образом, система прав и свобод должна строиться и осуществляться так, чтобы предупредить возможное ущемление правового статуса граждан со стороны отдельных лиц и их групп. Но сделать это только юридическими средствами практически невозможно, ибо закон, даже имеющий должный уровень качества, правовой характер, обеспечивает сам свое действие лишь частично. Эффективность и уровень развития законодательства должны соответствовать уровню развития общества, поскольку при отсутствии такого баланса происходит разрыв между самим государством, как объектом, создающим нормативную базу, и его населением, как субъектом, на который ориентированы данные нормы. Именно качество закона помогает людям не только реализовывать на практике свои права, но и самостоятельно ориентироваться как в их содержании, так, и в совокупности прав, которыми они обладают. Совершенствование законодательства многих государств должно содействовать его стабилизации, что является одним из важнейших условий нормального функционирования правовой системы, а значит, общества в целом.

Сегодня, наиболее актуальной задачей является достижение стабильности и непротиворечивости актов законодательства. Эффективность правового регулирования значительно повышается при реализации «пакетного» принципа подготовки нормативных правовых актов, который заключается в одновременной разработке и принятии комплекса нормативных правовых актов, регламентирующих конкретные общественные отношения. При реализации данного принципа целесообразно увеличивать количество норм прямого действия в законах, уменьшать количество отсылочных норм.

Список источников

1. Бадальянц Ю.С., Ягофаров Д.А. Права человека: учебное пособие / Ю.С. Бадальянц, Д.А. Ягофаров. – Москва-Рязань: Издательство «Поверенный», 2006 – 519с.
2. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: Учебное пособие / А.А. Ковалев. – М.: Статут, 2013. – 591 с.

3. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина : учеб. пособие / под общ. ред. Т. М. Резер; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. –110 с.
4. Права человека. / Под общ. ред. А.Д. Гусева, Я.С. Яскевича. – Минск: ТетраСистемс, 2012 – 276 с.
5. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л.И. Глухарева. – М.: Издательство «Мир», 2003. – 143с.

УДК 340.12

СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Матвиенко Екатерина Александровна**
кандидат юридических наук, доцент
Email: k.matvienko@donnu.ru*

***Якубенко Ольга Сергеевна**
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Email: olgayakubenko56@gmail.com*

***Аннотация.** В исследовании автор определяет роль христианской религии в формировании русского правового мышления и его особенностей, которые проявились в принятии идеи «симфонии властей». Рассматривается сущность симфонии властей в России в ретроспективе и современной практике церковно-государственных отношений. Делается вывод о необходимости в России дальнейшего взаимопроникновения и взаимодействия институтов церковной и государственной власти.*

***Ключевые слова:** правосознание, правовые традиции, симфония властей, православие, государственность, разделение властей.*

Постановка проблемы. Каждый народ в процессе своей многовековой истории сохраняет ряд устойчивых национальных доминант, архетипов власти и права, определяющих его политическую, правовую, духовно-нравственную идентичность, редко принимаемую во внимание под влиянием европоцентристского универсализма. Между тем на государственно-правовом уровне можно проследить институционализацию устойчивых доминант национального юридического мышления.

Значительное влияние на формирование правового сознания оказывает религия. В контексте становления европейской цивилизации особую роль приобрело христианское вероучение. Развитие «западных» народов проходило в соприкосновении с католицизмом, который под воздействием рационализма определил отношение человека к Богу как свободному от чувств и находящемуся под влиянием здравого смысла, а самого Бога подчинил праву. Так известный теолог и философ средневековья Фома Аквинский писал, что «никто не верит вопреки разуму, ибо истина не может противоречить истине» [1, с. 33]. Связь религии и объективной истины непосредственно определили соотношение права и морали, в котором первое стало наделяться приоритетом над вторым и только оно становилось носителем истины. Из этого следует, что и этические нормы, чувственная сторона жизни западного человека, стала существовать в рамках двух принципов: во-первых, если этика вступала в противоречие с существующим правом, то она должна была уступить праву; во-вторых, только право могло решать, в каком случае оно уступит этике [1, с. 49].

Иной характер приобрело российское правосознание, сформированное под влиянием православия и византийской имперской традиции. Для русского человека истина вобрала в себя религиозные принципы и стала отождествляться с пониманием основ нравственности. Правовые нормы, которые создавались самим человеком и шли в противоречие с постулатами православного учения таким образом переставали быть истинными, теряли свою абсолютную нравственную ценность. В этом проявилось национальное своеобразие и важная составляющая национальной идентичности, которая всегда «является столь же необходимым практическим постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [2, с. 291].

На сегодняшний день в России все больше принимаются западные правовые и нравственные принципы, модели управления, в частности, не свойственные национальным особенностям. В рассматриваемом же нами

контексте сложившейся специфики российского правосознания стремление по западному образцу к полному обособлению права от нравственности и исключению из него этических ценностей не может рассматриваться иначе как выход за рамки парадигмы российского правосознания. И это неизбежно должно быть связано с изменением или даже потерей нашей национально-культурной идентичности. Именно поэтому внимание заслуживает обращение к традиционной правовой доктрине «симфонии властей», являющейся идеальной моделью взаимодействия права, представленного публичной властью, и нравственности, которую олицетворяет церковная власть.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Идея симфонии властей получила свое осмысление, в первую очередь, в трудах византинистов, среди которых следует выделить отечественного исследователя - историка церкви В.В. Болотова. В его работах анализируются взгляды отцов церкви, мыслителей и богословов Византийской империи на природу государственно-церковных отношений с позиции симфонии властей. Значительное место в изучении симфонии властей занимают исследования историка византийской государственно-правовой мысли В.Е. Вальденберга. В его трудах рассматриваются и древнерусские учения о царской власти, ее границах, отношениях с духовной властью. Особую роль в постижении проблемы византийской идеи симфонии властей, политико-правовых взглядов византийских императоров, а также российских монархов играют труды отечественного правоведа-византиниста А.М. Величко. В исследованиях И.А. Исаева раскрываются многие вопросы цезарепапизма и симфонии властей. Среди зарубежных авторов важное значение для понимания византийской идеи симфонии властей в истории государственно-правовой мысли имеют разработки Х.Г. Бека, научная школа которого позволяет глубже понять правовой и политический менталитет византийцев, а также исследования П. Лемерля, А. Грегуара, Х. Хунгера, Д. Закитиноса, И. Караяннопулоса, С. Ламброса, Р. Браунинга, Д. Моравчика.

Цель исследования – определить сущность симфонии властей и выявить ее роль в государственно-правовом развитии современной России.

Основные результаты исследования. Концептуальная идея «симфонии властей» впервые была определена в Византии, получив законодательное закрепление в преамбуле к 6 новелле императора Юстиниана: «Величайшие блага, дарованные людям высшей благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое (священство, церковная власть) заботится о божественных делах, а второе (царство, государственная власть) руководит и заботится о человеческих делах, а обо, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому ничего не лежит так на сердце царей, как честь священнослужителей, которые со своей стороны служат им, молясь непрестанно за них Богу. И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода. Поэтому мы прилагаем величайшее старание к охранению истинных догматов Божиих и чести священства, надеясь получить чрез это великие блага от Бога и крепко держать те, которые имеем» [3, с. 268].

Смысловой контур идеи симфонии властей не следует ограничивать исключительно вопросами сотрудничества светской и духовной властей, поскольку идея симфонии в Византии воспринималась в качестве необходимой меры как для обеспечения единого нравственно-идеологического основания империи и легитимности имперской власти, сосредоточившей в своих границах различные народы, для которых христианство выступало основой построения нового государства, где сакральный и правовой статус империи был единым, нераздельным, симфоническим, так и для Церкви, нуждающейся в государственной поддержке своей миссии в мире. Большинство императоров придавали собственному служению абсолютное значение в деле христианского

спасения народов империи, что придает более глубокий смысл понятию «симфония властей».

Поскольку русское право восприняло источники византийского государственно-церковного законодательства, постольку принцип симфонии церкви и государства стал официально признаваемым в России, в особенности после утверждения концепции «Москва – Третий Рим». Юридическое выражение и государственное признание в России симфония церковной и государственной властей нашла в приговоре Большого Московского собора 1666–1667 гг.: «Да будет признано заключение, что Царь имеет преимущество в делах гражданских, а Патриарх – церковных, дабы таким образом сохранилась целой и непоколебимой во век стройность церковного учреждения» [4, с. 218].

Как мы видим, сущность симфонии властей составляют обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Государство при симфонических отношениях с церковью ищет у нее духовной поддержки, направленной на достижение целей, служащих благополучию граждан, а церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного воспитания прихожан, являющихся одновременно гражданами государства. Это различие ставилось во главу угла, так как симфония исходила из отличия функций церковной и царской властей при общности цели. Независимость властей рассматривается как возможность их самостоятельного достижения цели — сохранение чистоты веры среди православных людей, а также необходимое условие согласованности в реализации божьего замысла.

В рамках концепции симфонии властей можно выделить несколько базовых принципов, на которых строится данная система власти.

Во-первых, царь объявлялся помазанником Божьим. Это давало возможность церкви и власти формировать в сознании христиан сакральный образ царя, которого необходимо не только почитать, но и обязательно ему

повиноваться так же, как и Христу. Главное назначение царской власти в этой системе отношений — почитание церкви и преданность православной вере. Это находило свое выражение в предельной лояльности русских царей по отношению к церковным нуждам, в особенности к их имущественным потребностям. Забота о материальном благоденствии церкви была одной из приоритетных в царском служении: все имущество, которое закреплялось за ней, было неприкосновенно и неотчуждаемо.

Второй принцип симфонии властей следовал из того, что царь признавал богоустановленность власти и священное право церкви на независимость. Это, в свою очередь, привело к отделению закона от канона. В истории церкви были случаи, особенно в Византии, когда канон становился законом и был обязателен для всех подданных императора. Но постепенно светская власть отходила от канона, оставив его церкви, и все больше в своей практике опиралась на закон. Особенно ярко это проявилось в истории взаимоотношений Русской православной церкви и русской власти, которая при императоре Петре I провела церковную реформу, ликвидировала патриаршество и ввела Синод как государственный орган для управления православной церковью в России.

Третий принцип определял важную роль православной церкви в области воспитания христиан. Именно церковь при помощи воспитания и образования заботилась о формировании позитивного образа святой христианской жизни у каждого человека. Эта жизнь исключала всякое порочное отношение вообще к людям, побуждала относиться к ним с благоговением, свято исполнять законы и быть преданным христианским идеалам до самопожертвования.

В рамках симфонии властей также сформировался принцип, который определял, что поле церковной власти ограничивается нравственной силой убеждения, молитвой и покорностью, а верховная власть должна обеспечить лояльность общества к законам государства и контроль за их исполнением. В области государственных отношений все обязаны ей повиноваться, но в

вопросах веры и религии христиан руководствуется апостольским правилом, что «Бога надобно слушать более, нежели человека». Этот принцип подчеркивает тот факт, что церковь, опирающаяся на промысел божий, имеет большее значение для человека, чем государство.

В Российской Федерации воплощение политико-правовой идеи симфонии властей не предполагает реставрацию византийской модели или кардинальное изменение правовых, политических и социально-экономических основ современной государственно-правовой организации российского общества, а направлено на применение данной идеи в качестве метаюридического и духовно-нравственного оснований для формирования доктринально-правовой базы развития государственно-церковных отношений в XXI веке. Взаимодействие церкви и государства является необходимым для решения острых социальных проблем, стоящих сегодня перед российским обществом. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с Президентом Российской Федерации собственную позицию по данному вопросу определил следующим образом: «сознаем необходимость, чтобы дух симфонии направлял наши мысли и дела в построении модели церковно-государственных отношений... Поэтому дух симфонии, но не буква, должны реализовывать себя в рамках того законодательного поля и на основе тех конституционных положений, которые существуют. Это открывает замечательную перспективу развития церковно-государственных отношений таким образом, чтобы ни государство, ни Церковь, не вмешиваясь в дела друг друга, уважали взаимно позицию друг друга по этим внутренним делам и одновременно выстраивали широкую систему взаимодействия, диалога и сотрудничества. Это и происходит сегодня в России» [5].

Развитие современных политико-правовых оснований взаимодействия государства и церкви необходимо, с нашей точки зрения, проанализировать через современную систему национальных доктрин Российской Федерации, а также идеи и принципы социальной концепции. В Основах социальной

концепции Русской Православной Церкви идеи симфонии властей, а также проблематике государственно-церковных отношений уделено достаточно внимания. Если обобщить ключевые положения концепции, то можно выделить пять центральных идейно-концептуальных положений, которые представляют основные направления развития государственно-церковных отношений в современном обществе

Во-первых, государство в Концепции трактуется не как «богоустановленная реальность» (что характерно именно для светской государственно-правовой организации), а как институциональная основа организации общественной жизнедеятельности и свободного волеизъявления граждан. В этом институциональном измерении церковь взаимодействует с государством в вопросах совершенствования мирских институтов и структур, способствует развитию и благоустройству жизни людей, морали и нравственности.

Во-вторых, главной нравственной обязанностью государства, а также значимым направлением взаимодействия государства и церкви является обеспечение безопасности общества и личности, их духовной и социальной защиты, обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития государственно-правовой целостности.

В-третьих, в государственно-церковных отношениях ключевыми моментами выступают нравственное измерение и социальный контроль за деятельностью публичной власти, ограничение ее деятельности духовно-нравственными стандартами и ценностно-религиозными нормативами, поскольку государство может иметь тенденцию к превращению в самодовлеющий институт. Верующие не должны следовать абсолютизму власти, а должны признавать ее земной, временный, не вечный статус.

В-четвертых, основополагающий принцип взаимодействия государства и церкви предполагает разграничение в их направленности: церкви – на совершенствование духовной жизнедеятельности общества и духовное возрождение, развитие общества, а государства – на совершенствование

внешней формы благоустройства жизни личности и общества. Совместная «забота» государства и церкви о внутренней и внешней форме создает «синергетический эффект», который приводит к «совершенению земного обустройства» человека, обеспечению его свободы и прав личности, духовному росту и прочему.

В-пятых, продолжая вышесказанное, следует подчеркнуть, что государственно-церковные отношения начинаются, прежде всего, с различия, а не единения [6, с. 121-123].

Симфония властей, с одной стороны, предполагает, что государство и церковь обладают относительной автономией по отношению друг к другу, самостоятельными сферами деятельности, тем самым ограждая общество от двух крайностей – превращения церкви в институт навязывания веры силой и вмешательства государства в духовные дела. С другой стороны, симфония властей допускает взаимодействие, партнерство институтов государственной и церковной власти. К областям «сотрудничества церкви и государства» наиболее актуальные и востребованные на современном историческом этапе развития России можно отнести: миротворческую деятельность на международном, региональном, внутригосударственном уровнях, а также миротворчество в межэтническом, гражданском процессе, оказание помощи в сотрудничестве между людьми, народами и государствами; защиту нравственных ценностей, образования и просвещения на их основе, воспитание молодежи, а также совместное развитие системы социальных программ и инициатив, связанных с милосердием, благотворительностью, меценатством, социальной защитой и пр.; совместную деятельность по защите и охране памятников истории и культуры с органами государственной власти, защита семейных ценностей, попечение об осужденных, в иных сферах, связанных с развитием гуманитарной науки, здравоохранения, экологии, культуры и творческой деятельности, поддержкой традиционных институтов (семьи, материнства, детства) [7].

Следует отметить, что воплощение идеи симфонии властей в государственно-церковных отношениях накладывает ряд обязанностей на церковь в сфере власти, среди которых нравственная поддержка государства, укрепление авторитета власти в глазах верующих, осуществление оценки деятельности государства и законодательства с точки зрения христианской веры, удерживание власти от нарушения христианских заветов. При этом государство также наделяется рядом обязанностей в сфере веры и духовной жизни общества. К ним можно отнести следующие: власть должна блюсти православие в неприкосновенности, быть охранителем христианства от ересей и других угроз, что было заложено в концепции старца Филофея «Москва – Третий Рим», имевшей виду не претензии Москвы на имперский статус, а выпавшую на дол России ношу по охранению православной веры, поскольку других государств, способных защищать православие, не осталось после падения Византии; государство должно своими средствами, законами и легализованным насилием бороться со злом в обществе, создавать условия для сохранения минимальных нравственных начал в жизни общества.

Такую поддержку и защиту РПЦ от государства получает и сегодня. Так, выступая на итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин поддержал позицию РПЦ. В частности, он сказал: «Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе, и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убежден, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису. Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без сформировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди

неизбежно утратят человеческое достоинство. В историческом смысле это отказ от своего лица и от Бога» [8].

Кроме того, государственная власть в Российской Федерации стремится к упрочению положения церкви в обществе. Так, к примеру, в учебных заведениях был введен предмет «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в школах, в армии появился институт военных священников, также был принят закон «О защите чувств верующих» и осуществлено множество других мероприятий.

В социально-политическом аспекте мы можем констатировать совпадение принципиальных позиций Русской православной церкви и российского государственного руководства по ряду принципиальных вопросов общественного развития. В современной России мы наблюдаем апелляцию различных социальных групп и институций к традиции, поиск коллективной идентичности, возрождение традиционных институтов, к числу которых принадлежит и РПЦ. Российское государство и Церковь актуализируют цивилизационный проект «русского мира», основанного на христианских ценностях как смыслах бытия. И именно в этом контексте мы можем говорить о процессе секуляризации церковной жизни, который происходит в мире и оказывает воздействие на государственно-церковные взаимоотношения в РФ. РПЦ начала формирование новой идеологической концепции России – концепции «русской цивилизации», «русского мира», объединенного многовековыми традиционными православными ценностями. Сегодня РПЦ претворяет идею духовной консолидации (прежде всего, восточнославянских) народов на идеях Святой Руси, и стремится участвовать в строительстве «русского мира» направленного на укрепление и сохранение российского геополитического и культурного пространства в мире. Патриарх Кирилл отметил, что «проект «Русского мир» не является инструментом политического влияния Российской Федерации» и, в то же время, в дальнейшем он признал, что «в деле укрепления единства Русского мира Московский Патриархат открыт для совместных действий с

государственными структурами и общественными организациями всех стран Русского Православия» [9].

Как справедливо отмечает Е.А. Лукашева, взаимодействие церкви и государства, духовной и светской власти позволит обеспечить необходимые условия для нравственного и социального совершенства государственно-правовой организации, видеть «в тех, кто осуществляет государственную власть, людей нравственных, одаренных, честных, поскольку от этого в значительной мере зависит обеспечение «общего блага», свободы и прав человека... В политическом мышлении неизбежно возникал и в современных условиях возникает вопрос не только о «добродетелях» правителей, но и о «добродетелях» граждан, так или иначе участвующих в политическом процессе» [10, с. 372].

Выводы. Таким образом, Церковь создает необходимый духовный базис, который нужен для долговременного и устойчивого функционирования государства. Формируя религиозную идеологию в сознании людей, церковь формирует общественную идеологию, при этом решая многие воспитательные проблемы. Все вышесказанное подтверждает необходимость дальнейшего развития идеи симфонии властей в Российской Федерации и ее реализации на практике. При таком подходе государству достаточно правильно и своевременно регулировать законодательство в сфере религиозных отношений, а религиозным организациям заниматься духовным воспитанием в обществе, прививая гражданам патриотизм, развивая правосознание и чувство гражданского долга. На протяжении тысячи лет Церковь непрерывно подтверждала свою преданность идеалам и устоям государственности, была ориентиром на пути построения сильного, единого государства.

Список источников

1. Фридрих фон Халем. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 26-51
2. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М., 2001. – 400 с.
3. Флоровский Г., протоиерей. Догмат и история / Г. Флоровский. – М., 1998. – 430 с.

4. Карташев А.В. История Русской церкви / А. В. Карташев. – Париж, 1959. – Т. 2. – 569 с.
5. Патриарх Кирилл напомнил Президенту о симфонии властей (В Кремле состоялся прием в честь архиереев – участников Поместного Собора Русской православной церкви) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=730102>. – Дата обращения: 25.11.2022. – Загл. с экрана.
6. Нефедовский Г.В. Византийская идея симфонии властей в государственно-правовой мысли России // отв. ред. проф. А.И. Овчинников. – М.: НИИ ИЭП, 2022. – 200 с.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/iii/> – Дата обращения: 25.11.2022. – Загл. с экрана.
8. Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> – Дата обращения: 25.11.2022. – Загл. с экрана.
9. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании от 2 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651> – Дата обращения: 25.11.2022. – Загл. с экрана.
10. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение / Е. А. Лукашева. – М., 2013. – 384 с.

УДК 316.483:341.231.12

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Соколенко Анастасия Вадимовна
ассистент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: a.sokolenko@donnu.ru

Исмаилов Эльнур Сабухович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: elnur.ismailov322@gmail.com

Аннотация. Судебная власть – значимая самостоятельная отрасль власти, которая имеет огромную важность в системе разделения властей. Судебная власть Донецкой Народной Республики претерпевает ряд изменений и требует усовершенствования в связи с вхождением Донбасса в состав России. Рассмотрены проблемы, связанные с развитием информационных систем при отправлении правосудия, а также статусом Конституционного суда. Сделан вывод о возможности создания специализированного подразделения при Конституционном суде РФ, а также внедрении систем электронного документооборота в судебную действительность в ДНР.

Ключевые слова: судебная власть, суд, Верховный суд.

Постановка проблемы. Судебная власть – важнейшая отрасль власти, регулирующая отправление правосудия в государстве. От уровня развития судов и судебной власти напрямую зависит состояние преступности в обществе, степень правосознания и правового воспитания граждан, а также многие другие вопросы. Именно поэтому развитие и усовершенствование данной отрасли государственной власти и решение её основных проблем будет рассмотрено в ходе данной статьи. Актуальность работы обусловлена не только необходимостью развития судебной власти, но также процессом интеграции судебной системы Донецкой Народной Республики в общероссийскую в связи с вхождением в состав Российской Федерации (далее – РФ). Важную роль играет внедрение информационных ресурсов в деятельность судебных органов в Донецкой Народной Республики.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Вопрос проблематики вхождения судов Донецкой Народной Республики в судебную систему Российской Федерации на сегодняшний день исследован недостаточно. Главным нормативным актом, который регулирует аспекты рассматриваемой темы, является Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». Кроме того, в работе рассмотрены исследования Валуевой Н.В., Идиатуллиной А.З., Шатковской Т.В.

Цель исследования. Целью работы является анализ процесса интеграции в общероссийскую систему судебной системы Донецкой Народной Республики с учетом ее ключевых особенностей.

Основные результаты исследования. В соответствии со ст. 80 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР, Республика), правосудие в осуществляется только судом [1]. Во исполнение данной статьи в соответствии с положениями закона «О судебной системе» № 241-ІНС от 31 августа 2018 года в Республике сформирована система судов, в которую входят: Верховный Суд, Конституционный Суд, Апелляционный суд Донецкой Народной Республики, Арбитражный суд Донецкой Народной Республики, районные, городские, межрайонные суды Донецкой Народной Республики, Военный суд Донецкой Народной Республики, составляющие систему судов общей юрисдикции [2].

В первую очередь, рассматривая данный вопрос, необходимо обратиться к Федеральному конституционному закону №5 «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики». В ч. 1 ст. 10 данного Закона закреплено, что в течение переходного периода на территории Донецкой Народной Республики с учетом ее административно-территориального деления, установленного законодательным (представительным) органом Донецкой Народной

Республики, создаются суды Российской Федерации (федеральные суды) в соответствии с законодательством Российской Федерации о судебной системе.

Анализ вышеназванного закона позволяет прийти к выводу, что судьи, которые ранее замещали места в судах ДНР, будут иметь преимущественное право для повторного поступления на такие должности в новой системе судов при соответствии их всем требованиям кандидата на должность судьи. Закон также предполагает создание судебных участков и должностей мировых судей. До создания на территории Республики судов в соответствии с федеральным законодательством, своё действие продолжают суды, существовавшие на момент вступления в состав РФ. При этом вышестоящими по отношению к ним являются Верховный Суд Донецкой Народной Республики, действовавший на территории Донецкой Народной Республики на день принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образования в составе Российской Федерации нового субъекта, Первый апелляционный суд общей юрисдикции, апелляционный военный суд, Двадцать первый арбитражный апелляционный суд, Второй кассационный суд общей юрисдикции, кассационный военный суд, Арбитражный суд Центрального округа и Верховный Суд Российской Федерации [3].

Правовая основа организации деятельности судов на территории России сформирована комплексом нормативных правовых актов, в частности: Конституция РФ [4], Федеральный закон РФ «О судебной системе».

В соответствии со ст. 4 федерального закона РФ от 31.12.1996 г. №1-ФКЗ «О судебной системе» систему федеральных судов составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и

специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ и специализированные арбитражные суды [5].

Безусловно включение республиканской судебной системы в федеральную сопряжено с решением множества, прежде всего, практических проблем, которые в целях системности изложения имеет смысл объединить в группы.

К первой группе актуальных проблем в судебной системе ДНР относятся информационные, наиболее важной из которых является включение в судебную деятельность информационных технологий – проведение судебных заседаний с использованием системы видеоконференции и т.д. (что активно используется в судах РФ). Первым шагом к решению данной проблемы должно служить повышение финансирования судебной системы, что даст возможность внедрить новые технологии не только в функционирование деятельности Верховного суда ДНР, но и в работу городских и районных судов, организационное и техническое оснащение которых зачастую находится на менее развитом уровне.

Внедрение информационных технологий в деятельность судов ДНР, по нашему мнению, должно проходить с учётом имеющего практического опыта и проблем в данной сфере, которые уже преодолены в РФ. В связи с этим, целесообразно прислушаться к А.З. Идиатуллиной и Э.О. Самитову, которые акцентируют внимание на главной проблеме – информационное неравенство, заключающаяся в ограничении возможностей использования электронного правосудия социальной группой, не имеющей доступа к современным средствам коммуникации. Решение данной проблемы видится в установке в общедоступных местах специализированных автоматизированных устройств, позволяющих в полной мере реализовать возможности электронного правосудия. Однако тут же возникает иная

проблема, выражающаяся в технической неграмотности определённой части населения. Для решения данной проблемы необходимо проведение государственных, региональных программ информатизации, внедрение и развитие определенных образовательных стандартов в данной области. Они будут направлены на возможность получения гражданами в свободном доступе информации об обращении в тот или иной судебный орган, а также расширение их уровня правовой грамотности[8, с. 168].

Представляется целесообразным уделить определённое внимание также проблеме электронного документооборота применимо к республиканской судебной системе. На сегодняшний день наблюдается постепенный и направленный переход судебной системы РФ к информационным системам. Электронная форма осуществления правосудия способствует искоренению проблем, многие годы негативно влияющих на качество правосудия, а именно исполнение процессуальных сроков, обеспечение граждан правом на своевременное получение достоверной информации в сфере осуществления правосудия в полном объеме. Реализация данного решения позволит судам отправлять правосудие в более краткие сроки, в связи с чем, стадия исполнения судебных решений будет выполняться в соответствии с принципом разумного срока судопроизводства[6, с. 133].

В контексте развития информационного обеспечения деятельности суда целесообразно внести предложение об обязательном создании сайтов каждого суда в Республике, что позволит гражданам реализовать своё право на доступность и прозрачность правосудия. Размещение на сайте не только контактной информации самого суда, но и алгоритма подачи заявления и итогового получения судебного решения упростят процесс взаимодействия граждан с судами, а также существенным образом окажет влияние на повышение правовой грамотности населения.

В качестве второй группы проблем мы предлагаем выделить финансовые. Ярким примером такой проблемы является существенная

дифференциация денежного вознаграждения судей высших судебных инстанций в сравнении с районными и городскими судами. Это может провоцировать халатное отношение судей к выполнению своих служебных обязанностей, возможность совершения судебных ошибок. В связи с этим представляется наиболее разумным установить в законе экономически обоснованный норматив финансирования судебной системы, например закреплённый процент расходов государственного бюджета.

Третий блок проблем, на наш взгляд, носит специфический, интеграционный характер. Так, проблемным вопросом судебной системы ДНР в связи с интеграцией является деятельность Конституционного суда. В Законе «О судебной системе» № 241-ИНС от 31 августа 2018 года указано о наличии среди судебных органов Республики Конституционного суда. С момента вступления указанных нормативных правовых актов в силу и до момента принятия Республики в состав РФ Конституционный суд ДНР не был учреждён. При этом, в РФ деятельность конституционных судов субъектов РФ предусмотрена не во всех регионах. В некоторых из них (к примеру, в Челябинской области) конституционные суды были упразднены в связи с перераспределением финансирования судебной системы. В связи с этим возникают два проблемных вопроса. Первый, будет ли создан Конституционный суд в ДНР как субъекте РФ. Второй – как будет проходить интеграция такого суда и его связь с Конституционным судом РФ.

На наш взгляд, в целях рационального распределения деятельности было бы целесообразно создать в структуре Конституционного суда РФ временную палату по делам присоединённых территорий, что позволит не повышать общую нагрузку на Конституционный суд и не понижать скорость разрешения других дел, при этом уделяя достаточное внимание новым территориям. В свою очередь, Н.В. Валуева, анализируя состояние судебной системы в Республике Крым после вхождения в состав РФ, предлагает создать собственный Конституционный суд в данном субъекте [7, с. 29]. Мы считаем, что говорить о такой необходимости можно после того, как станет

понятно, насколько успешно проходит интеграция судебной системы Республики в общероссийское пространство.

Выводы. Таким образом, в настоящей работе выделено три основных блока проблем судебной системы ДНР, которые требуют решения. К ним относятся: информационный, финансовый и интеграционный блоки. В качестве наиболее важных из перечисленных проблем мы видим вопрос внедрения электронных информационных технологий в деятельность судов ДНР сообразно с их включением в общероссийскую систему. Решение данного вопроса позволит не только повысить правовую грамотность населения, но также в полной мере реализует право каждого гражданина на свободный доступ к правосудию. Отдельное место в перечне проблем занимает создание Конституционного суда ДНР, поскольку не каждый субъект РФ имеет собственный конституционный суд, но на примере Республики Крым, в частности, Валуева Н.В. предлагает создание такого суда.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики: Конституция Донецкой Народной Республики от 30.11.2018 года (по сост. на 30.11.2018) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>. – Дата обращения: 07.12.2022. – Загл. с экрана.
2. О судебной системе: Закон ДНР №241-ИНС от 31.08.2018 года (ред. от 20.11.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://nra.dnronline.su/2018-09-10/241-ihc-o-sudebnoj-sisteme-donetskoj-parodnoj-respubliki-dejstvuyushhaya-redaktsiya-po-sostoyaniyu-na-25-11-2020-g.html/>. – Дата обращения: 07.12.2022. – Загл. с экрана.
3. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон №5 от 04.10.2022 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202210050005/>. – Дата обращения: 23.12.2022. – Загл. с экрана.
4. Конституция Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. по сост. на 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата обращения: 07.12.2022. – Загл. с экрана.
5. О судебной системе: ФКЗ РФ №1-ФКЗ №241-ИНС от 31.12.1996 года (ред. по сост. на 01.01.2023) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098>. – Дата обращения: 05.01.2022. – Загл. с экрана.

6. Шатковская Т.В. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации: проблемы и перспективы / Т.В. Шатковская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – №2. – С.131-135.

7. Валуева Н.В. Судебная система в Российской Федерации и республике Крым: актуальные проблемы / Н.В. Валуева // Океанский менеджмент. – 2021. – №3 (12). – С. 28-29.

8. Идиатуллина А.З., Самитов Э.О. Актуальные проблемы информатизации судебной системы в России / А.З. Идиатуллина, Э.О. Самитов // Colloquium-journal. – 2020. – №1. – С.167-168.

УДК 328.185

СУБЪЕКТЫ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ИХ ПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Берестюк Юлия Витальевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yulya.berestyuk@mail.ru

Аннотация: *статья посвящена отдельным проблемным вопросам правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов. Определено понятие субъекта антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов и установлено, что круг таких субъектов закреплен законодательно. Автором сделан вывод о необходимости совершенствования правового регулирования независимой антикоррупционной экспертизы в части требований, предъявляемых к ее независимым экспертам*

Ключевые слова: *антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, субъекты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, независимые эксперты, институт независимой антикоррупционной экспертизы законодательных актов и их проектов.*

Постановка проблемы. Исходя из анализа существующих в юридической науке определений антикоррупционной экспертизы, считаем,

что под антикоррупционной экспертизой нормативно-правовых актов (их проектов) следует понимать деятельность уполномоченного лица, обладающего специальными знаниями (эксперта), по проверке нормативно-правовых актов (их проектов) и выявлению в них коррупциогенных факторов, направленная на устранение положений нормативных правовых актов (проектов), создающих условия для проявления коррупции. Эффективность же указанной деятельности напрямую зависит от степени ее правовой регламентации, в которой на данном этапе все ещё существуют отдельные проблемы.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В отечественной юридической науке отдельным проблемам правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов (их проектов) посвящены работы таких авторов как Н. В. Мамитовой, А. В. Кудашкина, В. Н. Южакова, Е. Р. Россинской, Р. О. Долотова и др. Вместе с тем, считаем, что на сегодняшний день ряд проблем (в частности, касательно субъектов данной деятельности) остается исследованным в недостаточной мере.

Целью исследования является определение круга субъектов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы, а также выявление проблем, возникающих при осуществлении ими экспертной деятельности; поиск возможных способов решения указанных проблем.

Основные результаты исследования. Под субъектами антикоррупционной экспертизы понимаются «уполномоченные институты государственной власти и местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица, выступающие в качестве специалистов в области правового противодействия коррупции» [1, с. 82]. Исходя из определения, важными признаками указанных субъектов выступают следующие:

– это уполномоченные органы или лица, т.е. получившие полномочия по осуществлению антикоррупционной экспертизы, наделённые в силу

закона (а в случае с общественными институтами – также в силу акта органа, уполномоченного на проведение аккредитации) определённой властью;

– это органы или лица, обладающие экспертными знаниями в области правового противодействия коррупции.

Круг субъектов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов определен в ст. 3 и в ст. 5 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[2] (далее по тексту – ФЗ № 172-ФЗ), и включает как государственные органы и организации, их должностных лиц, так и аккредитованных независимых экспертов.

В то же время, по мнению А.В. Кудашкина, к самостоятельным субъектам антикоррупционной экспертизы, наряду с упомянутыми выше, следует относить и неаккредитованные институты гражданского общества, т.е. общественные организации и объединения, а также граждан, официальный статус независимых экспертов в ходе аккредитации которыми получен не был. В своей работе автор определяет отличие статуса гражданского общества и граждан как субъектов антикоррупционной экспертизы от статуса независимых экспертов. Так, заключения, составителями которых выступали представители гражданского общества и граждане, не прошедшие аккредитацию, не обязательны для рассмотрения разработчиками нормативных правовых актов. Кроме того, указанные субъекты, в отличие от независимых экспертов, не вправе требовать мотивированного ответа на заключение, направленное по результатам проведенной антикоррупционной экспертизы [3, с. 97].

Однако, в силу действующего законодательства, в частности, ст. 5 ФЗ № 172-ФЗ, представление граждан, не получивших статуса эксперта, в качестве субъектов антикоррупционной экспертизы, на наш взгляд, вряд ли может иметь место. Такой позиции придерживается и Россинская Е.Р., которая отмечает, что граждане или общественные организации,

объединения, не прошедшие аккредитацию в качестве независимых экспертов, вправе давать комментарии и излагать свои замечания в отношении проекта нормативно-правового акта, оценивать его на этапе общественного обсуждения, однако они при этом не являются субъектами антикоррупционной экспертизы [4, с. 84].

К государственным органам, осуществляющим указанную экспертизу, закон относит Прокуратуру Российской Федерации и Министерство Юстиции Российской Федерации, а также иные федеральные органы исполнительной власти, государственные органы и организации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Субъектами также могут выступать органы местного самоуправления.

Причем, для названных субъектов проведение антикоррупционной экспертизы является обязательным, в то время как для независимых экспертов такая деятельность носит инициативный характер.

Законодательно конкретизирован и объект экспертизы для указанных субъектов. Так, прокурор, в соответствие со ст. 3 ФЗ № 172-ФЗ, уполномочен на проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов органов, организаций, их должностных лиц, если указанные акты затрагивают вопросы: о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина; о социальных гарантиях, предоставляемых лицам, замещающим государственные или муниципальные должности; о государственной и муниципальной службе; о государственной и муниципальной собственности. Также прокурор проводит указанную экспертизу в отношении актов, касающихся налогового, бюджетного, лесного, таможенного, водного, градостроительного, земельного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регламентирующего деятельность государственных организаций, которые создаются РФ в силу федерального закона [2].

Минюст России осуществляет антикоррупционную экспертизу проектов федеральных законов, проектов указов Президента РФ и

постановлений Правительства РФ, которые разрабатываются государственными органами и организациями, проектов поправок Правительства РФ к проектам федеральных законов, подготовленным государственными органами и организациями. Экспертиза указанных актов проводится в обязательном порядке при проведении их правовой экспертизы. В качестве объекта антикоррупционной экспертизы, осуществляемой Минюстом России, также выступают нормативно-правовые акты государственных органов и организаций, в случае, если они: затрагивают права и обязанности, свободы человека и гражданина; носят межведомственный характер или устанавливают правовой статус организаций. Объектом закон признает уставы муниципальных образований и муниципальные правовые акты, вносящие изменения в уставы муниципальных образований (такая экспертиза проводится при государственной регистрации указанных актов); нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации (при мониторинге их применения и при внесении сведений в федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации)[2].

Что касается иных органов, организаций и их должностных лиц, то они осуществляют антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов (их проектов), принятых самостоятельно, в ходе их правовой экспертизы и при мониторинге их применения»[2].

По результатам экспертизы составляется заключение. Важно заметить, что при обязательности проведения антикоррупционной экспертизы обязательный характер носят исключительно заключения Минюста России по экспертизе нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливают правовой статус организаций или имеют межведомственный характер, а также уставов муниципальных образований и муниципальных правовых актов о внесении изменений в уставы муниципальных образований

- при их государственной регистрации. Иные заключения Минюста подлежат обязательному рассмотрению соответствующими органом, организацией или должностным лицом, однако носят рекомендательный характер. В таком случае отсутствие обязательного характера результатов антикоррупционной экспертизы, в свою очередь, может привести к принятию нормативных актов, содержащих коррупциогенные факторы. На эту проблему уже обращал внимание ряд специалистов, в частности – директор департамента по вопросам административной реформы Центра стратегических разработок В.Н. Южаков. Он отмечает, что в настоящее время закон не является абсолютной гарантией устранения коррупциогенных норм из уже действующих нормативно-правовых актов, в виду того, что этот закон не требует их обязательного устранения. Более того, не является обязательным и устранение коррупциогенных факторов, выявленных в ходе антикоррупционной экспертизы [5]. В этой связи видится необходимым восполнение указанного пробела путем корректировки нормы закона и придания обязательного для законодателя характера внесения изменений в проект нормативно-правового акта в соответствии с рекомендациями эксперта, а также путем придания обязательного характера антикоррупционной экспертизе действующих, ранее принятых нормативных правовых актов.

Как и было указано выше, правом на проведение антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов принадлежит и независимым экспертам – институтам гражданского общества и гражданам Российской Федерации. Данные субъекты осуществляют такую деятельность за счет собственных средств после прохождения аккредитации в Минюсте России.

Заключение независимых экспертов по результатам независимой антикоррупционной экспертизы, как и в случае с иными субъектами, носит рекомендательный характер. В то же время такое заключение должно быть рассмотрено в обязательном порядке, а по результатам рассмотрения

эксперту должен быть направлен мотивированный ответ. Исключением является случай отсутствия в заключении предложения о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов.

Требования к независимым экспертам установлены Административным регламентом Минюста России по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством РФ[6]. Так, заявителем может выступать:

А) Физическое лицо:

- являющееся гражданином Российской Федерации;
- имеющее высшее профессиональное образование;
- имеющее стаж работы по специальности не менее 5 лет.

Б) Юридическое лицо:

– имеющее в своем штате не менее 3 работников, которые соответствуют требованиям, предъявляемым к физическим лицам-заявителям.

Кроме указанных требований, ст. 5 ФЗ № 172-ФЗ установлены и другие, в частности:

- отсутствие неснятой или непогашенной судимости;
- отсутствие в реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия, сведений о применении к гражданину-заявителю взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- деятельность гражданина заявителя не связана с осуществлением должностных обязанностей в федеральных органах исполнительной власти, иных государственных органах и организациях, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления;

– отсутствие статуса иностранного агента.

Не может осуществляться экспертиза также международными и иностранными организациями.

По сей день в научном сообществе ведутся дискуссии о достаточности законодательно закрепленных требований, предъявляемым к независимым экспертам. Прежде всего, подвергается сомнению отсутствие обязательного требования о наличии у эксперта специальных, в том числе юридических, знаний. При обсуждении данного вопроса следует выделить несколько проблем.

Во-первых, наличие высшего профессионального образования не гарантирует, что лицо будет обладать знаниями и навыками, необходимыми для качественной экспертизы.

Во-вторых, немаловажен вопрос о том, какими именно знаниями должен обладать эксперт. Понятно, что он должен обладать компетенциями в сфере, которую регулирует проверяемый нормативно-правовой акт(проект). Однако, по мнению широкого круга правоведов, такого рода знаний недостаточно. Независимый эксперт при осуществлении антикоррупционной экспертизы, как и иные субъекты, обязан руководствоваться положениями Методики, утвержденной постановлением Правительства [7]. Именно в ней содержится описание коррупциогенных факторов, которое использует достаточно сложный категориальный аппарат. Примером могут выступать следующие понятия: «диспозитивное установление возможности совершения действий», «бланкетные и отсылочные нормы», «юридико-лингвистическая неопределенность», «дискреционные полномочия» и другие. От понимания сущности этих понятий зависит качество результатов независимой антикоррупционной экспертизы. Представляется, что для лица, не обладающего специальными юридическими знаниями, их понимание и использование в деятельности будет затруднительным, и более того – неправильное понимание их сущности неизбежно приведет к формированию ошибочных выводов.

Эффективным средством устранения указанных проблем видится введение квалификационного экзамена, направленного на оценку знания методики и порядка проведения независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также на проверку навыков по обнаружению коррупциогенных факторов в тексте нормативных правовых актов. Такую идею предлагал, в частности, Р.О. Долотов. Проведение экзамена, по его мнению, необходимо возложить на территориальные управления Минюста России [8, с. 44-45].

Более того, на наш взгляд, целесообразно проведение экзамена на проверку компетенций и в отношении должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, для которых проведение антикоррупционной экспертизы является не правом, а обязанностью.

Выводы. Таким образом, приходим к следующим выводам. Антикоррупционная экспертиза может стать достаточно эффективным средством преодоления коррупции в Российской Федерации только при условии наличия налаженного механизма ее осуществления и полной правовой регламентации.

Что касается субъектов осуществления такой экспертизы, то они перечислены в законодательстве и включают в себя уполномоченные институты государственной власти и местного самоуправления, институты гражданского общества, организации и физические лица. При этом институт независимой антикоррупционной экспертизы, нужно сказать, более всего нуждается в дальнейшем правовом регулировании. В частности, представляется, что перечень критериев, предъявляемых законом к независимым экспертам, является недостаточным и требует дополнения.

Список источников

1. Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства: учебно-практическое пособие / Н.В. Мамитова. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. – С. 82.
2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон, принят Государственной Думой Российской Федерации от 17.07.2009 № 172–ФЗ (ред. от 11.10.2018 г.) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – Режим доступа:

http://www.coNsultaNt.ru/documeNt/coNs_doc_LAW_89553/. – Дата обращения: 07.01.2023. – Загл. с экрана.

3. Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: Научно-практическое пособие / А.В. Кудашкин: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 97.

4. Россинская Е.Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики / Е.Р. Россинская – М.: Норма: Инфра-М, 2014 – С.84.

5. Южаков В.Н. Антикоррупционная экспертиза: Шанс на очищение // Ведомости. – 2009. – № 118 (2388).

6. Административный регламент Минюста России по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: утвержден приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 29.03.2019 № 57 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – Режим доступа: <https://miNjust.gov.ru/ru/documeNts/7598/>. – Дата обращения: 07.01.2023. – Загл. с экрана.

7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (вместе с Правилами и Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов): постановление Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант». – Режим доступа: http://www.coNsultaNt.ru/documeNt/coNs_doc_LAW_98088/. – Дата обращения: 06.01.2023. – Загл. с экрана.

8. Долотов Р. О. Эффективность института независимой антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 44-45.

УДК 316.483:341.231.12

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК НОВАЯ ФОРМА ТЕРРОРИЗМА

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Дукова Анастасия Дмитриевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: ur.k@yandex.ru

***Аннотация.** В статье представлен анализ информационного терроризма как новой формы терроризма. Определены основные признаки информационного терроризма, отличающие его от смежных видов правонарушений.*

***Ключевые слова:** Интернет, информационный терроризм, кибертеррорист, терроризирование, терроризм, террористическая деятельность.*

Постановка проблемы. На сегодняшний день, современный терроризм наносит огромный ущерб конституционному строю, правовому порядку, информационной и экономической безопасности страны. Отсюда следует, что данное явление представляет опасность, прежде всего на политическое состояние государства, а потому требуется выработка и реализация комплекса мер по его подавлению [2, с. 163].

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Информационный терроризм как новая форма терроризма рассматривалась в трудах отечественных ученых, например, Н.В. Щедрина, А.М. Абдулатипова, Н.Ю. Григорьева и других. Однако анализ научных трудов свидетельствует о недостаточной научной проработанности проблемы, а, следовательно, заслуживает пристального и детального внимания.

Цель исследования. Выявить характерные черты и особенности информационного терроризма как новой формы терроризма.

Основные результаты исследования. Одним из самых нежелательных явлений в XXI веке и наиболее опасным является такой вид преступления как терроризм, который имеет различные формы выражения. В современных условиях цифровизации и массовой интернет-социализации особую опасность приобретает информационный терроризм – новая форма терроризма.

Информационный терроризм – прямое воздействие на психику и сознание людей в целях формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей. На практике под информационным терроризмом обычно подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет для человека возможностей для критической оценки получаемой информации [3, с. 17].

В современных условиях глобализации, когда средства телекоммуникаций приобрели исключительное значение, степень опасности информационного терроризма стремительно возросла. На сегодняшний день наблюдается активное проникновение и усиливающееся влияние новых информационно-коммуникационных технологий на все сферы человеческой деятельности. Вследствие этого, в условиях глобализации и информатизации общества, при которых барьеры контроля и управления информационными потоками практически отсутствуют, а национальные границы государств нивелированы (в частности, в коммуникативном аспекте) для развития информационного терроризма появились способствующие факторы, усиливающие воздействие на сознание и поведение людей.

По мнению Н.Ю. Григорьева и Э.Б. Родюкова, информационный терроризм – это «прямое и непосредственное воздействие на психическое состояние и сознание людей, направленное на формирование нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей». Человек, попадая под воздействие информационного терроризма, теряет возможность адекватной и справедливой оценки получаемой информации [1, с. 175].

Отличительной чертой информационного терроризма от других видов терроризма – является его «дешевизна», ведь всё, что для этого необходимо – Интернет.

Интернет является первоосновой для второго характерного признака исследуемого явления – анонимность; сложность обнаружения, невозможность описать приметы преступника, которые бы выделяли его из толпы или его манеру поведения в обществе. Анонимность, обеспечиваемая Интернетом, позволяет кибер-террористу стать невидимым, практически неуязвимым и ничем не рискующим при осуществлении преступного замысла.

Таким образом, в отличие от «классического» террориста, который для достижения своих целей использует материальные средства (взрывчатые и иные опасные вещества массового поражения, оружие и т.п.), кибер-террорист использует средства, не имеющие материальной основы, т.н. виртуальные средства: современные информационные технологии, компьютерные системы и сети, специальное программное обеспечение, предназначенное для несанкционированного проникновения в компьютерные системы и организации удаленной атаки на информационные ресурсы жертвы.

Для того чтобы информационный терроризм не имел дальнейшего развития, необходима организация фильтрации поступающей в массы информации. Практическая реализация данного предложения не проста, а при реализации неизбежно приведет к «столкновению» общественных и частных интересов; права на безопасность и права на свободное получение информации и т.п.

В результате анализа Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), было выявлено, что формулировка такого вида правонарушения, как информационный терроризм – отсутствует. Однако УК РФ содержит схожую по отдельным признакам с информационным терроризмом норму – ст. 205. 2. Отметим, что «сходство по отдельным

признакам» все же не устраняет существующий в уголовном законодательстве пробел, следовательно, очевидна необходимость внесения соответствующих изменений в УК РФ[4].

В силу уже выделенных нами характерных признаков информационного терроризма как особо опасного деяния, отличающих его от иных форм терроризма, с учетом особо высокой степени опасности последствий, считаем необходимым ввести в УК РФ соответствующий состав преступления, изложив его в части 3 статьи 205.2 в следующей редакции: «Использование информационных ресурсов направленных на прямое воздействие психики и сознания людей в целях формирования нужных мнений и суждений (информационный терроризм)...».

Для борьбы с данным видом преступления, возникает необходимость создания комплекса взаимосвязанных антитеррористических мер, направленных на защиту общества.

На данный момент в Российской Федерации запущен процесс формирования базы правового обеспечения информационной безопасности, которое гарантировано принятием определенных нормативно правовых актов, а именно федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации», «Об электронной цифровой подписи», «Об участии в международном информационном обмене»; закон Российской Федерации «О государственной тайне»; ряд других законов.

Выводы. Информационный терроризм – серьезная проблема, как для общества, так и для государства. Противодействие данному виду преступления необходимо осуществлять во взаимодействии и сотрудничестве разных государств, так как проблема информационного терроризма является актуальной во многих развитых странах. Государство должно выполнять более активную роль в обеспечении правил взаимодействия в информационном поле.

Список источников

1. Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б. Информационный терроризм / Н.Ю. Григорьев, Э.Б. Родюков // Вестник Университета. – 2015. – С. 175-180.

2. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики / А.Г. Сидоренко, Ю.В. Тихомиров. – М.: Кучково поле, 2011. – 640 с.
3. Старостина, Е. В. Защита от компьютерных преступлений и кибертерроризма. Вопросы и ответы / Е. В. Старостина. – М.: Эксмо, 2005. – 192с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г., №63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] / СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – Дата обращения: 12.12.2022. – Загл. с экрана.

УДК 316.483:341.231.12

ПРОКУРАТУРА В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Степанова Юлия Сергеевна
старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Исмаилова Сабине Сабухивна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: sabina.ism01@gmail.com

Аннотация. Прокуратура в Донецкой Народной Республике – важнейший орган, который осуществляет надзор и контроль за соблюдением и исполнением законов. В ходе работы данного органа возникает ряд трудностей, в частности, связанных с интеграцией прокуратуры Донецкой Народной Республики в правовое поле Российской Федерации.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, интеграция, Генеральная прокуратура.

Постановка проблемы. История деятельности прокуратуры начинается достаточно давно. Так, ещё в Российской Империи прокуратура как «око государево» была учреждена ещё в 1722 г. как средство наблюдения за исполнением законов. Спустя годы расширилось количество функций данного ведомства. На сегодняшний день на территории нашего региона действует система органов прокуратуры, которыми руководит Генеральная прокуратура ДНР. В своей деятельности прокуратура сталкивается с рядом

проблем, особенно на это влияет широкое распространение информационных технологий. На сегодняшний день в связи с вхождением Донецкой Народной Республики в состав РФ возникает ряд трудностей в вопросе интеграции прокуратуры в общероссийское правовое поле.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Исследованию отдельных проблемных вопросов деятельности прокуратуры в правовой науке посвящено достаточное число работ. В частности можно назвать таких авторов: Быстров В.А., Анищенко Ю.А., Воробьева Н.А. и другие. Вместе с тем изучению проблемных вопросов, поднимаемых в данной работе, уделено внимания не было, что лишний раз доказывает актуальность исследования.

Цель исследования видится в анализе современного состояния органов прокуратуры Донецкой Народной Республики, обусловленного процессом интеграции в правовое, политическое, социально-экономическое пространство Российской Федерации и выделение наиболее важных проблем и поиск путей их решения.

Основные результаты. В соответствии со ст. 81 Конституции Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР, Республика), прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов на территории Республики, выполняет иные функции, установленные законами [1]. В свою очередь, в законе ДНР «О прокуратуре» №243-ИНС от 31.08.2018 дано следующее определение: «Прокуратура Донецкой Народной Республики – единая государственная централизованная система органов, осуществляющих от имени Донецкой Народной Республики надзор за соблюдением Конституции Донецкой Народной Республики и исполнением законов, действующих на территории Донецкой Народной Республики». В соответствии со ст. 4 того же Закона, одним из основополагающих принципов деятельности органов прокуратуры является принцип открытости для гражданского общества [2].

В связи с принятием в состав Российской Федерации (далее по тексту – РФ, Россия) на правах субъекта Республика стала на путь экономической,

правовой и политической интеграции в российское правовое пространство. С принятием федерального конституционного закона от 04.10.2022 г. № 5-ФКЗ [3] и внесением изменений в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ [1] в части включения Республики в состав субъектов России начался планомерный процесс включения органов прокуратуры ДНР в российскую систему. В соответствии со ст. 9 ФКЗ №5, в течение переходного периода Генеральная прокуратура Российской Федерации создает на территории Донецкой Народной Республики органы прокуратуры Донецкой Народной Республики, имеющие статус прокуратуры субъекта Российской Федерации, и другие территориальные органы прокуратуры в соответствии с законодательством Российской Федерации о прокуратуре.

Кроме того, назначение прокуроров на должности будет регламентироваться законодательством РФ, а до создания новых органов прокуратуры на законных основаниях действуют те, которые были созданы до вступления ДНР в состав РФ [3].

В свою очередь, в рамках реализации вышеперечисленных положений, генпрокурор РФ И. Краснов подписал приказы об образовании в системе прокуратуры России соответствующие ведомства в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. В регионах Донбасса назначены исполняющие обязанности прокуроров [4]. В связи с этим, можно сделать вывод, что новые органы прокуратуры переходят под всероссийскую юрисдикцию Генеральной прокуратуры РФ. Определённые вопросы вызывают тонкости механизма перехода республиканских органов прокуратуры под юрисдикцию Генеральной прокуратуры РФ, наличие достаточной нормативной, кадровой и финансовой обеспеченности данного процесса. Также важен вопрос сохранения Генеральной прокуратуры ДНР в системе органов прокуратуры: упразднение или сохранение с пересмотром ее правового статуса и места в системе органов прокуратуры.

Прокуратура, как особый орган, не относящийся ни к одной из ветвей власти, осуществляет надзор за всеми правоохранительными органами,

ведущими борьбу с преступностью, в целях выявления и пресечения преступных деяний, обнаружения виновных и привлечения их к уголовной ответственности [5, с. 102].

Прокурор имеет полномочия не только осуществлять надзор и контроль над конкретными сферами деятельности, но также участвовать в процессе по уголовным, гражданским, административным, арбитражным делам, по делам об усыновлении и другим категориям дел. Он вправе возбуждать дело, если у лица в силу объективных обстоятельств нет такой возможности.

Спектр проблем, связанных с включенностью Республики в правовое, политическое, социальное пространство Российской Федерации довольно широк, в силу чего считаем целесообразным рассмотреть наиболее, по нашему мнению, острые, сгруппировав их в блоки.

В блоке организационных проблем первоочередного решения требует решения вопрос организации взаимодействия органов прокуратуры с другими органами государственной власти по вопросам их общего ведения. В частности, это касается взаимодействия с Правительством и Народным Советом ДНР, а также с исполнительными органами власти. Недостаточность правового регулирования такого взаимодействия может послужить причиной возникновения вопросов по поводу раздела компетенции органов в той или иной сфере, а также возможность допущения ошибки при решении собственных задач. Решение проблемы видится в разработке механизма взаимодействия исходя из положений федерального конституционного закона № ФКЗ-5 от 04.10.2022 г. и действующего федерального закона «О прокуратуре» от 17.01.1992 г. №2202-1.

Важно отметить и то, что в юридической литературе часто можно встретить методические рекомендации по осуществлению надзора по разным направлениям – эта проблема также имеет организационный характер. Однако отсутствует единая методика в направлении надзора по соблюдению законодательства о противодействии коррупции. Следует отметить факт

сохранения актуальности проблемы борьбы с коррупцией, не смотря на то, что комплекс соответствующих мероприятий разработан и реализуется. Данное обстоятельство может свидетельствовать не только о низкой эффективности уже существующих антикоррупционных мероприятий, но и о темпах совершенствования коррупциогенных методов и методик, переходе их на новый уровень. Сказанное говорить в пользу назревания необходимости разработки целостной методики по определению и устранению коррупционных правонарушений в основных сферах общественных правоотношений. В такую методику могли бы войти все средства и приемы, используемые в прокурорской деятельности по этому направлению надзора. Было бы разумно разделить методические приемы по сферам общественных отношений, где реализуются полномочия прокурора по надзору за соблюдением коррупционного законодательства [6, с. 7].

Особую группу, условно назовем ее – информационной-цифровой блок – составляют трудности, вызванные процессом внедрения цифровизации в деятельность органов прокуратуры в соответствии с направлениями цифровизации РФ. По итогам реализации комплекса мер Генеральной прокуратурой РФ и Экспертным советом и Минсвязи России принята Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года. При внедрении в данную Концепцию республиканских органов прокуратуры могут также возникнуть сложности и спорные вопросы. К примеру, внедрение большого количества данных об объектах надзора и статистике совершённых преступлений (для внесения их в Государственную автоматизированную систему правовой статистики) может занять немалое количество времени. В связи с этим мы считаем целесообразным и правильным создать в системе прокуратуры ДНР временные подразделения по цифровизации органа, в которых будут принимать участие работники прокуратуры. Такие подразделения позволят быстро и оперативно включиться в работу существующей российской системы прокуратуры [7, с. 32].

Кроме того, к этому блоку относятся сложности, связанные с развитием технического оснащения и отсутствия электронного документооборота. Хотя данная проблема больше относится к разряду организационных, но от этого не приуменьшается её важность.

Документы, используемые в деятельности прокуратуры, хранятся в течение определённого периода времени, по истечении которого они подвергаются уничтожению. Электронный документооборот и хранение большого массива информации в электронном виде обеспечивали бы сохранность и легкую доступность любого документа из соответствующего материала для сотрудника прокуратуры. Помимо этого, документы могли бы храниться практически неограниченный период времени, в связи с чем отпала бы необходимость их уничтожения. Это даст возможность в любой момент обратиться к любому документу независимо от давности его создания, что является важным фактором при расследовании некоторых категорий дел.

Данный вопрос имеет и обратную сторону – возможность взлома электронной системы либо сбоя в её работе, что нарушит отлаженное функционирование деятельности органов прокуратуры. Этого можно избежать посредством состояния профессиональной системы безопасности баз данных прокуратуры от возможных угроз.

Внедрение информационных технологий в надзорный процесс деятельности прокуратуры играет важную роль в процессе цифровизации правовой системы в целом. Это позволит сохранить большое количество информации, упростит поиск новых данных, позволит расширить круг деятельности работников прокуратуры за счёт сокращения определённых полномочий и перевода их в цифровую плоскость.

Проблематика внутренней и внешней коммуникации, т.н. коммуникативные проблемы, составляют ещё одну группу проблем, обостряющихся ускорением темпов цифровизации в РФ и перехода к информационному обществу. В данном контексте речь идет о внедрении

компьютерных программ, налаживании коммуникативных связей внутри системы, с государственными органами исполнительной, законодательной и судебной власти, с населением. И если первые два блока задач по налаживанию коммуникативных связей решаются посредством включенности в общегосударственную сеть, то налаживание обратной связи с населением возможно через создание официальных сайтов, публичного профиля в социальных сетях (в т.ч. в порядке обращения с жалобами и заявлениями).

Выводы. Таким образом, в спектр проблемных вопросов в деятельности органов прокуратуры, требующих разрешения в первую очередь, по нашему мнению, целесообразно сгруппировать в три блока: организационный, информационной-цифровой, коммуникативный. Все они напрямую связаны с интеграцией Республики в состав РФ. Решение всех этих вопросов позволит усовершенствовать деятельность данного органа власти и получить эффективный результат в достижении правопорядка.

Список источников

9. Конституция Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 12.12.1993 г. [Электронный ресурс]. / Официальный сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата обращения: 25.11.2022.

10. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]: Конституция Донецкой Народной Республики от 30.11.2018 года (действующая редакция по состоянию на 30.11.2018) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>. – Дата обращения: 24.11.2022.

11. О прокуратуре: Закон ДНР №243-ИНС от 31.08.2018 года [Электронный ресурс] / ГИС НПА ДНР. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-243-ihc-20180831/>– Дата обращения: 24.11.2022.

12. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон №5 от 04.10.2022 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202210050005/>. – Дата обращения: 24.11.2022.

13. В новых субъектах России до конца года сформируют федеральные органы власти [Электронный ресурс] / Tass.ru. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16324403>– Дата обращения: 24.11.2022.

14. Воробьёва Н.А. Проблемы организации и деятельности органов прокуратуры на современном этапе // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №1. – С. 100-106.

15. Анищенко Ю.А. О некоторых проблемах осуществления прокурорского надзора за соблюдением законодательства о противодействии коррупции // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: материалы конференции. – 2019. – С. 5-8.

16. Быстров В.А. Актуальные вопросы внедрения в цифровую среду органов прокуратуры и создания мобильных ресурсов правовой статистики // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: материалы конференции. – 2019. – С. 32-35.

УДК 321.01

ЭВОЛЮЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Лавринов Александр Александрович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: lavrinov_k@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие эволюции функций государства, причины её возникновения. Отмечается важность эволюции функций на современном этапе развития государства и общества.

Ключевые слова: государство, общество, эволюция, функции государства.

Постановка проблемы. В настоящее время, в связи с переходом к всеобщей цифровизации, развитием научно технического прогресса, международных и экономических, правовых отношений, соответственно изменяются потребности общества, детерминирующие трансформацию функций государства. Несмотря на имеющиеся в науке исследования, посвященные тематике эволюции функций государства, определения понятия данного процесса на сегодня нет, что, в свою очередь, обуславливает актуальность данного исследования.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В теории права глубоко проработан вопрос о функциях государства. Вместе с тем в аспекте

данного исследования считаем необходимым акцентировать внимание на работах следующих авторов, посвящённых непосредственно функции государства и её эволюции: М.В. Киварина, А.Б. Ратькова, О.В. Страков, Р.Т. Мухаев, А.В. Юрковский.

Ранее М.Е. Келепова провела анализ эволюция функций государства в зависимости от внутренних и внешних факторов в условиях глобализации, на примерах рядов стран, таких как: Россия, Турция, ряд стран Европейского союза. В её работе был сделан вывод о том, что: «В зависимости от внутренних и внешних факторов, воздействующих на государство, функции государства меняют свои приоритеты. Содержание функций государства зависит от обеспечения необходимых потребностей общества, от стратегических целей и задач, геополитических ориентиров.» [1, с.47].

В совместной работе М.М. Магдилов и Д.И. Дадаев «Эволюция функций государства в связи с пандемией COVID-19» на примере развития пандемии, показали, что «эволюция функций государства может вносить глобальные коррективы в функционирование всех государств мира, затронув содержание всех основных направлений деятельности государств» [2, с. 86].

Цель исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы дать определение понятия «эволюция функций государства» и охарактеризовать одноименный процесс.

Основные результаты исследования. Функции государства, выражают потребности общества, для осуществления его стабильного существования в том числе в форме такой особой организации как государство. Функции государства – «это основные направления деятельности государства по реализации стоящих перед ним задач для достижения определенных целей, обусловленных как классовой, так и общесоциальной его сущностью и социальным назначением». [3, с.99].

Современный период существования человечества можно характеризовать высоким ростом научно-технического прогресса, внедрением цифровизации во все сферы жизни, кроме того значительное

влияние оказывают внешние и внутренние деструктивные факторы (рост экстремизма террористических угроз, снижение правосознания и культуры как общей, так и правовой и т.д.). Эти факты детерминируют необходимость «эволюции государства, в рамках осуществления его деятельности».

Начать исследование процесса эволюции функций государства, следует с анализа этимологии понятия.

Так, понятие эволюции определяется как постепенное, медленное, необратимое и направленное изменение объектов различного рода [4]; одна из форм движения, развития в природе и обществе – непрерывное, постепенное количественное изменение, в отличие от революции – коренного, качественного изменения [5]; форма развития природы и общества, состоящая в постепенном количественном изменении, подготавливающем качественное изменение [6].

Основываясь на указанных определениях, можно сделать вывод, что понятие «эволюция» характеризуется следующими чертами: постепенное изменение; развитие от одного состояния к другому; является формой движения.

Как отмечалось выше, функции государства – это отражение потребностей общества, во многом обусловленные действием комплекса факторов. Во всем многообразии внешних и внутренних детерминант, оказывающие существенное влияние на эволюцию функций государства, по нашему мнению, следует выделить следующие:

– научно-технический прогресс, несомненно одна из основных причин эволюции, беспрецедентный темп, которого обусловлен потребностями общества, а также развитием цифровых и коммуникационных технологий. Выражается в появлении и использовании научно-технических достижений, таких как: ядерные технологии, машиностроение, генетика, медицинская инженерия и т.д.;

– экологический фактор, является одной из наиболее острых причин эволюции функций. В связи с развитием научно-технического прогресса, мир

переживает глобальные проблемы загрязнения окружающей среды. Что подразумевает промышленное загрязнение водных и воздушных ресурсов, исчезновение лесного ресурса, радиационного загрязнения, нарушения озонового слоя земли и т.д. Данные факторы требуют от государств более активного и резкого реагирования т.к. данная проблема на современном этапе является одной из самых ключевых для существования общества;

– информатизация общества, то есть создание баз данных, различных информационных систем, формирование всегосударственного информационного пространства и взаимодействие с ним также обуславливает эволюцию;

– интернационализация экономики, то есть формирование прочных внешнеэкономических связей в производственно-экономической сфере. Является важной причиной для эволюции функций государства, обусловлено это потребностью во внешнеэкономических связях, что является одной из потребностей общества;

– международная обстановка, так же является неотъемлемым и важным фактором в формировании функций государства. Выражается в потребности усиления влияния межгосударственных отношений, международных организаций, международных норм и принципов на внутреннюю жизнь государства. Высокий уровень интеграционных процессов обуславливает стабильное дальнейшее развитие внутренних и внешних функций государства.

К сожалению, объём публикации не позволяет нам провести масштабное комплексное исследование эволюции всех функций в связи с чем мы в качестве примера ограничимся на анализе одной из них – информационной функции.

С появлением сети интернет в 1993 году и последующей глобальной цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности человека, очень острым и актуальным стал вопрос, об информационной функции государства.

Учёный А.Б. Венгеров, выделяя специфику этой функции, указывал, что «заключается она в способах ее воздействия на общество: целенаправленная информированность населения, подчас манипулирование общественным сознанием, другие способы передачи информации создают необходимые условия для существования и функционирования других ветвей власти, всего государства» [7, с. 88].

Интенсификация информационно-коммуникативных связей в государстве, объективно поставила ребром вопрос о формировании соответствующей нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу. Так в 2006 году вышел первый нормативно правовой акт, федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006, обеспечивающий регулирование отношений в сфере информации и информационных технологий, возникающие при «1) осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; 2) применении информационных технологий; 3) обеспечении защиты информации.» [8].

В том же году был принят федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006, предполагавший регулирование отношений, связанных с обработкой персональных данных, с использованием средств автоматизации, в информационно-телекоммуникационных сетях.

Однако развитие информационного пространства, привело и к развитию преступности в этой сфере. На фоне чего актуальной стала проблема информационного терроризма – использования информационных ресурсов в террористических целях. Для решения этого вопроса была издана Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, принята указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, представляющая собой «систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере» [9]. Ведущее место в реализации данной Доктрины отведено органам государственной

безопасности, так в соответствии со статьей 13 федерального закона от 27.05.1996 № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2022) «О государственной охране», Основными задачами органов государственной охраны в этой сфере являются:

– «обеспечение организации и функционирования федеральных информационных систем, находящихся во владении или в пользовании органов государственной охраны;

– участие в пределах своих полномочий в обеспечении информационной безопасности Российской Федерации;» [10].

Очевидно, что с развитием информационного пространства, одним из приоритетных направлений деятельности государства стало информационное: информационная безопасность, развитие внутренней и внешней информационной коммуникации, внедрение цифровых технологий и т.д.

Вывод. Приведённый анализ позволяет констатировать неразрывную связь по вектору «общество – государство – право». Находящееся в постоянной динамике, развитии, общество предопределяет путь эволюции направлений деятельности государства по реализации стоящих перед ним задач для достижения поставленных целей.

Список источников

1. Келепова М.Е. Эволюция функций государства в условиях глобализации / М.Е. Келепова, М.С. Нагорная // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2020. – №2 (29). – Т. 1. – С. 45-49
2. Магдилов М.М., Дадаев Д.И. Эволюция функций государства в связи с пандемией COVID-19 // Вестник Дагестанского государственного университета. . – 2020. – №3. – С. 82-87.
3. Абдулаев М.И., Комаров С.А. Проблемы теории государства и права : Учебник. / М.И. Абдулаев, С.А. Комаров. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.
4. Левин В.И. Философия, логика и методология науки / В.И. Левин. – Пенза: ПГТА, 2010. [Электронный ресурс] / ЭБС ЛАНЬ. – URL: <https://terme.ru/slovari/filosofija-logika-i-metodologija-nauki-tolkovi-slovar-ponjatii-2010-g.html>. (дата обращения: 05.02.2023).
5. Савченко В.Н., Смагин В.П. Начала современного естествознания: Тезаурус. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. [Электронный ресурс] / Библиотека Гумер. – URL: <https://terme.ru/slovari/nachala-sovremennogo-estestvoznanija-tezaurus.html>. (дата обращения: 05.02.2023).

6. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: – СПб.: Норинт, 1998. [Электронный ресурс] – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov#>. (дата обращения: 05.02.2023).

7. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/. (дата обращения 05.02.2023).

9. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 05.02.2023).

10. О государственной охране : федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10511/. (дата обращения 05.02.2023).

УДК 316.483:341.231.12

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Степанова Юлия Сергеевна

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: yu.stepanova@donnu.ru

Шерешкова Карина Витальевна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: kshereshkova@mail.ru

***Аннотация.** Как правило, основная роль субъектов правоотношений принадлежит физическим и юридическим лицам, однако, не меньшую важность представляют собой социальные общности (к примеру, государство). В связи с этим, изучение данного субъекта требует тщательного и повышенного внимания и вызывает большой интерес.*

***Ключевые слова:** социальная общность, государство, народ, нация, сообщество.*

Постановка проблемы. Одной из ключевых составляющих правоотношения является его субъектный состав. Чаще всего в роли таковых выступают физические и юридические лица (например, в уголовном или гражданском праве), однако социальная общность также может быть

полноправным субъектом правоотношений (например, в международных или дипломатических связях).

Актуальность данной темы на сегодняшний день обусловлена тем, что правоотношения возникают в самых разных сферах жизни, в связи с этим, расширяется и круг субъектов, в число которых входят и социальные общности.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Тема социальных общностей как субъектов правоотношений получила свое освещение в работах таких ученых как В. Перевалов, Г. Зборовский, Л. Морозова, А. Матузов, Н. Малько и др. Несмотря на достаточную научную проработанность, поднимаемая проблематика требует исследования в силу динамики как права в целом, так и отдельных правовых явлений, категорий, в частности.

Цель исследования. В результате комплексного анализа социальных общностей как субъектов правоотношений, выделить их характерные черты, выявить особенности вступления в правоотношения.

Основные результаты исследования. Правоотношение выступает одной из ключевых категорий теории права. Необходимо отметить, что исторически право возникло именно как правоотношение, взаимодействие между людьми, развивающееся по определенным правилам, и только потом эти правила формулировались в виде общих абстрактных норм и закреплялись в законах и иных источниках права. В современных условиях (это касается Российской Федерации и иных стран романо-германской системы права) взаимосвязь нормы права и правового отношения обычно имеет обратный характер: в законе или ином источнике права фиксируется правовая норма, которая затем реализуется в правоотношениях. Но в этом случае только в правоотношениях норма права обретает свою жизнь, превращается из простого «пожелания» законодателя в реальный регулятор поведения людей.

В составе правоотношения ключевую роль играет его субъект, то есть, участник, обладающий соответствующими правами и обязанностями.

Так, В. Корельский и В. Перевалов предлагают достаточно комплексное и структурное понятие субъекта правоотношений. Согласно их точке зрения, субъектами правоотношения выступают индивиды или организации, которые на основании юридических норм могут быть участниками правоотношений, то есть носителями субъективных прав и обязанностей [1, с. 345].

Рамки публикации ограничивают возможности даже поверхностного анализа всех категорий субъектов правоотношений, в силу чего ограничимся на исследовании социальных общностей.

Начать исследование считаем целесообразным с определения понятия «социальная общность».

Так, по мнению Г. Зборовского под социальной общностью следует понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям [2, с. 147].

В свою очередь Я. Щепаньский утверждает, что «социальная общность» является термином с широким объемом, «охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь... Этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни. Это будет, следовательно, наш наиболее общий термин» [3, с. 117].

Также позиция А. Эфендиева сводится к признанию социальных общностей наряду с социальными институтами родовыми социологическими понятиями. «Общность, как целостность (как единое целое), – пишет он, – представляет собой не какое-либо новое, особое телесное образование, а

определенным образом организованный комплекс социальных действий и взаимодействий отдельных людей, реализующих солидарные ожидания, ориентации, т. е. ожидания того, что совместно им удастся эффективнее решать те или иные задачи» [4, с. 276-277].

Важно также выявить разницу между определениями «социальная общность» и «социальное меньшинство». Так, единое общепризнанное определение понятия социальных меньшинств отсутствует. Основываясь на общепринятых семантических характеристиках этого явления в русском языке, подходах в социальной психологии и этнополитологии, с учётом предложений, высказанных в 1977 г. Ф. Капоторти для реализации ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах, меньшинства можно определить как находящиеся на территории Российской Федерации, отличающиеся от остального населения, численно или статусно не доминирующие группы лиц, осознающие и стремящиеся сохранить свою самобытность. Иными словами, они уступают другим группам по численному составу либо, будучи даже количественным большинством, имеют более низкий, или подчинённый, по сравнению с другими частями населения социальный статус [5, с. 58]. На наш взгляд, понятия «социальная общность» и «социальное меньшинство» являются синонимами.

К социальным меньшинствам Л. Морозова также относит народ, население и нации. Автор отмечает, что народ выступает субъектом правоотношений, возникающих в связи с проведением референдума; население муниципальных образований – местных референдумов; нация – правоотношений, связанных с реализацией права на самоопределение [6, с. 237]. Для подтверждения сказанного выше обратимся к законодательному определению референдума, под которым, в соответствии со ст. 1 ФЗ РФ «О референдуме», подразумевается всенародное голосование граждан, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения [7].

В свою очередь, А. Матузов и Н. Малько выделяют социальные общности как коллективные субъекты правоотношений, в то время как в противопоставление им выступают индивидуальные (физические лица) [8].

Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [9, с. 109-110].

От юридических лиц они отличаются тем, что складываются естественно-исторически, а не создаются искусственно и представляют собой достаточно аморфные, не структурированные образования. В отличие от юридических лиц социальные общности – вполне реальные, не фиктивные образования, но говорить об их реальном участии в правоотношении можно с большой долей условности.

Принято считать, например, что народ или какое-либо местное сообщество выступает субъектом правотворчества при принятии закона либо иного решения на референдуме. Но на самом деле в процессе референдума возникает множество конкретных правоотношений, участниками которых являются отдельные граждане, непосредственно голосующие на референдуме, и государственные органы, осуществляющие организацию и проведение референдума, а не народ или местное сообщество в целом.

Аналогично национальные меньшинства имеют целый ряд прав, гарантирующих им свободное развитие языка, культуры, образа жизни и т.д., но реализуются все эти права отдельными лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, или созданными ими объединениями (например, национально-культурными автономиями), т.е. юридическими лицами, а опять-таки не всем национальным меньшинством в целом.

Социальные общности обладают достаточной правосубъектностью, необходимой для того, чтобы быть субъектом правоотношений.

Право на местное самоуправление, принадлежащее местным сообществам, также реализуется отдельными гражданами, проживающими на определенной территории, и созданными ими органами местного самоуправления (юридическими лицами публичного права).

Таким образом, к характерным чертам социальных общностей, отличающих их от иных субъектов правоотношений мы можем отнести следующие: это совокупность людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Они имеют ряд собственных прав, которые относятся как к правам индивидуальных, так и к правам коллективных субъектов.

Социальные общности могут вступать в правоотношения как добровольно, так и против собственной воли. Также на специфику таких отношений влияет качественное состояние субъекта.

По поводу видов социальных общностей, следует сказать, что к ним можно отнести: этнические, профессиональные, территориальные, гендерные, возрастные, региональные, образовательные и др. объединения людей.

Что касается международного законодательного закрепления понятия «социальная общность», то п. 2 ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Преамбула Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам предписывает народам распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права [10].

Хельсинский Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе провозглашает принцип территориальной целостности государств,

означающий нежелательность сепарации или сецессии и целесообразность самоопределения этнических общностей лишь в границах государств их проживания, что дает нам нормативное основание выделить «этническую общность» в качестве субъекта правоотношений.

Выводы. Таким образом, на наш взгляд, социальная общность – это полноправный субъект правоотношения, наделенный необходимой правосубъектностью. Социальные общности вступают как во внутригосударственные, так и в международные правоотношения.

Список источников

1. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник для вузов / В. Д. Перевалов, В. М. Корельский – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 552 с.
2. Зборовский Г.Е. Социальная общность как субъект социального времени / Г.Е. Зборовский // Вестник государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (36). – С. 147-153
3. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / под общ. ред. А.М. Румянцева. – М.: Издательство «ПРОГРЕСС», 1969. – 143 с.
4. Общая социология. Учебное пособие / под общ. ред. А.Г. Эфендиева. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 656 с.
5. Тарасенко В.В. Правосубъектность и основы юридического статуса социальных меньшинств в конституционном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – №3 (52). – С. 55-63.
6. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. –3-е изд. – М.: Эксмо, 2008. – 384 с.
7. Матузов Н.И., Малько А.В., Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2009. – 528 с.
8. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности : монография / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – С. 235-240.
9. О референдуме Российской Федерации : федеральный конституционный закон №5-ФКЗ от 28.06.2004 года (в ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] / СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/. – Дата обращения 10.12.2022.
10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1996 года [Электронный ресурс] / / СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/. – Дата обращения 10.12.2022.

УДК 316.483:341.231.12

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО КРИТЕРИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Щербак Сергей Иванович

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail:pluto683@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты применения «правового критерия» при исследовании цивилизации, с помощью которого сквозь призму права устанавливаются специфические признаки цивилизации, делаются выводы о самом наличии цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, критерий цивилизации, цивилизационный подход, право, методология цивилизационного подхода.

Постановка проблемы. При использовании цивилизационного подхода для исследования социальной, культурной и материальной действительности помимо самого вопроса о понятии цивилизации, всегда следует вопрос о способах её обозначения, отграничения одних цивилизаций от других, а также состояния цивилизации и её отсутствия.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Тема цивилизации и её признаков, как и сам цивилизационный подход зародилась и изучалась в среде таких западных учёных и философов, как О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона, М. Вебером. Ввиду своего противостояния с формационным подходом, торжествующим тогда в нашей стране, отечественная разработка и исследованность была достаточно низкой, потому как состояла в основном из работ белоэмигрантов, например П. Сорокина. С либерализацией советской системы и последующим её падением, возрос интерес к цивилизационному подходу в отечественной науке, в частности среди таких учёных как: В.С. Нерсисянц, А.Г. Дугин, С.С. Алексеев.

Цель исследования заключается в обосновании методологических аспектов применения правового критерия при исследовании цивилизации.

Основные результаты исследования. Несомненно, справедливо указать на то, что понятие цивилизации непосредственно связано с определением её критериев. По мнению автора, критерий цивилизации – это составная часть её поиска, в то время как дефиниция цивилизации – это и есть искомый объект. Потому ранее в работе «Роль права в контексте цивилизации» нами были рассмотрены различные понятия цивилизации, для того, чтобы обозначить на что именно направлен наш «поиск», многие из приведённых понятий были проанализированы, после чего продемонстрирована связь понятия с правом и его составляющими. Например, О. Шпенглер в своей работе «Закат Западного мира» цивилизацию называл «смертью» культуры: «Цивилизация есть совокупность крайне внешних искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение. Она следует за культурой, как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как ооченение за развитием...» [5, с. 34]. В данном тезисе подчеркнуто, что цивилизация есть достигшая своего пика культура, которая перестала развиваться. Культур множество, следовательно, существует и множество различных цивилизаций. В свою очередь подвидом культуры является правовая культура, которая находится во взаимосвязи с правом.

Для достижения цели исследования сформулируем понятие «критерий цивилизации»: это такое состояние определённых социальных и культурных явлений, которое указывает на наличие той или иной цивилизации, либо цивилизации вообще.

Таким образом, правовой критерий цивилизации – это такое состояние правовых явлений и права как такового, которое указывает на наличие той или иной цивилизации, либо цивилизации вообще. Часто такой критерий можно непосредственно вывести из понятия цивилизации, которого придерживается исследователь, ярким примером служит приводимое выше определение О. Шпенглера, где указывается, что цивилизация – это смерть культуры. Однако, как правило, общего критерия бывает недостаточно, и с

целью его обоснования необходимо рассматривать и его производные. Таким образом, при рассмотрении вопроса о наличии цивилизации в том или ином пространстве по О. Шпенглеру, считаем вполне возможным рассматривать состояние правовой культуры (признавая его своеобразным правовым критерием) для обоснования наличия цивилизации.

Следует отметить и иные варианты применения правового критерия при дифференциации. Рассмотрим следующую позицию К. Яспера: «Западу известна идея политической свободы. В Греции – правда, только кратковременно – существовала свобода, не имевшая места более нигде. ... Китай и Индия не знают подобной политической свободы» [6, с. 84]. По такому критерию мы можем заявить о том, что Цивилизации Китая и Индии не являются тождественными Греции. Однако при дифференциации важно не использовать чрезмерно индивидуальные критерии, дабы избежать чрезмерного дробления, потому как различные цивилизации зачастую выходят за рамки целых государств или континентов. Также важным указанием является то, что мы не призываем только лишь дедуктивно, задав понятие цивилизации или её подвида, заниматься его поиском, потому как правовой критерий вполне возможно использовать и индуктивно для классификации, что исходит из наших слов выше.

Критерии, по нашему мнению, бывают двух видов: «материальные» и «идеальные». Материальным критерий – отражение объективно существующих состояний и признаков, в то время как идеальный критерий – раскрывает содержательное наполнение, духовную суть. Следовательно, и правовой критерий может быть как «идеальным» так и «материальным». В рамках материального правового критерия можно рассматривать разветвлённость правовых и государственных институтов, качество их взаимодействия, совершенство формы нормативных актов или их кодификацию, юридическую технику, саму роль права в обществе в сравнении с иными социальными регуляторами и т.д. А в рамках

идеологического критерия – содержание правовых норм, направленность права, правовые ценности, правосознание и правовую культуру.

При анализе идеологического критерия нужно учитывать проблему, на которой акцентируют внимание С.А. Арутюнов, М.В. Карпов и К.В. Асмолов: «Например, термин «свобода». Были определенные споры относительно того, как правильно переводить – «дзи джи» или «дзи ю». Многим кажется, что отвергнутый вариант «дзи джи» точнее передавал европейское понимание свободы, в то время как «дзи ю» скорее означает «вольность». Как в русском языке есть понятия «воля» и «свобода». Хорошо ли мы понимаем, чем *liberty* отличается от *freedom*?» [1, с. 7]. На эти тонкости также указывал и А.Н. Кучук, обобщая их выводы, акцентируя, что необходимо в первую очередь учитывать культурные и социальные различия, которые могут исказить смысл понятий в других культурах и цивилизациях. [2, с. 102]. Универсализм только повредит истинности результатов такого исследования.

Таким образом, в рамках данной работы, право и непосредственно связанные с ним явления, рассматриваются нами в качестве маркера цивилизации и её признаков. Важность правового критерия подтверждают слова П. Сандеуара о том, что право – отражение уникального общественного порядка и самого общества. [4, с. 3].

Правовой критерий также можно использовать и в рамках исследования пограничных ему явлений конкретной цивилизации, например, при раскрытии содержания морали и её основных категорий свойственной конкретной цивилизации. Для подтверждения состоятельности используемого критерия необходимо прямо и аргументированно указывать на взаимосвязи с иными цивилизационными «маркерами», дабы продемонстрировать его обоснованность. Также можно пойти и обратным путём. Так, например, мы согласны с мнением Х. Ортеги-и-Гассета, что «Цивилизация – это прежде всего воля к сосуществованию» [3, с. 76]. Таким образом, исследуя определённое общество (или совокупность обществ), в

котором отсутствуют правовые нормы как таковые, можно констатировать, что оно находится в анархии; правосознание пропитано правовым нигилизмом. Мы можем сделать закономерный вывод – такое общество в рамках заданного определения цивилизации является нецивилизованным, т.к. для сосуществования (автором оно понимается как совместное существование) в рамках государства или общества всегда необходимо наличие общеобязательных правил, причём ввиду морально-этического релятивизма нормы морали априори не могут выполнять регулирующую и упорядочивающую функцию норм права. Общество (или совокупность обществ), которое не установило такие правила – не имеет воли к сосуществованию, потому как не предприняло необходимых для этого действий.

Выводы. Таким образом, при помощи правового критерия можно диагностировать признаки цивилизации, однако для доказательства её присутствия одного лишь этого критерия будет недостаточно, и требуется применение всего комплекса критериев. Таким образом мы можем констатировать что наряду с уже выработанными в науке критериями цивилизации, правовой критерий является полностью обоснованным и демонстрирует свою состоятельность в комплексном взаимодействии с прочими цивилизационными критериями.

Список источников.

1. Арутюнов С.А. Общий историко-социокультурный контекст проблематики прав человека на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии / С.А. Арутюнов, М.В. Карпов, К.В. Асмолов // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – 2011. – С. 3-8.
2. Кучук А.Н. Право как социокультурное явление и правовые цивилизации / А.Н. Кучук // Вестник института законодательства Республики Казахстан. – 2014. – № 4(36). – С. 100-104.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет ; [пер. с исп. А.Гелескуса]. – М. : Издательство АСТ, 2020. – 256 с.
4. Сандевуар П. Структура правовой системы: государственное право и частное право / П. Сандевуар. – М., 1994. – 64 с.
5. Шпенглер О. Закат Западного мира; Очерки морфологии мировой истории. / Пер. с нем. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. – 1085с.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

УДК 340.15

МЕСТО ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Щербинина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: sherbinina@donnu.ru

Андронович Дарья Александровна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Аннотация. В статье автор рассмотрел наиболее важные специфические черты современной правовой системы Российской Федерации, выяснил соотношение правовой системы Российской Федерации и романо-германской правовой семьи, сделал вывод об эволюции правовой системы Российской Федерации в рамках романо-германской правовой семьи и формировании славянской правовой системы, включающей черты романо-германского права и особенности правосознания славянских народов.

Ключевые слова: правовая система, романо-германская правовая семья, славянская правовая система, правосознание, источник права, кодекс.

Постановка проблемы. Понятие правовой системы представляет одну из фундаментальных дефиниций, рассматриваемых и изучаемых теоретико-правовой наукой и сравнительным правоведением. К настоящему времени практически сформировались представления о критериях разделения правовых систем, существующих в мире в настоящее время, вырабатываются варианты научной классификации и типологизации правовых систем. Тем не менее, в условиях эволюции правовых систем перед юридической наукой возникают новые вопросы. К их числу относится и научная проблема о месте правовой системы, сложившейся в Российской Федерации, в романо-германской правовой семье. Попытки осмысления наиболее существенных черт российской правовой системы приводят исследователей к мысли об особом месте современного российского права в ряду государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Сравнительно недавно в России развивалась социалистическая система права, многие положения

которого в современных рыночных условиях неприменимы. Все это делает актуальной задачу рассмотрения, анализа и обобщения специфических черт российской правовой системы, ее сравнение с другими региональными разновидностями романо-германского права, что и является основной целью настоящего исследования.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Проблемам изучения правовых систем посвятили работы такие юристы, как Е.А. Агеева, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, Б.Т. Базылев, Д.Н. Бахрах, А.М. Васильев, А.В. Егоров, С.Н. Кожевников, В.И. Лафитский, О.Э. Лейст, Р.З. Лившиц, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, В.Д. Перевалов, С.В. Поленина, В.Д. Попков, Л.П. Рассказов, Л.Б. Тиунова, В.А. Туманов, И.Л. Честнов и другие. В то же время систематизация и обобщение правового материала, относящегося к развитию и современному состоянию российской правовой системы в настоящее время в полной мере еще не осуществлено.

Понимание сущности правовой системы Российской Федерации и ее место среди существующих в современном мире правовых систем дает возможность более четко определить особенности правосознания населения, главные направления правового регулирования сложившихся в обществе отношений, задачи правотворчества в современных условиях.

Такое понимание основывается, в первую очередь, на дефиниции понятия «правовая система», используемой в современной российской юридической науке. Вместе с тем, авторы работ, посвященных правовой системе как самостоятельному юридическому феномену, зачастую исходят из собственных представлений о правовой системе и ее структурных компонентах [1, с. 64-65]. Представляется, понятие правовой системы отражает способы, с помощью которых государство осуществляет системное воздействие на общество в целом с целью упорядочения правового регулирования сложившихся в конкретных исторических условиях правоотношений.

Кроме того, как в отечественной, так и в зарубежной юридической литературе не сложилось единого подхода к классификации правовых систем (правовых семей). Отсутствует также терминологическое единство в названиях правовых семей. Так, говоря о правовой системе современной России чаще всего ее относят к романо-германской или континентальной правовой семье, которую ряд зарубежных исследователей предпочитает называть системой гражданского права [2, с. 20]. Исходя из этого, одним из наиболее существенных критериев отнесения правовой системы России к романо-германской правовой семье считается наличие в структуре права отраслей и существование кодексов, среди которых часто главное место закрепляется за гражданским кодексом. Отметив справедливость данного подхода, как представляется, необходимо остановиться и на других существенных чертах, определяющих юридическую природу правовой системы как самостоятельного явления.

Одной из наиболее существенных сторон правовой природы правовой системы является способ нормативно-правового закрепления и парадигма практического воплощения идеи справедливости [3, с. 143].

Отражением названных черт является то, какой именно источник права является ведущим в данной правовой системе данного общества. Именно это можно считать одним из наиболее важных критериев, по которым проводится разграничение существующих в современном мире правовых систем. Действительно, в рамках романо-германского права роль ведущего источника права принадлежит нормативно-правовому акту или закону, в англосаксонской правовой системе место ведущего источника права принадлежит правовому прецеденту, в религиозных правовых семьях (в настоящее время это правовые системы мусульманского и иудейского права) источником права является канонизированный текст религиозного характера, в семье традиционного права на первое место выходит правовой обычай. Следует подчеркнуть, что существующая в современной науке сравнительного права типологизация современных правовых систем не

ограничивается выделением перечисленных четырех главных правовых семей. Кроме них выделяются и так называемые малые или промежуточные правовые семьи, которые, тем не менее, сохраняют самодостаточный характер. К их числу принадлежат семьи скандинавского, латиноамериканского и постсоветского права, впитавшие в ходе исторического развития ряд существенных черт «больших» правовых семей [4, с. 125]. Исходя из этого логичным представляется вывод о том, что в рамках романо-германской правовой семьи идет процесс выделения славянского права. Данный вывод основывается на анализе источников права, особенностей правового менталитета славян и важнейших черт общественного строя славянских племен в эпоху становления государственности, характерной особенностью права у славян является некоторое слияние европейских и азиатских традиций.

Так, В.И. Лафитский в фундаментальной работе, посвященной сравнительному правоведению, обосновывает существование особого славянского права, опираясь на данные исторического характера. Привлекает внимание сделанный ученым вывод, об особом характере сочетания у славянских народов светских и духовных властных начал. Это рассматривается как один из важнейших факторов, оказывавших влияние на источники права, сложившиеся на Руси [5, с. 273]. Думается, что подобный подход заслуживает внимания, на его основе представляется возможным говорить о том, что Древняя Русь, а впоследствии – Россия были основными регионами, где развивалась славянская правовая система, воспринявшая из романо-германского права понимание о нормативно-правовом акте (законе) как ведущем источнике права и, в то же время, опирающаяся на авторитет православного канонического права. Стоит отметить при этом, что сравнительно-правовой анализ славянской правовой системы в современных условиях развития юридической науки продолжается, идет оценка имеющегося правового материала на предмет бесспорной достоверности некоторых памятников.

Вместе с тем существует целый ряд положений, позволяющих вести речь о сходстве славянского права, в том числе правовой системы современной России с романо-германской правовой семьей. Среди них: общие черты в сфере идеологии права, сходство в методологии правотворчества, значительная степень близости форм и методов юридического образования, подготовки новых кадров в сфере права [6, с. 69]. Представляется, одно из ключевых мест в ряду перечисленных признаков принадлежит идеологии права, под которой понимается система ценностей и идей, защищаемых правом. Действительно, в Российской Федерации на высшем юридическом уровне человек, его жизнь провозглашены наивысшей ценностью государства. Граждане имеют право на свободное развитие, на выбор приложения своих способностей и сил. Гарантируется частная собственность, которая признается равноправной с другими формами собственности в стране. Все эти ценности защищены существующим правом, развитие правового регулирования направлено на совершенствование этой защиты.

Говоря о подготовке юридических кадров, следует отметить, что и в дореволюционной России, и в современный период высшее юридическое образование строится на основе романских начал в сфере образования [7, с. 12]. Как представляется, к числу воспринятых в романской системе образования черт, в первую очередь, следует отнести его фундаментальный характер, стремление отыскать и воплотить оптимальное сочетание теории и практики. Так, задачей теоретической подготовки будущего юриста является воспитание специалиста, способного не только применять полученные знания в повседневной жизни, но и умеющего обучать младших коллег.

Не менее важным представляется ориентированность права России на всестороннюю защиту и охрану прав и свобод человека и гражданина. В то же время ряд исследователей считает, что полномочиями в области охраны гражданских прав и свобод следует наделить все звенья системы разделения властей [8, с. 173]. Такая точка зрения видится вполне обоснованной и

соответствующей подходам к правовому регулированию, сложившимся в рамках романо-германской правовой семьи. Вместе с тем, необходимо отметить, что повышенное внимание к проблемам защиты и охраны всего комплекса гражданских прав характерно не только для романо-германской, но и для большинства существующих в сегодняшнем мире правовых семей.

Важной чертой, сближающей славянское право и правовую систему России с романо-германской правовой семьей, является структура права. Как известно, российское право, также, как право практически всех государств, входящих в романо-германскую правовую семью, подразделяется на отрасли права, в центре каждой из которых находится соответствующий кодекс, в ряде случаев выделяются подотрасли. Следующим элементом являются институты права, а основным элементом правовой реальности считается норма права. Все это делает главным, ведущим источником права нормативно-правовой акт или закон. Однако на характер правосознания в государстве сильное влияние оказывает правовая доктрина [9, с. 7]. Характерной чертой романо-германской правовой системы является разделение отраслей права на публично-правовые и частноправовые [10, с. 38]. Перечисленные характеристики позволяют говорить о высокой степени общности российской правовой системы и романо-германского права.

Весьма важен для понимания места и роли российской правовой системы в романо-германской правовой семье исторический аспект. Выход права за границы, обозначенные рубежами Античного Рима связан, как известно, с таким явлением как рецепция римского права. При этом заимствование римских норм не ограничилось германскими средневековыми королевствами. Римское право с течением времени распространилось практически по всему европейскому континенту, исключая Британские острова. Для разных государств степень влияния римского права была различной, не всегда осуществлялся полный перенос римских норм в право той или иной страны. Русь была приобщена к традициям римской юриспруденции через Византию. Это заимствование шло одновременно с

христианизацией Древней Руси. Вместе с тем осуществлялось заимствование не столько римско-византийских норм, сколько самой юридической традиции. В эпоху Средних веков приобщение к римским традициям в той или иной области позволяло говорить о преемстве страны от Древнего Рима, легитимном восприятии римской государственно-правовой мощи [11, с. 207]. Таким образом, восточнославянский мир воспринял именно основные традиции романской юридической культуры, а не дух и букву римского права. В связи с этим право славян и России стало развиваться по собственному пути, в целом оставаясь в рамках римского права. Если на российское право, римское только повлияло, то романо-германское право – во многом предопределило.

Для российской правовой системы, в отличие от правовых систем стран романо-германской правовой семьи, характерны такие особенности, как избыточность законодательства, противоречивость, постоянное внесение изменений.

Т.В. Соловьева абсолютно уместно отмечает еще одну особенность правовой системы Российской Федерации, заключающуюся в том, что Пленум Верховного суда Российской Федерации, издающий различные судебные акты, выполняет функцию толкования правовых норм. В свою очередь, решения Верховного суда Российской Федерации, с формальной точки зрения, носят сугубо рекомендательный характер, однако на практике они применяются повсеместно нижестоящими судами [12, с. 8]. Данные акты, в известном смысле, и являются судебными прецедентами в рамках российской правовой системы. В связи с чем, можно сделать вывод о том, что роль судебного прецедента в российском праве, с одной стороны, остается неопределенной, с другой стороны судебный прецедент как источник права постепенно признается, но при этом нормативный правовой акт продолжает быть основным источником права.

Как отмечает Л.В. Гааг, в романо-германской правовой системе правовое сознание и правовая культура базируются на идеях свободы,

естественных прав человека, осознании ценности позитивного права как социального института (закона), выступающего гарантией прав и свобод человека, равенства всех перед законом. Как следствие, законопослушность как характерная черта менталитета народов европейских стран, высокий уровень ответственности, гражданская активность (политичность) населения. Правовое сознание в России практически всегда характеризовалось склонностью к правовому нигилизму [13, с. 39].

По мнению Л.П. Рассказова, вопрос о месте Российской Федерации среди стран континентальной Европы остается дискуссионным и по сей день. С одной стороны, с формальной точки зрения, российское право впитало в себя все основные особенности стран романо-германской правовой семьи, следовательно, напрямую относится к данной группе стран. С другой стороны, Российская Федерация – по своей сути уникальное государственное образование, которое, несмотря на очевидные сходства с европейскими странами, имеет ряд отличительных особенностей, сформировавшихся под влиянием политико-исторических предпосылок [14, с. 83].

Выводы. На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Современная Россия обладает собственной правовой системой, которая формально подпадает под основные признаки, характерные для романо-германской правовой семьи. Становление романо-германского права представляло длительный и сложный процесс, не всегда означавший полное и точное воспроизведение римских юридических подходов. Тем не менее действие в России нормативно-правового акта (закона) в качестве главного источника права, наличие отраслей права, кодификаций, разделение права на публичное и частное, организационно-правовые и методологические принципы высшего юридического образования позволяют говорить о вхождении страны в романо-германскую правовую семью. Специфика российского права связана с историческими особенностями ее развития. Это позволяет говорить о существовании в рамках романо-германской правовой

системы особого славянского или российского права, которое является самобытным и в какой-то мере самостоятельным правом.

Список литературы

1. Байниязов, Э. З. Правовая система России: основные проблемы ее современного развития / Э. З. Байниязов // Право и образование. – 2014. – № 3. – С. 64-74.
2. Чиркин, В. Е. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация / В. Е. Чиркин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 18-30.
3. Корчевский, Д. С. Современная правовая система Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Корчевский Дмитрий Сергеевич. – М., 2000. – 175 с.
4. Бехруз, Х. Н. Сравнительное правоведение: учебник для вузов / Х. Н. Бехруз. – М.: Транслит, 2018. – 504 с.
5. Лафитский, В. И. Сравнительное правоведение в образах права. В 2-х т. Т. 1. / В. И. Лафитский. – М.: Статут, 2010. – 429 с.
6. Талаева, А. А. Место правовой системы России среди правовых систем современности / А. А. Талаева, П. В. Сорокун // Эпоха науки. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 16. – С. 68-71.
7. Рассказов, Л. П. Основные подходы к отнесению современной правовой системы России к соответствующей правовой семье / Л. П. Рассказов // Юрист-Правоведь. – 2013. – № 6 (61). – С. 11-14.
8. Талянин, В. В. Особенности правовой системы современной России / В. В. Талянин, И. А. Талянина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13 (68). – С. 173-174.
9. Лукьянова, Е. Г. Правовая система России: современные тенденции развития / Е. Г. Лукьянова // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6 (58). – С. 6-23.
10. Гасанов, Ш. М. Романо-германская правовая система: история и современность / Ш. М. Гасанов // Закон и право. – 2019. – № 8. – С. 38-39.
11. Ткаченко, С. В. Актуальность римского права для России / С. В. Ткаченко // Социология власти. – 2009. – № 5. – С. 206-215.
12. Соловьева, Т. В. О характере постановлений Пленума Верховного суда РФ / Т. В. Соловьева // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 5-9.
13. Гааг, Л. В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье / Л. В. Гааг // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2022. - № 43. - С. 32–40.
14. Рассказов, Л. П. Сходство и различие российской правовой системы и романо-германской правовой семьи / Л. П. Рассказов // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 76-84.

УДК 340.1

ЛЬГОТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Щербинина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: sherbinina@donnu.ru

Боченко Марина Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: maribo1976@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются льготы и ограничения в структуре механизма правового регулирования общественных отношений. Автор делает вывод, что для повышения эффективности правовых льгот, как средства правового регулирования общественных отношений, нужно: предоставить им юридические и финансовые гарантии, которые обеспечат законное, своевременное, реальное и справедливое получение этих льгот лицами, имеющими право на них; установить степень юридической ответственности в отношении лиц, препятствующих предоставлению льгот лицам, нуждающимся в социальной помощи..

Ключевые слова: льготы, ограничения, общественные отношения, механизм правового регулирования.

Постановка проблемы. Ускорение в последние годы темпом интеграционных процессов обуславливает необходимость комплексного реформирования правовой системы, пересмотра содержания базовых основ регулирования общественных отношений, демократизации политической системы, повышения стандартов обеспечения и защиты прав человека. Конечной целью таких преобразований является формирование высокого уровня правопорядка, создание организационно-правовых условий для эффективной реализации правового статуса личности и беспрепятственной реализации им своих законных интересов.

Достичь указанного невозможно без введения правовых льгот и ограничений как специфических регуляторов общественных отношений, которые закрепляются в законодательстве для отдельных категорий их

участников: лиц с особыми потребностями, участников боевых действий, детей-сирот и т.д. Учитывая высокую динамичность темпов развития современного глобализирующегося общества, содержание многих действующих в правовом поле льгот и ограничений объективно требует их периодического пересмотра и корреляции на законодательном уровне в соответствии с изменениями условий жизни социума.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Значительный вклад в разработку категорий внесли ученые-правоведы, которые в своих трудах затрагивали различные аспекты исследования данной проблематики, как С. С. Алексеев, А. М. Бандурко, В. М. Баранов, С. В. Бобровник, А. Г. Варич, В. М. Ведяхин, М. В. Витрук, М. Ф. Головатый, А. М. Головкин, И. Я. Дюрюгин, С. А. Калинин, О. В. Мурза, М. М. Козюк, А. М. Колодий, В. М. Косович, И. И. Кравченко, М. В. Кравчук, Д. В. Лукьянов, А. В. Малько, М. И. Матузов, Я. Я. Назаренко, В. И. Новоселов, Н. Н. Онищенко, А. С. Панкевич, Н. Е. Панкина, Н. Н. Пархоменко, А. В. Петришин, Т. А. Пикуль, С.П. Погребняк, И.М. Погребной, С.В. др.

Цель исследования. Целью исследования является раскрытие содержания льгот и ограничений, выявление особенностей их регуляторного потенциала.

Основные результаты исследования. В динамичном мире XX века, когда право является бесспорным универсальным регулятором общественных отношений и общей ценностью всего цивилизованного сообщества, льготы и ограничения служат формализованными средствами воздействия на широкий круг субъектов правоотношений. Чтобы раскрыть эти явления более подробно, следует обратиться к генезису терминов «льгота» и «ограничения». Прежде всего следует рассмотреть исторические аспекты формирования института льгот и ограничений в правовой действительности.

Юридические механизмы в процессе своего становления преодолевают достаточно тернистый путь. Своеобразной отправной точкой служит их

фиксация в законодательных актах или первоочередное осмысление на общетеоретическом и отраслевом уровнях, что приводит к надлежащему практическому использованию того или иного правового средства. Льготы и ограничения существовали всегда на всех этапах развития человечества, однако их сущность была разной и зависела от существующего общественного строя, формы правления, уровня социального расслоения населения и т.д.

Механизм правового регулирования в социуме формировался в течение длительного исторического периода, поэтому имеет свою многовековую историю. Издавна законодатель применял термины «льгота» и «ограничения», но в прошлые времена их содержание очень отличалось от современного, было слишком упрощенным, иногда даже обобщенным. Под понятием «ограничения» в широком смысле понималось установление определенных рамок, соответствующих границам в процессе осуществления чего-либо (прав, свобод, полномочий и др.).

Первые упоминания об ограничениях возникли еще при первобытном обществе в связи с необходимостью сдерживать биологические инстинкты, которые могут негативно повлиять на жизнь рода. Ограничение проявлений таких инстинктов являлось объективной потребностью развития древнего общества. Формирование же разных обычаев, традиций происходило путем установления норм-ограничений, норм-табу и т.д.

Первые нормы поведения – табу – были не чем иным, как ограничением определенного вида последней. Генезис таких норм кроется в суеверном стремлении первобытного человека защитить любое разумное (с его точки зрения) религиозное правило или отстоять его рядом параллельных запретов в совершенно посторонних областях, руководствуясь простой аналогией с основным ограничением. В то же время каждое новое ограничение, созданное по аналогии или для защиты предыдущего, становилось предметом дальнейших расширительных запретов.

С появлением и утверждением государства и права устоявшиеся правила поведения нашли свое закрепление на принципиально новом уровне, поскольку с развитием общества имеет место усложнение отношений между людьми. Меняющиеся экономические и социально-политические условия приводят к возникновению противоположностей в социуме, к столкновению интересов его членов. Для поддержания баланса объективно возникала необходимость усовершенствования и развития форм и методов воздействия на общественные отношения. Усложнение правовых систем в процессе эволюции человечества привело к изменению направлений, объемов и функций правовых ограничений. По состоянию на сегодняшний день, право, являясь органическим компонентом повседневной социальной среды, в которой живут, работают члены общества, а также точным и надежным ориентиром, в рамках которого должен действовать субъект, придерживаясь указанной линии поведения, выступает средством объединения и координации общественного и личного интереса [1]. И если право является мерилom свободы, то из этого свойства и вытекает потребность правовых ограничений. Право служит инструментом защиты личности от злоупотреблений со стороны государственной власти, а потому ограничение прав и свобод предназначено для защиты общества, прав и свобод его членов от произвола. Следовательно, правовые ограничения присущи праву в силу его назначения – выступать мерой свободы, которая должна ограничиваться тем или иным способом.

С семантических позиций льгота определяется как преимущественное право, предоставляемое кому-либо облегчение, как исключение из общих правил, как предоставление привилегий тем или иным категориям лиц, как частичное освобождение последних от выполнения установленных предписаний, обязанностей или облегчение условий их соблюдения. Исследуя первые кодифицированные правовые акты, мы видим, что под льготами понимается вообще любое упрощение. Подобную трактовку можно встретить еще в Законах XII таблиц. В Римском праве было установлено

несколько видов привилегий, которые в зависимости от утилитарных критериев делились на приносящие пользу и невыгодны (например, ограничение правоспособности за уклонение от господствующей религии). В рабовладельческих государствах существовало за счет государственной казны обеспечение воинов-каликов, а также старых воинов, отошедших от военного дела. Так, в I-III веках воины-ветераны, при выходе в так называемую почетную отставку, получали диплом о привилегиях, одной из которых было освобождение ветеранов и членов их семей от всех государственных налогов, торговых пошлин и повинностей [2].

С дальнейшим развитием государственности льготы начали связываться с более конкретными отношениями, а именно со службой королю и феодалу, с определенными статусами лиц (например, статус иностранца и т.п.). Практика применения привилегий ощутимо распространялась. Так, в Древнем Китае наделение привилегиями было самой главной прерогативой императорской власти и касалось конкретных отношений, в основном государственной службы. Все привилегии и выплаты, должностным лицам и рангам предоставлялись только за службу в армии; других путей не должно быть [3].

В средневековой Европе привилегии не только характеризовали индивидуальный статус субъекта, его служебную роль в иерархии власти, но и регламентировали даже бытовые условия жизни личности в зависимости от ее принадлежности к тому или иному состоянию. Это находило свое проявление в форме, одежде, жилище и т.д. В условиях постоянных междоусобных войн соответствующие льготы становились одним из главных средств политической борьбы. Короли и императоры предоставляли значительные льготы и привилегии также разным городам с целью приобщения их как союзников.

В Русской Правде привилегии оформлялись как подаренные государем исключительные права, как проявление его милости и монаршей воли, как особый дар ограниченному кругу лиц. Они закреплялись в соответствующих

нормативных актах или привилегированных или отпусковых грамотах. Например, льготные грамоты фиксировали налоговые привилегии и предоставлялись духовным и светским феодалам. В условиях феодального общества привилегии имели в большинстве своем сословный характер, а потому право этого периода называют еще «правом привилегий» [4].

Все вышеизложенное привело к тому, что в повседневном сознании субъектов тех времен само слово «привилегии» означало нечто недостижимое для рядового человека, ассоциировалось с благородным его происхождением, высоким служебным положением, материальным состоянием, т.е. со всем тем, что подразумевается под понятиями «исключительность», «обособленность», «избранность» и соответственно, вызывает негативное отношение основной части общества.

В праве зарубежных стран система льгот достаточно распространена и имеет достаточно разветвленный категориальный аппарат. Например, в законодательстве Канады установлены привилегии для определенных социальных групп населения, а также внедрены программы для реализации соответствующих нормативных актов в жизнь с целью преодоления дискриминации по вопросам труда, доступа к социальным службам, услугам, жилью в зависимости от существующего неравенства среди граждан. Ряд привилегий предоставлен лицам молодого возраста из малообеспеченных семей, отдельным группам канадцев – представителей расово-этнических меньшинств при приеме в учебные заведения, гражданам, которые общаются на французском языке, при поступлении на государственную службу для сравнения их возможностей в карьерном росте в отношении англоязычных лиц, какие составляют большинство населения Канады [5]. Привилегии считаются законными, только если они прямо предусмотрены в соответствующих нормативно-правовых актах. Некоторые из них предоставляются на основании решений Совета по правам человека, которые создаются при Министерствах во многих провинциях этого многонационального государства. Учитывая обращение гражданина,

считающего, что к нему была применена дискриминация со стороны работодателя, Совет выносит решение, которым обязывает ответчика к тем или иным действиям, например, предоставить работающему инвалиду привилегии в виде сокращенного рабочего дня или создание для него специальных условий труда. Таким решением вправе пользоваться не только лицо, в отношении которого оно было вынесено, но и другие представители социальной группы, к которой принадлежит заявитель. Для обозначения любых исключений, существующих в социальной, трудовой и других отраслях права Канады, чаще всего используются термины «привилегии» и «преимущества». Термин «льгота» применяется довольно редко – в большинстве случаев по аналогии.

В целом же в англосаксонской правовой системе (США, Канада, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и др.) чаще всего предпочтение в обозначении любых исключений отдается понятию «привилегии». К примеру, Акт о перах (1963 г.), принадлежащий к конституционным актам Великобритании, содержит перечень всех привилегий, предоставляемых пожизненно перам (это выгоды, льготы, привилегии, приоритеты), так как такие правовые средства, соответствующим образом упрощающие существование представителям этой социальной группы.

В государствах романо-германской (континентальной) правовой системы (Франция, Италия, Испания, Португалия, ФРГ, Австрия и др.) законодатель не придерживается четкой позиции применения понятий «привилегии» и «льготы». Так, в ряде нормативно-правовых актов ФРГ (Законы «О содействии трудоустройству и профессиональному образованию» от 25 июня 1969 г. [7], «О предоставлении помощи работающим в связи с уходом на пенсию» от 13 апреля 1984 г. [7]) привилегиями названы все преимущества, установленные для тех или иных категорий работников, в виде: (а) расчета (оплаты) ежемесячных расходов, назначение и выплат разного рода дотаций и субсидий лицам, проходящим профессиональную подготовку; (б) выплат пособия инвалидам с целью

оказания содействия их профессиональной реабилитации; (в) выплат пособия по безработице [6].

В отличие от законодательства ФРГ, государства, на которые распространяется действие романо-германского права (Франция, Италия, Испания, Португалия) при обозначении любых привилегий и исключений, предпочитают категорию «льгота». К примеру, в Испании большая часть исключений, закрепленных в правовых нормах, обозначаются как льготы. Закон этой страны «О статусе работающих» (от 10 марта 1980 г.) предоставляет работодателям право устанавливать определенные льготы в трудовых отношениях, в частности, содержит список льгот для работающих и несовершеннолетних [7]. В Конституции Португалии (от 25 апреля 1976) отмечается, что законодательством могут предоставляться льготы для женщин и отдельных категорий налогоплательщиков [8].

Следовательно, можно подытожить, что в законодательстве зарубежных стран нет четкого разграничения таких правовых категорий, как «льгота» и «привилегии». Анализируя законодательство ряда европейских и мировых государств, мы видим, что эти понятия часто отождествляются, но предпочтение отдается термину «привилегии». Даже некоторые подотрасли гражданского, финансового и налогового права имеют такие названия, как Привилегии и сервитуты (Болгария), Имущественные привилегии супругов (Венгрия), Привилегии владельцев (Румыния), Привилегии для малообеспеченных и некоторых этнических групп. США), Привилегии для работников (Канада).

Таким образом, приходим к выводу, что льготы и привилегии обладают рядом общих черт: выступают исключением из общих правил, позволяют улучшить положение тех или иных субъектов, их конечным результатом является определенное благо для последних.

Понятие «льгота» и «гарантия» следует разграничивать. В литературе термин «гарантия» применяется для обозначения способов и средств, обеспечивающих реализацию соответствующего права человека и

гражданина. Гарантии предоставляются преимущественно независимо от пола лица, его возраста, социального положения, места жительства (например, всем гражданам гарантируется право на здравоохранение, неприкосновенность жилья), а также основным социально-демографическим слоям населения (всем лицам пенсионного возраста гарантируются пенсии). Льготы назначаются более узким группам людей. По своему объему гарантия представляет собой более широкий способ обеспечения реализации прав и свобод, чем льгота, поскольку включает в себя другие юридические средства, такие как поощрение, наказание, обязанности, запреты и т.д. Существует мнение, что благодаря льготам реализуются гарантии, потому что льготы в нормативно-правовых актах фиксируются в главах, главах и статьях, посвященных именно гарантиям.

Развитие современного социума увязывается с повышением значения и роли права как средства упорядочения общественных отношений его членов и гарантирования их субъективных прав. Итак, исходя из этих позиций актуальным считаем исследование средств правового воздействия на поведение субъектов права. Сложное, многоаспектное поведение человека в обществе нуждается в надлежащем регулировании, прежде всего нормами закона. Государство разрешает конфликты в социуме с помощью права, которое служит важнейшим средством осуществления социального контроля, для реализации которого право владеет своеобразными инструментами, как средствами правового воздействия на те или иные отношения. Эти средства делятся на две большие группы, именуемые как «правовые стимулы» и «правовые ограничения» [9, с. 51–55].

Исследование правовых льгот и ограничений как весомых категорий современной науки теории государства и права становится все более актуальным в связи с существующей проблемой усовершенствования механизма правового регулирования общественных отношений и повышением роли и ценности права в обществе. Современная правовая доктрина требует творческого переосмысления, уточнения и составления

понятийно-категориального аппарата, согласования инструментария его научного познания путем формализации соответствующих знаний.

Плюрализм взглядов на понимание сущности права, явную нехватку единодушной трактовки категории «правовое регулирование» и механизма последнего обусловили появление множественности мнений по поводу структуры указанного механизма, но каждый из подходов к этой проблеме имеет право на существование. В контексте существующих подходов теории права выделяют основные и факультативные элементы механизма правового регулирования.

В частности, С. С. Алексеев, отмечал, что термином «механизм» следует оперировать для характеристики совокупности средств, обеспечивающих правовое влияние на общественные отношения, а вот совокупность организационных сторон, то есть форм правового регулирования, определять термином «структура». Ученый отметил, что трем существующим стадиям процесса правового регулирования, как: регламентация общественных отношений, нуждающихся в правовом опосредовании; действие юридических норм, в результате которого возникают или изменяются правовые отношения; реализация субъективных юридических прав и обязанностей соответствуют три основных элемента его механизма, а именно: юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей. Наряду с основными элементами механизма правового регулирования, ученый выделял также и факультативные – нормативные юридические акты, правосознание и правовую культуру [10, с. 150].

Л. П. Рассказов, учитывая системный подход к анализу механизма правового регулирования, называет следующие его элементы: (а) норма права, в которой заложена модель необходимого поведения, которой должен соблюдаться субъект права; (б) юридический факт (фактический состав), приводящий в действие механизм правового регулирования; (в) правоотношения; (г) акты реализации права; (д) правоприменительный акт;

(е) охранный правоприменительный акт (факультативный элемент) [9, с. 146]. Приведенный элементный состав правового регулирования отвечает стадиям его механизма.

Такое мнение разделяют и другие ученые. Так, О. В. Малько и М. И. Матузов, наряду с основными элементами механизма правового регулирования, выделяют и дополнительные: акты официального толкования норм права, правосознание и режим законности [11, с. 474].

Некоторые представители теории права анализируют элементный состав механизма правового регулирования в соответствии со стадиями последнего, а не стадиями функционирования самого механизма. По мнению С. О. Комарова, «правовое регулирование – длительный процесс, предусматривающий несколько стадий, на одной из которых функционируют особые юридические средства, которые в совокупности составляют механизм правового регулирования, а именно: норма права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей актов применения права» [12, с. 416–417].

Некоторые правоведы к элементам механизма правового регулирования относят не сам процесс правотворчества, реализации, толкования норм права и т.п., а конечный результат этих процессов, заключающийся в издании соответствующих нормативно-правовых актов. Так, В. М. Сырых анализирует элементный состав механизма правового регулирования методом системно-функционального подхода. Мы поддерживаем его позицию, обращаем внимание, что анализ указанного механизма необходимо осуществлять на уровне его составляющих в их взаимодействии и взаимосвязи. Ученый рассматривает механизм правового регулирования как сложную систему, охватывающую: а) правовые средства; (б) субъектов, осуществляющих правовое регулирование или правовую деятельность; юридически значимые результаты их деятельности. Приведенное дает возможность исследователю охарактеризовать единый механизм правового регулирования в соответствии со стадиями регулирования и выделить такие его компоненты, как механизм

правотворчества, механизм реализации норм права и механизм государственного принуждения [13, с. 166–167].

Структуру механизма правового регулирования ряд юристов характеризует с учетом его объективной и субъективной стороны. Объективная сторона изучаемого механизма включает следующие элементы: (а) наличие правовых норм, регулирующих поведение и деятельность юридических и физических лиц; (б) установление нормами права правового статуса юридических и физических лиц, что означает государственно-правовое признание их способности быть участниками правоотношений; (в) придание правом определенным событиям значения юридических фактов, обуславливающих возникновение, изменение и прекращение правоотношений; (г) закрепление нормами права моделей правоотношений, создаваемых путем предоставления их участникам взаимных прав и обязанностей; (д) предоставление правовых гарантий и установление юридической ответственности для участников правоотношений, что приводит к их правомерному поведению.

Субъективная сторона механизма правового регулирования характеризуется соответствующими обстоятельствами, а именно: (а) уровень правосознания граждан, должностных лиц, государственных органов, предпринимателей, знание ими законодательства и надлежащее использование его в своей деятельности; (б) правовые выводы, ценностные ориентиры, обуславливающие правомерное поведение субъектов права; (в) уровень законности и правопорядка в обществе, борьба с правонарушениями и осознание субъектами права неотвратимости ответственности за совершенные правонарушения [14, с. 124–125].

Следовательно, рассмотренные подходы к элементному построению механизма правового регулирования указывают на то, что его структура представляет собой совокупность правовых средств, которые находятся в определенной взаимосвязи, имеют соответствующую функциональную направленность и определяют действие этого механизма.

Правовые стимулы и правовые ограничения являются обобщающими правовыми явлениями, правовыми средствами, отражающими многие элементы, процессы и закономерности правовой системы в целом и механизм правового регулирования, в частности.

Для обоснования взаимодействия правовых льгот и ограничений как парных научных категорий возьмем за основу законы диалектики, а именно закон единства и борьбы противоположностей, поскольку, по утверждению Гегеля, он является основным источником общественного развития [15, с. 102–103]. Чтобы доказать тезис взаимодействия правовых стимулов и ограничений, следует отметить, что: а) это диалектически связанные категории; (б) они взаимообеспечивают друг друга в процессе правового регулирования; (в) определяют специфический баланс правовых средств в механизме правового регулирования; (г) выступают обобщающими правовыми категориями в отношении многих правовых средств.

Правовые льготы определяются как правовой толчок, своеобразный стимул к правомерному и социально активному поведению, который порождает благоприятные условия для удовлетворения интересов субъектов. Правовые ограничения выступают как правовое сдерживание противозаконной деятельности, что создает условия для защиты и охраны интересов субъектов. Они становятся внутренне связанными, едиными, поскольку выступают как две стороны механизма правового регулирования общественных отношений.

Диалектика взаимодействия льгот и ограничений имеет свои особенности. Льготы и ограничения, на первый взгляд, это противоположное понятие по содержанию. Но ведь истина противоположностей, по Г. Гегелю, заключается в их соотношении, потому что каждое из них в своем понятии содержит другое. Отсюда следует, что правовая льгота как правовое средство стимулирует личность к определенным действиям и одновременно положительно ограничивает ее в совершении других поступков. Любое правовое ограничение как негативное правовое средство сдерживает

личность от совершения определенных действий и, вместе с тем, негативно стимулирует другие поступки.

В современной правовой литературе существуют разные точки зрения на сущность правовых льгот и ограничений. Оба эти понятия являются, так сказать, обобщающими правовыми средствами, отражающими ряд элементов, процессов и закономерностей в правовой системе в целом и в механизме правового регулирования, в т.ч. Следовательно, и рассматривать правовые льготы и правовые ограничения следует как парные категории, возникшие под влиянием потребностей юридической практики для обобщения различных правовых средств: с одной стороны – это субъективные права, законные интересы, стимулы, гарантии, иммунитеты, поощрения, а с другой – юридические обязанности, запреты, наказания и т.д. Для рассматриваемых категорий характерно следующее.

1. Парность категорий «правовая льгота» и «правовое ограничение», заключающаяся в их функциональной взаимосвязи. Основная функция правовых льгот выражается с одной стороны в развитии положительной активности, а с другой, в одновременном сдерживании негативных действий. Функция правового ограничения состоит в сдерживании отрицательной активности и одновременно стимулировании положительной активности лиц. Именно поэтому правовые стимулы и ограничения, являясь положительной и отрицательной сторонами механизма правового регулирования, вместе упорядочивают общественные отношения.

2. Взаимообеспеченность этих категорий в процессе правового регулирования. Это указывает на то, что государство, фиксируя указанные правовые ограничения на законодательном уровне, пытается устранить нежелательные крайности в применении данного права.

В целях эффективной реализации субъективного права определенных лиц устанавливаются юридические обязанности и запреты для других лиц, а также юридическая ответственность для субъекта, наделенного соответствующим правом, или за его злоупотребление последним.

Юридическая обязанность – наиболее распространенное правовое средство, используемое в механизме правового регулирования. По своей сути, он является правовым ограничением обязанного лица в отношении собственных интересов, которое включает в себя дополнительные негативные элементы стимулирования, которые подталкивают его действовать в интересах другого субъекта права. Для обеспечения эффективного действия юридического долга существуют разные виды правовых ограничений (запреты, наказания) и правовых льгот (стимулы, поощрения). Выполнение обязанностей под давлением исключительно ограничений возможно, но это не всегда может принести ожидаемый результат, то есть гарантировать реализацию этих обязанностей. Государство не заинтересовано в том, чтобы они выполнялись только под влиянием принуждения, поэтому возникает потребность в установлении правовых льгот (поощрений, стимулов), необходимых для функционирования и развития общественных отношений.

Использование юридических обязанностей в правотворческой и правоприменительной деятельности требует как можно более детального изучения и воплощения в практику регулирования общественных отношений. При наличии в государстве совершенной системы правовых гарантий юридические обязанности выступают, можно сказать, слабым звеном в механизме правового регулирования общественных отношений, поэтому часто просто не выполняются.

Существуют также другие взаимосвязи между правовыми стимулами и правовыми ограничениями. Примером является то, что с целью законного и справедливого применения поощрения и наказания для оперирующих последними лиц устанавливаются определенные права и обязанности, а также соответствующие правовые средства, в частности, юридическая ответственность. Именно в этом и состоит не только общая взаимосвязь между правовыми стимулами и правовыми ограничениями в механизме правового регулирования общественных отношений, но и их взаимодействие и процесс взаимообеспеченности.

3. Установление специфического баланса правовых средств в рамках механизма правового регулирования. Четкость правовых стимулов и ограничений подтверждается специфическим балансом правовых средств в механизме правового регулирования. Речь идет о зависимости изменений правовых средств в пользу правовых стимулов или правовых ограничений и наоборот, поскольку эти правовые средства являются взаимосвязанными и взаимообеспечивающими для создания и удержания их определенного баланса в механизме правового регулирования. Например, если законодатель увеличивает объем прав субъекта, то права другого он должен сузить, поскольку увеличение объема прав определенных лиц возможно только за счет уменьшения прав других и установления дополнительных обязанностей для обеспечения осуществления этих прав.

К примеру, на период введения чрезвычайного положения в стране объем прав и свобод лиц и общественных организаций может быть сужен. Это делается для ускорения установления нужного публичного порядка в обществе. В таком случае дополнительное ограничение указанных прав и свобод выступает правовым основанием для увеличения полномочий органов государственной власти в целях быстрого выхода из общественного кризиса.

Специфической разновидностью правовых ограничений можно считать уменьшение правовых стимулов, то есть лишение прав путем установления дополнительных обязанностей, наказаний, запретов или лишения льгот. Следовательно, как сужение правовых ограничений выступает правовым стимулом, так и уменьшение правового стимулирования приводит к увеличению ограничительных средств.

4. Роль льгот и ограничений как обобщающих правовых категорий в отношении многих правовых средств. Четкость указанных понятий проявляется еще и в том, что они являются специфическими методами правового регулирования общественных отношений и обобщающими категориями науки теории государства и права.

Следовательно, правовые льготы и ограничения, влияя на сознание субъектов, определенным образом взаимодействуют. Мотивационное влияние права проявляется не только в социально полезном поведении лиц, которое оно влечет за собой, но и в предотвращении и возмещении последствий их негативных и противоправных действий.

Сочетание противоположных мотиваций происходит именно в праве. Вот почему целесообразно рассматривать правовые льготы и правовые ограничения в единстве, поскольку они являются парными, диалектически связанными категориями науки теории государства и права, вместе с другими элементами механизма правового регулирования упорядочивают общественные отношения. Именно поэтому они оказывают большое влияние на развитие общественных отношений: с одной стороны стимулируют их постоянное развитие, а с другой – предотвращают негативные последствия, поскольку общество постоянно развивается и движется вперед, в зависимости от чего изменяются и правоотношения, а правовые льготы и ограничения служат движущей силой, что не дает им устаревать.

Четкое разграничение правовых средств, каким-либо образом способствующих облегчению правового положения личности в государстве, требует своего совершенствования на любом уровне, позволяет избежать путаницы применения тех или иных правовых категорий, помогает законодателю принимать необходимые нормативные акты, отвечающие принципам справедливости и равенства. в области общественных отношений.

Выводы. Для повышения эффективности правовых льгот, как средства правового регулирования общественных отношений, нужно: а) предоставить им юридические и финансовые гарантии, которые обеспечат законное, своевременное, реальное и справедливое получение этих льгот лицами, имеющими право на них; б) установить степень юридической ответственности в отношении лиц, препятствующих предоставлению льгот лицам, нуждающимся в социальной помощи. Во избежание значительного

количества недостатков в системе правового регулирования льгот рекомендуется принять общий нормативно-правовой акт, который систематизировал бы все виды льгот, существующих в республике, упорядочил бы их категориальный аппарат, содержательное наполнение, процедуру их определения и установил юридическую ответственность за непредоставление этого важного правового средства.

Список источников

1. Матузов Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 294 с.
2. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права: учебное пособ. / под общ. ред. З. М. Черниловского. – Москва: Гардарика, 1998. – 413 с.
3. Шан Я. Книга правителя области Шан / пер. с китайск. Переломов Л.С.; ред. Крылова Е. – Москва: Ладомир, 1993. – 392 с.
4. Правда Русская: учеб. пособие / отв. ред. Б. Д. Греков. – Москва: Изд-во АН СССР, 1940. – 112 с.
5. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / пер. с фр. А. В. Грядов. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 584 с.
6. Федеративная республика Германия. Конституция и законодательные акты / под ред. Ю. П. Урьяса. – Москва: Прогресс, 1991. – 472 с.
7. Испания. Конституция и законодательные акты / под ред. Н. Н. Разумовича. – Москва: Прогресс, 1982. – 352 с.
8. Португалия. Конституция и законодательные акты / под общ. ред. И. П. Ильинского. – Москва: Прогресс, 1979. – 216 с.
9. Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник / Л.П. Рассказов. – Москва: РИОР, 2008. – 463 с.
10. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – Москва: Изд-во юрид. лит., 1966. – 186 с.
11. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва: Юристъ, 2004. – 512 с.
12. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник / С.А. Комаров. – 7-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 448 с.
13. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник / В.М. Сырых. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЗАО Юстицинформ, 2007. – 704 с.
14. Васильев А.В. Теория государства и права: курс лекц. / А.В. Васильев. – Москва: Флинта: МПСИ, 2006. – 200 с.
15. Философия : учебник для вузов / Г.И. Иконникова, В.Н. Лавриненко, В.П. Ратников, М.М. Сидоров; ред. В.Н. Лавриненко. - 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2007. – 506 с.

УДК 340.1

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ И АРХАИЧЕСКОЕ ПРАВО

Щербинина Елена Владимировна*кандидат исторических наук, доцент**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**E-mail: sherbinina@donnu.ru***Костин Александр Иванович***ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**E-mail: alekskostin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются правовой обычай и архаическое право. Автор делает вывод, что Генезис обычного права имеет место и в современных обществах. Возможность фиксации обычаев в сборниках, письменных документах негосударственных организаций позволяет утверждать, что способы закрепления правового обычая обществом приводят к тому, что государство в полной мере может их санкционировать.

Ключевые слова: правовой обычай, архаическое право, обычное право, мононормы.

Постановка проблемы. Большой интерес к правовому обычаю, который проявляется в последнее десятилетие, не случаен. Он отражает правосознание современного общества, в котором право равномерно начинает терять свое единство с человеком, органическое родство в связи с возрастанием степени абстрактности юридических норм. Приблизительно 10–15 лет назад правовой обычай рассматривали как анахроническое явление. Особенно такая тенденция наблюдалась в странах романо-германской и англосаксонской правовых систем. Существование правового обычая в лучшем случае связывалось с древними системами права и общества или рассматривалось только как «нормы морали», «обычаи» или «мононормы». Результаты таких исследований имеют большое практическое значение для правовой науки. Учитывая, что возрождение обычного права в мировом правовом пространстве играет соответствующую роль в проведении правовых сдвигов, следует отметить, что это позволяет и ученым, и

законодательным органам определить наиболее оптимальные пути для развития национального права.

Анализ предыдущих исследований и публикаций.

Заинтересованность обычным правом русских и зарубежных ученых XIX – начала XXI века трансформировалась от частных исследований до уровня национальной проблематики, сопровождавшейся введением в научное потребление огромного материала. К кругу таких ученых относятся С. С. Алексеев, М. И. Байтин, С. Л. Зивс, М. М. Ковалевский, Н. А. Крашенинникова, К. Кетц, А. М. Ладыженский, А. В. Малько, М. М. Марченко, М. И. Матузов, Д. И. Мейер, Г. И. Муромцев, Менахем Элон, А. И. Первиц, Рене Давид, В. В. Ровный, Рулан Норбер, А. Х. Саидов, Л.Т. Свечникова, Ю.И. Семенова, А.Я. Сухарев, Л.Р. и др.

Новый этап научного интереса к правовому обычаю приходится на вторую половину XX века. Большинство исследователей рассматривают обычай в контексте национальной правовой системы. Однако в концептуальной плоскости теория правового обычая и обычного права до сих пор не сформирована. Она находится только в процессе изучения и, без сомнения, нуждается в дальнейшем в теоретическом и практическом познании.

Цель исследования. Целью исследования является глубокий анализ правового обычая и архаического права.

Основные результаты исследования. Известно, что среди истоков права находится и обычай. Его сущность проявляется через мифы, религию, ритуалы, тесно связанные с нормами морали. Это позволяет сделать вывод о том, что первичная соционорматика является определенным правовым материалом, основой всей правовой культуры.

В. П. Алексеев, А. И. Первиц термин «обычай» ассоциируют с такой категорией, как «архаическое право» (некоторые даже не различают их), чем подчеркивают его отличие от современного права [1, с. 375]. То есть о феномене права целесообразно говорить, начиная с начала развития

человечества. Наиболее подробно вопросы архаического права как стадию, которую большинство современных сообществ уже прошли, рассматривают юридическая антропология и этнология. По определению французского исследователя Ж. Карбонье, предметом его изучения может быть «живое прошлое, если такое право действует до сих пор для определенной этнической группы на нашей планете» [1, с. 377]. Лишь путем познания и прослеживания по древнему праву можно лучше понять возникновение самого права.

Для понимания архаического права и обычая в нем необходимо определить его характерные особенности (черты). Современная наука подчеркивает существование архаического права в доиндустриальном обществе, к тому же в устной форме с оговорками (архаичность как признак права наблюдается и в «Русской Правде», и в Законах Хаммурапи). Необходимым признаком старого обычая является особый ментальный характер (мистический, логический). Примером служит институт наказания, в котором за противоправные действия наказывают не только людей, но и животных, растения, камни [2, с. 12].

Особыми были процессуальные формы рассмотрения споров (поединок) и судебного доказывания (ордалии). Архаический судебный процесс немислим без доказательств. В традиционном обществе доказательствами служили не письменная документация, а ордалии, суд Божий. Суд Божий заключался в допросе огнем, расплавленным железом и т.п. Соответственно невиновным считалось лицо, тело которого оставалось не изуродованным после таких испытаний.

Интересен институт присяги, который и сегодня используют в судебном заседании. Клятва того времени закреплялась божественной силой. Но основной целью судопроизводства, несмотря на жестокость испытаний и магическую силу клятв, считалось примирение сторон. То есть судья пытался не назначить самое жестокое наказание, а восстановить отношения сторон к возникновению спора. Также в истории известны институт кровной мести,

институт посредничества (привлечение третьей стороны при разрешении конфликтов).

Среди особых признаков архаического права можно выделить его консервативный характер, по сравнению с современными системами. Табу служит примером того, как нарушение норм общества приводит к психогенной смерти личности. То есть нарушения норм поведения, которые передавались из поколения в поколение, глубоко залегли в сознании общества того времени.

Интересны институты «глаз за глаз, зуб за зуб», санкции в виде изгнания из общины.

Ученые пытаются рассмотреть корни отраслей права в их современном понимании, признавая архаическое право как самостоятельный феномен. Известный ученый Аннерс считает, что полномочия вождя отдавать приказы в ситуации военных действий могли сформировать военно-уголовное право. Также он предполагает, что источниками возникновения уголовного и гражданского права есть право примирения, возникшее благодаря посреднической деятельности совета старейшин, собрания по заключению мирового соглашения. Ввиду этого Аннерс исключает влияние вождя на ход событий, хотя, упоминая о приказах по военному делу, целесообразно учитывать роль вождя в этом процессе [1, с. 385].

Ж. Дави и М. Мосс рассматривали в архаических правовых системах архаическое гражданское право. Особое внимание они уделяли «архаическим формам договоров». Мосс выделил следующие особенности договоров: сторонами договоров есть семьи, кланы, племена; объектами не только движимое, недвижимое имущество, но и знаки внимания, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, ярмарки; содержанием договоров является поставка и ответная поставка (поставки обязательны и уклонение от них может привести к войне). То есть не принять подарок нельзя, приняв же его, сторона должна подарить что-нибудь в ответ [3, с. 88–92, 93].

К одному из важных институтов, приведшему к возникновению правового обычая, можно отнести институт мононорматики, который в современных условиях достаточно популярен.

Для подтверждения обратимся к современным исследователям истории, юридической антропологии [4, с. 128]. Под этим углом особое внимание привлекает одна из новаций современной науки о традиционном обществе: природа мононормы, основанная на историческом и широком эмпирическом материале. Мононорма (от греч. *monos* – один и лат. *norma* – правило) – синкретизм правовых и других социальных норм, то есть нераздельное единство религиозных, нравственных, правовых и других норм. Мононорматика отражает высокую степень единства нормативной системы древнего общества, она не разделяет социальные регуляторы на нормы права, обычаи, мораль, этикет, ритуалы или мифы, она отражает мононормы в устной форме, форме поговорок.

Суть этнологического подхода к обычному праву наиболее полно изложена в концепции А. И. Першица. Он считает, что в первобытной общине переплетались все нормы поведения – правовые, этнические, этикетные. В связи с тем, что политической власти нет, мононорматику санкционирует сама община [5, с. 98–103]. Эта идея была поддержана в теоретическом правоведении А. И. Ковлером, С. С. Алексеевым, А. Б. Венгеровым, в теоретической этнологии – Л. Е. Куббелем, В. А. Поповым, А. В. Черным.

В термине «мононорматика» не ставится акцент ни на одном из видов норм поведения, ибо в первобытном обществе не было четкой грани между моралью, обычаем и этикетом. Так, понятие «справедливость», являющееся одним из важных в обычном праве, можно рассматривать и как моральное, и как морально-правовое. Согласно приведенной концепции мононорматика перерастает в обычное право в эпоху, когда возникает санкционирующая политическая власть.

Концепция первичной монономы достаточно обоснована и признана современными юристами-учеными. По мнению Г. В. Мальцева, о монономах необходимо говорить не только в прошлом времени, ведь «обычно как форма права включает в себя социальную норму или комплекс норм, являющихся одновременно моральными и религиозными, правовыми и политическими и т.п. В этих случаях в обычае отражаются признаки нормативного синкретизма...» [6, с. 135].

В то же время, существуют и противоположные взгляды. Например, Т. В. Кашнина считает мононому научной выдумкой, что нет никакого теоретического значения, потому что история не знает таких понятий [7, с. 9]. Конечно, историки гораздо более осведомлены в происхождении социальных норм. Правильно мнение Г. В. Мальцева об обществе с традиционной системой, в котором к правовому обычаю не относятся как к праву, отличая его от религии или морали. То есть отсутствуют какие-либо факторы, позволяющие социуму отличить их. Как правило, существует определенный динамизм обычая, позволивший его превращение в правовой. Это происходит с разделением труда, индивидуализацией собственности и меновыми отношениями, которые вызвали конфликт общественных и частных интересов, что, в свою очередь, обусловило необходимость правовой регламентации урегулирования конфликтов. В обществах с таким устройством несовпадение обычных и правовых норм с нормами морали и религии достаточно ощутимо. Такое явление получило название «удвоение мононом» [6, с. 125–132].

Вопрос об удвоении мононом и институционализации правовых обычаев может быть рассмотрен только дифференцированно: с точки зрения разнообразных путей и традиций эволюции права, ведь он зарождался и эволюционировал в неразрывной связи с эволюцией механизмов юрисдикции [8, с. 214]. Такая позиция фундаментальна для современного эволюционизма, рассматривающего закон и право как результат постепенного исторического развития. Отношения в традиционных обществах наделены характерными

особенностями коллективизма и многообразия и единством нормативного регулирования (мононорматика) на разных уровнях одновременно. В отличие от древних времен, сегодня социальные отношения имеют четко выраженный личностный характер на каждом уровне. Выделяют такие шесть уровней регулирования, как психологически-биологический, брачно-семейный, корпоративно-групповой, мифолого-религиозный, правовой и нравственный [9, с. 60]. Еще чаще члены общества соединены меж собой некой одной сферой отношений. С развитием социума происходит нормативизация права, появляются конкретные, специализированные направления в праве.

Возникновение обычного права исследователи связывают с образованием государства на основе определенных правил поведения, сложившихся в первобытном обществе. По мнению А. Б. Венгерова, обычаи начинают перерастать в обычное право только тогда, когда их начинает ограждать государство, государственный аппарат, в том числе и суды [10, с. 9–15]. Такая точка зрения принадлежит школе юридического позитивизма.

Обычное право окончательно формируется с распадом первобытного общества, а позже сохраняется как право крестьянских общин [10, с. 40-42]. Как в природе, так и в обществе нет четких границ, когда совершается мгновенный переход, скачок из одного качественного состояния в другое. Качественные конфигурации в социуме происходят равномерно, поэтому предпосылки возникновения и функционирования обычного права формируются долговременной публичной практикой, соединенной с жизнедеятельностью людей и их групп. Определяющим моментом в возникновении «обычая» и «обычного права» является существование обособленного сообщества людей, которое регулирует отношения снаружи и внутри своей группы согласно определенным правилам и нормам. Нельзя согласиться с утверждением, что в «индустриальных обществах существуют обычаи, но нет обычного права» [11, с. 266]. Предпосылкой возникновения обычного права является социальная неоднородность людей, очерченность

сообществ по мировоззренческим ориентациям, профессиональным или территориальным признакам, этнической принадлежностью, позицией в социальной (имущественной, властной и т.п.) иерархии сообщества. Историческими формами групп людей есть род, племя, народность, нация. Эти группы носят этнический характер. В современном мире их насчитывается более четырех тысяч, и львиная доля проживает в многонациональных государствах. Это существенно актуализирует обычное право как средство защиты интересов этнических общностей и достижения ими определенных политических и социальных целей. Многообразие этносообщественного бытия всегда порождает необходимость существования обычного права, потому что одной из социальных закономерностей является этническая дифференциация, то есть процесс выделения, обособления того или иного этнического сообщества, отражающий его стремление к утверждению национальной независимости, суверенитету, развитию национальной культуры. Обычное право способствует прогрессу этноса совместной жизни, ведет к самореализации потенциала этноса, к его внутреннему саморазвитию и духовному обогащению.

Для изучения обычая (как своеобразной предпосылки возникновения правовых обычаев) «в полном его значении и сущности лучше обратиться к самым ранним периодам истории права» [12, с. 31]. На ранних стадиях развития общества правовых обычаев еще нет. Человек этого периода еще не отделяет себя от природы. Кроме того, природные явления ею гуманизируются. Древние люди отождествляли все вещи в природе с образами людей.

Поэтому люди в отношениях друг с другом и в отношении природных явлений руководствовались одними и теми же правилами. Эти стереотипы первоначального поведения возникают из самой действительности. Поведение людей рождается самой ситуацией и выступает как творческий акт. В каждой конкретной ситуации человек должен ориентироваться на изобретательность и умение выбирать оптимальный вариант поведения.

Такую точку зрения разделяет и профессор Г. Мэн. Он считает, что общество того времени не походило на современное. «Фактически и с точки зрения входивших в его состав лиц общество было агрегацией родов... Контраст возможно будет выражен точным способом, если мы скажем, что единицей первобытного общества была семья, а новейшего – отдельный индивид» [13, с . 99]. Поэтому нормативные регуляторы, в том числе право, возникают не просто с появлением человека, а с зарождением социальных связей между людьми. Право в целом вписывается в генезис социальных норм, поскольку является их разновидностью и потому, как любая другая социальная норма является результатом взаимодействия объективных и субъективных факторов.

Заметим, что возникновение и развитие обычного права вписывается в рамки формирования правового регулятора в целом и связывается с разнообразными предпосылками и условиями формирования социальных норм, поэтому единый подход найти достаточно затруднительно. К примеру, А. Б. Венгеров считает, что существует три фазы: фаза зарождения – касается тех обществ, где происходит становление производственных форм экономики или господствует личностное хозяйство; фаза превращения такого регулятора в систему правил и норм в обществах, где наблюдается существование производственной экономики; фаза, связанная с письменной кодификацией права в ряде раннегосударственных образований. Основатель юридической антропологии Г. Дж. Сомнер Мэн предлагает также три стадии эволюции права: сначала люди полагают, что право дано им богами; затем право отождествляют с обычаем; смешивание права и закона [13, с. 102].

В труде Д. Ж. Валеева «обычное право и начальные этапы его развития» выделены четыре этапа, где обычное право является результатом разделения мононорм и появлением особой власти первобытного общества [19, с. 72-86]. Таким образом, генезис обычного права связан с генезисом обычая как социальной нормы и проходит несколько этапов в своем развитии: формирование социальных отношений, связанных с волей и

сознанием; формирование привычного поведения и установление обычая как нормы публичных отношений; формирование «правовых ситуаций» и появление обычного права; возникновение государства и формирование правовых обычаев. В то же время, рассматривая правовой обычай как правовой регулятор, можно отметить только две последние стадии. Эти две стадии дают основания говорить об обычном праве как о совокупности протоправовых обычаев и обычном праве как совокупности санкционированных обычаев, то есть в чисто юридическом смысле.

Характеризуя развитие обычая как постепенную трансформацию табунного инстинкта в коллективное сознание, о любом правовом регулировании еще говорить рано, но перед возникновением нормы, возникают элементарные социальные отношения. Сущность данного процесса состоит в уходе биологической, инстинктивной формы регуляции «человеческого табуна» к высшей – социальной, связанной с волей и сознанием людей. Процесс этот – свидетельство перехода привычек в систему устойчивых общезначимых отношений. Следующее регулирование происходит уже в нормативной форме, посредством социальных императивов – обычаев, традиций, норм морали. В этот период род и племя выступают первыми субъектами общественных отношений. В таких сообществах людей, предшествовавших образованию государства, будь то родовая организация или племя, были уже известны свои представления о правде и справедливости, в первую очередь связанные с религией. В этом отношении следует отметить, что не любое поведение является нормой, а значит, «обычай» приобретает характер нормативности в процессе усложнения общественных отношений. В социологии, психологии, а особенно в юриспруденции, представление о норме существенно различается. Нормой считают не существующее, а то, что должно быть действительно, то есть желательно для социальной среды. Отметим факт признания многими учеными сопровождения превращения простой привычки в норму путем обретения, например, обычая религиозного оттенка.

По мнению Г. Мена, еще до появления обычая существовало такое понятие как «Фемида» – приговор. «Фемида», по его выражению, была тем божественным посредником, через которого царям внушались судебные приговоры. Также понятие об обычае выраженное у Гомера словом «Фемида» в единственном числе и еще чаще словом «Dike» – справедливость [14, с. 74]. Приговоры преимущественно походили друг на друга, в связи с тем, что несложный механизм древнего общества порождал однообразные обстоятельства. Здесь Г. Мэн видит уже зарождение обычая. По его мнению, это понятие носит поздний характер по сравнению с «Фемидой».

Совершенно очевидно, отмечает Д. Ж. Валеев, переход от казуального или ситуативного регулирования к регулированию нормативному осуществлялся в тот период развития первобытного общества, когда возникли первые объединения людей в роды и племена. У Г. Мена эти организации общества характеризуются как корпорации, никогда не умирающие. На этом этапе формирования обычая необходима определенность в жизненном поведении во всех ее проявлениях, даже в отношении божеств.

Обычаи живут в народе и передаются устно из поколения в поколение как достойные уважения наставления дедов и прадедов. Поэтому подрастающее поколение, прежде чем начинает действовать самостоятельно, наблюдает за действиями старших; их собственная воля складывается под влиянием пожилых людей. Эта общечеловеческая черта человека выражается в нежелании выделяться среди других. Обязательность обычая возникает в результате должного свойства человека следовать намеченным путем. То есть, есть нечто общее со свойством физического тела, известное как инерция.

Если один член общества ведет себя не так, как другие, все осуждают его, потому что его поведение не согласовано в воли большинства. Обычай превращается в коллективную свободу, субъективным содержанием которого является необходимость [15, с. 18]. Но нельзя утверждать, что несоблюдение

общепринятого обычая влечет за собой санкцию. При разделении обычаев древнего общества на главные и второстепенные, наказание имело место, когда были затронуты интересы всего племени или рода. Как отмечает Б. Я. Токарев, ярким примером санкции было изгнание. Такой институт со временем совершенствовался и детализировался в «правовом» устройстве родовой общины и был самым тяжелым видом. наказанием. Примерами санкции могли быть отказ от выдачи замуж девушки в случае неуплаты калыма, прекращения любых отношений и пренебрежение членами общества к лицу, не исполнившему кровную месть.

Исследователи древних народов отмечают, что мононорма в таких обществах свидетельствует о саморегуляции внутри общины. Принимаемые нормы поведения соблюдались настолько, что фактически случаи нарушений были редкостью. Но такая стойкость поддерживалась не возможностью тяжкого наказания, а силой мононормативности, в которой обычай и мораль были чем-то единственным, как природное поведение.

Для возникновения индивидуальной парной семьи характерно появление родства: отец и мать, сын и дочь, братья и сестры. Валеев пишет, что с появлением парной семьи, например, связано возникновение дифференцированных по определенному кругу лиц норм поведения [14, с. 80]. Именно здесь происходит постепенное разделение мононорм – норм первобытного общества на нормы-морали и нормы-обычая. Но было бы большой ошибкой считать такое разделение противопоставлением нравственных и нормальных норм. Ведь мораль – это такая система регуляции общественных отношений, в большей или меньшей степени пронизывающая любые социальные нормы, о чем справедливо отметил Иммануил Кант в своем постулате «Метафизика нравов» [16, с. 424–426, 430–431].

Остановившись на дифференциации норм первобытного общества на нормы морали и нормальные нормы, хотелось бы привлечь внимание к двум противоположным точкам зрения.

По мнению Ганса Кельзена, представителя нормативистского направления в праве, обычай может рождать нормы морали и нормы права [10, с. 19]. Он разделяет аристотелевскую характеристику обычая как волеустановленного.

Философ Д. Ж. Валеев считает, что возникновение нравственных обычаев «было детерминировано необходимостью конкретизации норм морали в отношении отдельных лиц или группы лиц в связи с изменениями в производственной сфере первобытного общества. Это привело к индивидуализации и обособлению индивидов друг от друга и от объединяющих их коллективов» [14, с. 74]. Право возникает из религии или из морали; если мораль естественным путем превращается в обычай, то право возникает из обычая, принимая форму «живого права»: обычное право, англосаксонское право.

Их объединяет только то, что нормы обычаев предшествуют своему генезису обычному праву. А, по словам Ф. Гегеля, предшествуют в своем развитии праву государства. К тому же, по мнению Ф. Гегеля, право проходит три стадии: отвлеченность, мораль и нравственность. По этой схеме, обычай предшествует нравственности. Безусловно, есть сторонники как одной, так и другой точек зрения, но эти два регулятора возникают все же одновременно. Так называемые «мононормы» при усложнении общественных отношений были дифференцированы в соответствии со сферами действия. Каждый вид отношений стал регулироваться особыми, взаимодополняющими нормативными системами: обычай, мораль, религия и другими. Обычай готовят появление права, позже часть из них задействуется в кругу права, в форме обычного права, а остальные остаются за пределами правовой сферы и самостоятельно регулируют определенный круг общественных отношений. На этом уровне общество уже оценивает поступки с точки зрения соответствия его общепринятым фактическим отношениям.

Построение обычая и права происходило во взаимосвязи с моралью. Сам процесс возникновения и развития нормативных регуляторов общества отражает характерные особенности морали. Как право, так и нравственность являются явлениями необходимого, но право необходимо на уровне массового поведения, второе – необходимо на уровне прежде индивидуального.

В период дифференциации нормы первобытного общества на нормы обычного права и другие социальные нормы происходит становление системы регулирования активности людей, в котором то, что раньше было принято, теперь «охраняется реальной властью».

Д. Ж. Валеев к этому добавляет, что старейшины, вожди, народное собрание не только не следят за соблюдением обычаев, но и сами выносят общеобязательные решения, которые в результате многократного повторения в аналогичных ситуациях становятся нормами поведения.

Таким образом, у истоков обычного права лежат два основных источника: обычаи как устойчивый нормативный регулятор, а также общеобязательные решения органов самоуправления древних обществ как результат разрешения конфликтных ситуаций.

Последующий генезис обычного права характеризуется детальным участием человека в его образовании. Такой историк права, как А. А. Филиппов, утверждает, что словесная передача, по своей живости и силе народной памяти, не всегда является достаточной гарантией неприкосновенности, не поддается влиянию времени, а также субъективизму повествователя. Следовательно, нормы обычного права начали приобретать силу в колебании [17, с. 381].

Когда старые заветы встречаются с новыми взглядами, когда спорно то, какие же обычаи, старые или новые, следует считать главными, появляется необходимость в записи народных обычаев. Процесс этот ускорил образование страны. Кроме того, именно потребность закрепить, сделать незыблемыми ценнейшие отношения общества стала уже не под силу

бывшим регуляторами. С появлением государства, обычное право так или иначе начало реализовываться в решениях публичной власти, что означало поддержку высокой и строгой нормативности уже положительного права.

Со временем начинают формироваться народные правды, в которых фиксируются юридические нормы обычного права данного племени или народа. К примеру, у тех народов, которые создали свои письменные правовые системы, была ощутимая четкость и гарантированность выполнения правовых обычаев.

Такой процесс можно проследить в системах: Законы Ману (Индия), Салическая правда (Франция), Саксонское зеркало (Германия), Русская Правда (Киевская Русь) и т.д.

Выводы. Генезис правового обычая можно поделить на следующие этапы:

1. Существование первобытного общества, которое во взаимоотношениях друг с другом и для регулирования социальных разногласий использовало нормы-зародыши или прототипы будущих обычаев. Нормы-зародыши были совокупностью религиозных норм, норм морали, основанных на положительном восприятии окружающего мира и социума в целом. Их можно назвать мононормами. Мононормы регулировали отношения племен, родов на бытовом уровне, то есть на том уровне, на котором первобытное общество поддерживало свою жизнь.

2. Дальнейшее становление правового обычая связано с началом материальной дифференциации общества, когда индивидуум выделил для себя, кроме духовных ценностей, еще и материальные. В настоящее время возникает вопрос о разделе собственности на личную и собственность племени. Иерархические отношения становятся более жесткими, идет борьба за право занять место вождя, главы рода и т.д. Поэтому происходит разделение норм на нормы-морали-религии (общество их не дифференцирует) и на нормы-обычаи. Вожди и советы старейшин принимают решения по однообразным вопросам, в результате чего эти

решения становятся обязательными и вступают в социально-бытовые отношения.

3. Создание конкретно правового обычая вышло с: 1) расширением общества; 2) появлением денежно-обменных отношений; 3) отграничением норм морали от обычаев, регулирующих повседневные отношения (социальные, бытовые); 4) нарушение обычаев и появление санкций; 5) появление глобальной организации общества – государства; 6) появление письменности; 7) закрепление государством обычаев в письменном виде, что и создает их юридический, правовой характер.

Следующие этапы способствовали появлению права, в том числе закона, правового прецедента и т.д.

Генезис обычного права имеет место и в современных обществах. Возможность фиксации обычаев в сборниках, письменных документах негосударственных организаций позволяет утверждать, что способы закрепления правового обычая обществом приводят к тому, что государство в полной мере может их санкционировать.

Список источников

1. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Марченко М. Н. – М. : Городец, 1-я Обр. тип., 2002. – 1087 с. – (Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
2. Марченко М. Н. Источники права / Марченко М. Н. – М. : Проспект, 2008. – 760 с.
3. Мосс Марсель. Общество. Обмен. Личность : Труды по социальной антропологии / Мосс Марсель ; [пер с франц.]. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 360 с.
4. Свечникова Л. Т. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридических и этнологических наук) / Л. Т. Свечникова // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 38–43.
5. Думанов Х. М. Мононорматика и начальное право / Х. М. Думанов, А. И. Першиц // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 98–103.
6. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // Исследования по общей этнографии. – М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1979. – С. 125–132.
7. Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики / [отв. ред.: Г. В. Мальцев, Д. Ю. Шапсугов]. – Ростов-на-Дону : СКАГС, 1999. – 367 с.
8. Кашнина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие / Кашнина Т. В. – М. : Высшая школа; ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2004. – 325 с.
9. Рябко А. И. Актуальные проблемы онтологии форм права / А. И. Рябко, О. Н. Василенко // Философия права. – 2000. – № 2. – С. 59 – 120.

10. Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: Возникновение, сущность и эволюция / Ю. И. Семенов // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). – М. : Старый сад, 1997. – С. 9–46.
11. Гофман А. Б. Обычай / А. Б. Гофман // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – [3-е изд.]. – М. : Советская энциклопедия, 1978. – Т. 30. – 632 с.
12. Черных Е. Н. Структура нормативной системы в древних обществах / Е. Н. Черных, А. Б. Венгеров // От доклассовых обществ к раннеклассовым : сб. статей / [отв. ред. Б. А. Рыбаков]. – М. : Наука, 1987. – С. 25–40. – (АН СССР, Ин-т археологии).
13. Мэн Г. С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Г. С. Мэн ; [пер. Н. Белозерской с 4-го англ. изд.]. – СПб. : Д. Е. Кожанчиков, 1873. – 312 с.
14. Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса / Д. Ж. Валеев // Правоведение. – 1974. – № 6. – С. 72–86.
15. Серия «Проблемы государства и права за рубежом» / АН СССР, Чистое учение о праве Ганса Кельзена: К XIII конгр. Междунар. ассоц. правовой и социал. философии (Токио, 1987 г.): сб. пер. / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. – М. : ИНИОН, 1987. – Вып. 1. – С. 10–57.
16. Кант Иммануил. Критика практического разума / Иммануил Кант. - [Издание третье, стереотипное]. – СПб. : 2007. – 528 с.
17. Филиппов А. Н. Учебник истории русского права : пособие к лекциям / Филиппов А. Н. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. – 795 с.

УДК 340.1

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЛЕГИТИМНОСТЬ»,
«ЛЕГАЛЬНОСТЬ», «ЗАКОННОСТЬ»****Щербинина Елена Владимировна***кандидат исторических наук, доцент**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**E-mail: sherbinina@donnu.ru***Кузин Андрей Викторович***ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»**E-mail: adabozpinar@gmail.com*

***Аннотация.** В статье рассматриваются соотношение понятий легитимность, легальность, законность. Автор делает вывод, что понятия "легитимность" и "легальность" (законность) не тождественны. Легитимность – это категория, имеющая самостоятельное от других терминов содержание, и в отличие от законности (легальности) характеризует не объективные, а субъективные аспекты, а именно – признание субъектом права и государства. В связи с этим следует разграничить легитимность и легальность, поскольку отождествление этих категорий современными юристами приводит к приравнению понятия легитимности к законности.*

***Ключевые слова:** легальность, легитимность, законность.*

Постановка проблемы. Проблема эффективности государственной власти, способов и механизмов повышения ее легитимности актуализируется через постоянные изменения в государстве, обуславливающие трансформацию содержания общественных ценностей. При этом эффективность государственной власти зависит не только от ее реформирования и приведения в оптимальное состояние ее структурной и функциональной составляющих, но и от морально-правовых средств и способов ее реализации.

Актуальность избранной темы определяется необходимостью выработки теоретических основ исследования морально-нравственных контекстов понятия легитимности власти и их проявления в нормах права; переосмысление понятия легитимности власти и ее практического

воплощения в условиях глобализации; расширение методологии исследования взаимодействия нравственных и правовых основ легитимности государственной власти в современном информационном обществе.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Формирование философских, политологических и социологических подходов к анализу процесса легитимации государственной власти связано с работами Р. Арона, Д. Битема, П. Бурдьё, М. Вебера, Б. Вестли, Э. Гофмана, Д. Истона, Т. Лукмана, Н. Лумана, Ч. Миллса, Т. Парсонса, Г. Саймона, О. Тоффлера, Ж-Л. Шабо, М. Фуко, Ф. Фукуямы, Л. Фуллера, Ю. Хабермаса, К. Ясперса и др.

Цель исследования. Целью исследования является комплексная разработка и осуществление соотношения понятий «легитимность», «легальность», «законность».

Основные результаты исследования.

В данный период наблюдается количественный рост использования таких терминов как легитимность, легальность и законность, что обусловлено политико-правовыми изменениями в мире в целом и в частности процессами сувернизации и глобализации. Из-за постоянного расширения сферы употребления данных понятий возникает необходимость исследовать указанные категории, определить их содержание и значение и рассмотреть теоретико-правовые аспекты их соотношения и взаимовлияния.

Термин «легитимность» отличается от термина «легальность» в том смысле, что «легальность» означает просто – «соответствие с законом», тогда как «легитимность» предполагает оправдание тех или иных норм, институций или претензий на власть.

Сам термин «*legitimus*», как и термин «*legalis*», как отмечает А. Баумейстер, встречаем сначала в римском праве как *terminus technicus* юриспруденции. Оба термина произошли от латинского *lex* и обозначают соответствие закону. Римские юристы говорят о «легитимности опекунства» или о «легитимности наследия» (*legitima hereditas*). Например, признаком *legitima hereditas* является соответствие законам, зафиксированным в XII

таблицах. В средневековом словоупотреблении термин *legalitas* часто сближается с понятиями *probitas* («честность», «порядочность»), *fides* и *fidelitas* (верность, добросовестность). Понятие «легальность» возникает в новом свете в связи с Григорианскими реформами XI века (спор об инвеституре) и с дискуссиями о юрисдикции Императора и Папы (XIV век). Однако нигде в текстах мы не найдем собственное противопоставление «легальности» и «легитимности» [1, с. 56].

Под влиянием Реформации, а затем – под влиянием европейских революций (особенно – Французской), термин «легитимность» постепенно получает новый смысл. Да, размышляя над природой монархической власти, Жан Боден утверждает: эта власть легитимна только тогда, когда она связана с естественным законом и справедливостью. Особая роль в осмыслении понятия «легитимности» (принадлежит теоретику естественного права Замюэля Пуфендорфа. Однако и в XVII–XVIII веках значение терминов *legitimus* и *legalis* не противопоставляется. Это можно заметить на примерах Кристофа Безольда и Кристиана Вольфа. Вольф понимает легитимное законов.

Различие легальности и легитимности происходит из посленаполеоновских времен. Однако интеллектуальное движение, получившее название «легитимизм», возникает гораздо раньше, как реакция на религиозные и политические революции XVI–XVIII веков. Термин «легитимность» постепенно становится одним из главных терминов политико-правового дискурса. Его интеллектуальная история начинается во Франции, а затем распространяется на другие языковые культуры Западной Европы.

Данная проблема, как отмечает А. Лой, «за пределами привычной для юристов темы легализации. Ведь легализация предусматривает соответствие определенному институту, его действию или публичным действиям (поступкам) отдельных лиц или партий (группировок) основополагающим принципам, которые отражены прежде всего в конституции государства.

Понятие легитимации охватывает более обременительные отношения в обществе, где правовые отношения сочетаются с нравственными, образуя с ними определенную смысловую цельность в жизненном мире социума, благодаря чему люди могут воспринимать существующие институты как нечто очевидное, самодостаточное и самозначимое, что не требует доказательств. То, что выглядит легитимным, принимается во внимание, с этим институтом следует иметь дело, на него можно положиться, он может признавать определенный ролевой статус личности к нему. В отличие от легальности, где важна фактичность институции с точки зрения законности, легитимность направлена на вопрос: есть ли смысл быть в отношениях с существующими (фактическими) институтами? Легитимность не удовлетворяется фактичностью юридической законности, потому что здесь как законная воспринимается та доверяющая институция, а ее нормативность согласуется с моральной и даже религиозной точки зрения с внутренними требованиями к себе. Институция, которой не верят и не доверяют, не может быть легитимной, если она даже выглядит юридически законной [2, с.5-6].

Легитимация – это своеобразный опыт спонтанного формирования в обществе морально-практических отношений, где происходит заседание необходимости соответствующих институций, их бытие во сущем (контингентность), являющееся базовым условием существования этих институций, их укорененности в жизненном мире социума. В легитимирующем (конституирующем) опыте деятелей (актеров) институции, с которыми они имеют дело, такие же неоспоримые и непреклонные, как и сам мир. С легитимными институтами ассоциируется соответственно определенный легитимный порядок с комплексом требований, предписаний, наставлений, максим и т.п., составляющих регулятивный слой нормативности. Принимая как должное определенные институты, деятели со вниманием относятся и к соответствующим нормам, воспринимая их с доверием. В рамках легитимного опыта осознание институтов приобретают значимость нормы и требования, безусловность внутреннего действия

которых неотделима от весомости ценностей. Кстати, ценности – это не просто воображаемые сущности, их бытийность проявляется в топосе их практической реализации. В легитимации сознание выявляет предельным образом свою практичность, а потому именно здесь, так сказать, зажигаются и представляют себя ценности [3, с. 6].

М. Дюверже очень правильно дал синоним признанию правомерности политического господства – «народный консенсус». Кроме того, легитимность власти не всегда отождествляется с законностью и может не соответствовать ее юридической легализации.

По нашему убеждению, легитимация является публичным процессом удостоверения, одобрения, оправдания или доказательства обоснованности и необходимости социального действия, статуса или институции. В социально-правом контексте легитимность (как законность в формате оптимального морально-психологического восприятия) подразумевает автономность права как системы и их согласованность с измерениями справедливости.

Следует разграничивать понятия «легитимность государственной власти» и «легальности государственной власти». Последняя дефиниция фиксирует исключительно соответствие государственной власти действующим законам и предусмотренным ими процедурам, тогда как легитимность – это, в первую очередь, отношение общества к государственной власти. При процессе легитимности происходит восприятие обществом государственной власти и ее действий. При этом следует акцентировать внимание, что безусловно в демократическом обществе принимаемые решения обычно воспринимаются как адекватные и справедливые членами общества, но возникают и совершаемые в общественных интересах и ради общественного блага [4, с. 113]. Противопоставлять понятие легальности и легитимности не является некорректным, поскольку в условиях демократических политических режимов именно легальность и процедура легализации выступает тем необходимым условием, которое позволяет конституировать народное

доверие к тому или иному органу государственной власти. Так же, даже в случае неадекватных действий тех или иных органов государственной власти, именно их легальность часто служит тем сдерживающим фактором, не дающим предельно упасть уровню их легитимности [4, с. 113].

Понятие «легитимность» и «легальность» не следует отождествлять. Эти понятия близки, но не тождественны понятию. Первое из них носит оценочный характер, второе юридическое и нравственно нейтральное. Однако следует определить, что легитимность государственной власти помимо признания ее населением, безусловно, характеризуется также и легальностью, входящей в состав легитимности и являющейся ее юридическим выражением. Реальная легализация государственной власти, а не псевдолегализация тоже может существовать только в демократическом государстве. Юридическая легализация в условиях авторитарных и тоталитарных режимов внешне может производиться демократическими способами, законодательство может содержать демократические положения, закреплять широкий перечень социально-экономических прав, но при этом, учитывая реальную действительность, будет изолированной. Государственная власть должна быть построена и функционировать с учетом легитимности и легальности как неотъемлемых ее признаков для государства демократической ориентации [5, с. 20-23].

Термин «легитимность» иногда переводят с французского языка как «законность» или «узаконенность». Такой перевод кажется не совсем точным. Законность, понимаемая как действие в соответствии с законом, отражается в категории «легальность». Понятие же легитимности носит оценочный, нравственный и политический характер, легальность – формально-юридический и нравственно нейтральный. Государственная власть, даже не популярная, как правило, легальна. В то же время она может быть нелегитимной, то есть не восприниматься народом, издавать законы по собственному усмотрению и использовать их как орудие организованного насилия, совершать произвол и беззаконие [5, с. 22].

Следовательно, легальность государственной власти фиксирует исключительно соответствие государственной власти действующим законам и предусмотренным ими процедурам, тогда как легитимность – это, в первую очередь, отношение общества к государственной власти [5, с. 22].

Теоретико-правовая мысль ограничивает понимание принципа легальности и легитимности, причем указывая, что легальная власть может быть нелегитимной, а легитимная власть всегда основывается на легальной субстанции[5, с. 22].

Легитимность определена как: 1) субъективно осознанную законность, правомерность, обоснованность, приемлемость или оправданность определенного объекта с учетом религиозных, культурных, социальных, политических, экономических, правовых, интеллектуальных, коммуникативных, ситуативных и др. основания (критерии); 2) социально-психологическое явление: а) предопределяемое извне общественными факторами и, в свою очередь, способное влечь определенные общественные последствия; б) опосредующее влияние религии, культуры, социальной структуры и динамики, политики, экономики, права, коммуникации и т.д. на социально-поведенческую активность

Легитимация трактуется как: 1) обусловленный различными факторами процесс возникновения, становления и развития легитимности, т.е. генезисы субъективного признания законности или правомерности определенного объекта, принятия или оправдания его существования субъектом; 2) целенаправленную деятельность (практику) субъекта, имеющая целью становление и развитие определенной легитимности объекта.

В первом случае легитимность и легитимация взаимосвязаны как статический и динамический аспекты субъективного признания законности или правомерности объекта, принятия или оправдания его существования, что влечет определенные социальные последствия. Понятие «легитимность» обозначает в этом случае совокупность представлений, отношений и т.п. субъекта, а термин «легитимация» – изменение или преобразование этой

совокупности, что может привести к определенной социально-поведенческой активности. Иными словами, легитимация является социально-психологическим процессом, что приводит к преобразованию легитимности во времени, то есть генетически связывает как минимум два состояния легитимности – исходное и конечное (если не принимать во внимание промежуточные состояния).

Во втором случае легитимация и легитимность взаимосвязаны каузально, вроде фактора и следствия. Поэтому легитимация как практика является фактором легитимации как генезиса легитимности. Осуществлено различие субъектов (1) легитимации как практики и (2) легитимации как генезиса легитимности: 1) «легитиматоров по специальности» – профессиональных деятелей и деятелей в областях религии, культуры, философии, науки, политики, экономики, массовой коммуникации и др. ; 2) «легитиматоров по обстоятельствам» – рядовых граждан, избирателей, потребителей и носителей других статусов, предусматривающих выбор легитимируемой/делегитимирующей позиции в отношении определенного объекта. «Легитиматоры по специальности» для генезиса легитимности прибегают к целенаправленным легитимационным воздействиям на «легитиматоров по обстоятельствам»[6, С. 65].

В современной литературе по теории государства и права существуют и другие подходы к типологии легитимности. Так, французский политолог Ж.Л. Шабо, подчеркивая, что в структуре властных отношений есть два главных фактора – управляемые и правители, указывает, что политическая власть легитимизируется, прежде всего, в их отношении. То есть она должна соответствовать волеизъявлению управляемых (демократическая легитимность) и согласовываться со способностями управляющих (технократическая легитимность).

Демократическая легитимность – это перенесение на все общество механизма принятия решения индивидом: выражение свободной воли, но в том смысле, что данная свободная коллективная воля возникает от

индивидуального проявления свободного мнения. В политической практике для операционализации перехода от индивидуального к коллективному используется простой арифметический механизм – мажоритарный принцип (принцип большинства). Его применение в демократических режимах универсально – как для выбора представителей народа, так и для принятия законов или принятия решений в рамках исполнительных коллегиальных структур. Однако в истории немало случаев, когда демократические механизмы в определенных исторических обстоятельствах способствовали утверждению авторитаризма и тоталитаризма.

Технократическая легитимность связана с умением властвовать, а последнее обусловлено двумя параметрами: способами доступа к власти и содержанием процесса ее осуществления. На начальных этапах истории человеческого общества, когда сила была преобладающим способом достижения власти, владения оружием, армиями и людьми ценилось превыше всего. В современных условиях таким предпочтительным способом называют знания.

Кроме того, согласно Ж.-Л. Шабо, политическая власть может легитимизировать себя в отношении субъективных представлений о желаемом социальном порядке (идеологическая легитимность) или в соответствии с универсальным порядком, включающим также и социальный порядок (онтологическая легитимность).

Идеологическая легитимность основывается на определенных представлениях о социальной действительности и способах и проектах ее изменения.

Онтологическая легитимность – это соответствие политической власти универсальным принципам человеческого и социального бытия. Она измеряется уровнем соответствия «тому глубинному порядку бытия, которое человек испытывает врожденно, но которому он может противостоять».

В политологической литературе выделяются также три уровня легитимности власти:

1) идеологический: власть признается обоснованной через внутреннюю убежденность или веру в правильность тех идеологических устоев, которые ею провозглашены; источник легитимности – именно эти идеологемы;

2) структурный: правомочие власти вытекает из убеждения в законности в целом и уместности установленных структур и норм, регулирующих политические отношения; источник легитимности в данном случае – специфические политические структуры;

3) персональный, в основе которого – одобрение данного обладающего лица; источником же легитимации становится личный авторитет правителя.

Для поддержания легитимности властям используются многие средства: изменения законодательства и механизма государственного управления в соответствии с новыми требованиями; стремление использовать традиции населения в законотворчестве и при проведении практической политики; реализация легальных мер против возможного снижения легитимности власти; поддержка в обществе законности и правопорядка и т.д.

Показателями легитимности власти выступают: уровень принуждения, применяемого для внедрения политики в жизнь; наличие попыток свержения правительства или лидера; сила проявления гражданского неповиновения; результаты выборов, референдумов; массовость демонстраций в поддержку власти (оппозиции) и т.д.

Легитимность политического явления еще не означает его юридически оформленной законности.

Легитимность – это уверенность подданных в том, что правитель имеет право на власть, что установленный в государстве порядок нерушим как выражение высших стандартов, принятых в обществе; в том, что он обеспечивает благо и спасение страны и людей. При наличии этой уверенности, власть одновременно является и авторитетом, и государство крепко стоит на силе и согласии. Утрата любой из этих опор – начало краха государства.

И получение легитимности, и ее утрата – процессы, происходящие в общественном сознании, на которые влияют и экономика, и социальные, и национальные отношения, и успехи или неудачи во внешней политике.

Политическое господство означает структуризацию в обществе отношений командования и покорения, организационное и законодательное оформление факта разделения в обществе управленческого труда и обычно связанных с ним привилегий – с одной стороны, и исполнительской деятельности – с другой. Оно возникает тогда, когда власть институциализируется, превращается в устойчивые отношения, когда в организации устанавливаются позиции, занятие которых позволяет принимать решения, предписывать, разрешать или запрещать. «Господство, – писал Вебер, – значит шанс встретить повиновение определенному приказу»[7, с. 552].

Господство неразрывно связано с властью, является формой ее организации в обществе. Политическая власть, опираясь на вооруженную силу, может возникнуть и до установления владычества. Однако в этом случае он не сможет долго продержаться и выполнять свои функции в обществе.

Научное понимание господства, в отличие от его трактовки в обыденном языке, нравственно нейтрально и не связано с такими негативными атрибутами, как эксплуатация, угнетение, подавление. Господство – это политический порядок, при котором одни командуют, а другие подчиняются, хотя первые могут находиться под демократическим контролем других. Такой порядок может соответствовать интересам не только управляющего меньшинства, но и всего общества или, по крайней мере, его большинства, хотя в истории человечества политическое господство проявлялось обычно как форма закрепления и (или) средство приобретения социального господства, то есть привилегированного положения в обществе, связанного с социальным неравенством.

В современных правовых социальных государствах связь политического господства с социальными привилегиями ослабевала, хотя и не исчезла полностью. Альтернативой политическому господству есть самоорганизация общества.

Господство как институциализированная власть может по-разному оцениваться гражданами. Положительная оценка, согласие населения с властью, признание его правомерности, право управлять и согласие подчиняться означает его легитимность. Легитимная власть обычно характеризуется как правомерная и справедливая. Легитимность связана с наличием у власти авторитета, ее соответствием представлениям большинства граждан, с консенсусом общества в сфере основополагающих политических интересов.

Сам термин «легитимность» иногда переводят с французского как «законность» или «узаконенность». Такой перевод не совсем точен. Законность, понимаемая как действие через закон и в соответствии с ним, может быть свойственна и нелегитимной власти.

Большой вклад в теорию легитимации господства (власти) внес М.Вебер. В зависимости от мотивов покорения он выделил три основных типа легитимности власти:

1. Традиционная легитимность. Она держится на обычаях, привычке подчиняться власти, вере в непреклонность давно существующих порядков. Традиционное владычество характерно для монархий. По своей мотивационной базе оно во многом схоже с отношениями в патриархальной семье, основанными на безоговорочном повиновении старшим и на личном, неофициальном характере взаимоотношений между главой семьи и ее членами. Традиционная легитимность отличается крепостью. Поэтому, считал М.Вебер, для стабильности демократии полезно сохранение наследственного монарха, что подкрепляет авторитет государства многовековыми традициями уважения к власти.

2. Харизматическая легитимность. Она основана на вере в исключительные качества, отличный дар, то есть харизма, руководителя, которого иногда даже обожают, создают культ его личности. Харизматический способ легитимации часто наблюдается в периоды революционных изменений, когда новая власть для признания населением не может опереться на авторитет традиций или демократически выраженной воли большинства. В этом случае сознательно культивируется величие самой личности вождя, авторитет которой освящает институты власти, способствует их признанию и принятию населением. Харизматическая легитимность базируется на вере и не совсем рациональном отношении между вождем и массой.

3. Рационально-правовая (демократическая) легитимность. Ее источником выступает интерес, который побуждает людей подчиняться рационально, то есть на основе демократических процедур, решением правительства, сформированного по общепризнанным правилам. В таком государстве подчиняются не личности руководителя, а законам, в рамках которых избираются и действуют представители власти.

Рационально-правовая легитимность характерна для демократических стран. Это преимущественно структурная или институциональная легитимность, основанная на доверии граждан к устройству государства, а не к отдельным лицам. (ли наблюдается персональная легитимность). Хотя нередко, особенно в молодых демократиях, легитимность власти может основываться не столько на уважении выборных институтов, сколько на авторитете конкретной персоны руководителя государства. В современном мире легитимность власти нередко отождествляется только с ее демократической легитимностью.

Легитимность власти не ограничивается ее тремя, уже устоявшимися классическими типами. Есть и другие методы легитимации и, соответственно, типы легитимности. Один из них – идеологическая легитимность. Ее суть состоит в оправдании власти с помощью идеологии,

вносимой в массовое сознание. Идеология обосновывает соответствие власти интересам народа, нации или класса, его право управлять. В зависимости от того, к кому обращается идеология и какие идеи она использует, идеологическая легитимность может быть классовой или националистической.

В странах командно-административного социализма была широко распространена классовая легитимность. Во второй половине XX в. многие молодые государства в попытках получить признание и поддержку населения очень часто прибегают к националистической легитимации своей власти, нередко устанавливая этнократические режимы.

Идеологическая легитимация основывается на внедрении в сознание и подсознание людей определенной «официальной» идеологии посредством методов убеждения и внушения. Однако, в отличие от рационально-правовой легитимации, обращаясь к сознанию, разуму, она - однонаправленный процесс, не подразумевающий обратных связей, свободного участия граждан в формировании идеологических платформ или их выборе.

Упомянем и о концепции В.Нерсесянца о либертарно-юридической теории права, заключающейся в отличии закона (положительного права) от права как более совершенного порядка. Закон правовой, если он воплощает в себе формально-абстрактное равенство, свободу и справедливость. По В. Нерсесянцу, это представляется в виде дилеммы – или свобода в правовой форме равенства или произвол в разных проявлениях. Свобода человека во взаимоотношениях с другими людьми возможна только в пределах действия формального равенства, в рамках которого один человек равен другому, следовательно, независим от него, а значит – свободен.

Право – это нормативная форма не только справедливости, но и формального равенства и свободы. Эта триада невозможна без правовой демократии как системы политических институтов, являющихся институциональной формой свободы.

Легитимность власти коренится в политической культуре населения и означает ее соответствие представлениям граждан. Однако их отношение к власти может быть не только с позиций норм нравственности, но и инструментальным – оценивающим ее с точки зрения того, что она дает или может дать людям. Такое инструментальное отношение между гражданами и властями характеризуется понятием эффективности.

Эффективность власти – это ее результативность, степень выполнения ею своих функций в политической системе и обществе, реализации ожиданий граждан и, прежде всего, самых влиятельных слоев – элит. В современных условиях легитимность и эффективность власти – два важнейших фактора ее стабильности, доверия и поддержка ее гражданами.

Несмотря на мотивационные отличия, легитимность и эффективность власти взаимосвязаны. В конечном счете любые типы легитимности власти очень во многом определяются надеждами населения на ее эффективность, то есть удовлетворение его требований. Многие авторитарные режимы, первично страдающие дефицитом легитимности, например в Чили, Южной Корее, Бразилии, впоследствии в значительной степени приобрели ее благодаря успешной экономической политике, укреплению общественного порядка и повышению благосостояния населения.

Однако добиться эффективности, не обладая легитимностью, то есть одобрением и поддержкой граждан, достаточно сложно. В наши дни многие государства переживают кризис легитимности. На протяжении многих десятилетий особенно остро это проявилось в форме политической нестабильности, частых государственных переворотах в «третьем мире». В последние годы проблема легитимности стала крайне актуальна для большинства посткоммунистических стран. Это связано с разрушением там традиционных, идеологических и харизматических механизмов легитимации, с отсутствием многих зрелых предпосылок, необходимых для демократии, и низкой эффективностью власти, сформированной по демократическим процедурам.

Неспособность правящих режимов таких государств вывести свои страны из кризиса подрывает доверие населения к рационально-правовым способам легитимации. Для большинства из них, в условиях слабо укоренившихся в политической культуре демократических ценностей, укрепление легитимности власти возможно прежде всего на пути практической демонстрации способности решать острые экономические и социальные проблемы.

Политическая власть распределена в обществе неравномерно. В любой стране мира, как в древности, так и сегодня, большинство людей не принимают непосредственного систематического участия в политике и управлении государством. Даже в условиях демократии, основанной на признании граждан, народа источником власти, реальными повседневными ее носителями являются политические элиты и лидеры.

Когда протесты продуцируют идеи трансформации демократии в правовую, речь идет о становлении новых правил политической жизни; когда сакральность власти уходит в прошлое и на смену ей приходит социум как регулятор и контроллер; когда меняется философия ответственности власти и общества и т.д., тогда меняется и отношение к происходящему. Во всяком случае, любые протесты являются индикаторами проблемы.

Понятно, что нужно выстраивать диалог. Трансформация государственности в правовую происходит из-за смены режимов. Надежда на появление сверхдемократического демиурга, меняющего Конституцию и отказывающегося от режима персоналиста, сложно реализуема. Достаточно вспомнить многообещающие декларации лидеров политических режимов, их «выразительные невнятности» во время правления. Субъект (власть) всегда стремится к абсолютной свободе, сложно смиряется с ограничениями, контролем и требованиями объекта (индивида и социума); постоянно сопротивляется, прибегает к всяческим приемам, чтобы свергнуть с себя «пути» законов, склонный к вседозволенности. Это неустраняемая фундаментальная закономерность. Она действует, пока существует сама

власть. Отсюда постоянное мимикрирование: тот, кто по пути к власти требовал ее жесткого покорения Конституции, контроля со стороны социума и неотвратимости наказания, часто действует прямо противоположно. В этой связи превращение государства моментальными усилиями вызывает, по крайней мере, большие сомнения.

Выход, по мнению Т. Дая и Л. Зиглера, в следующей изоощренной конструкции. Они видят противоречие демократии в том, что демократия – правление народа, а сохранение ее возложено на плечи элит. В этом состоит ирония демократии: элиты должны мудро править, чтобы правление народа выжило. Здесь может помочь правовая демократия, культивированию которой препятствует и имеющееся отчуждение объекта от права, то есть так называемая правовая алиенация. Право фактически – это правовой закон как результат правотворческой деятельности правового государства. Объект, отчужденный в сфере права, как правило, отстранен от права, то есть гарантированной возможности реализовать свои потенции в социально значимой форме, со значимым для социума результатом.

Правовая алиенация хотя и многосложный, но, по сути, двусторонний процесс: речь идет об отношении к закону субъекта, санкционирующего употребление законов и окончательно определяющего их содержание, и объекту, который соотносит тем или иным образом свое поведение с этими законами. Они не вполне совпадают, и в этом их противоречие [8, с. 134-135]. Проще говоря, субъект – законодатель, творит право, объект же – право применяет. Фактически, противоречие должно устраняться в полностью демократическом обществе, то есть при правовой демократии. При ней и субъект и объект отчуждения должны перманентно меняться местами на основе, как предлагает Габермас, этики коммуникативного дискурса.

Суть его в универсальной демократической процедуре выработки справедливого решения социальных проблем на основе всеобъемлющего компромисса. Однако это отсутствует. Поэтому существующий законодательный процесс способствует правовому отчуждению. Гласность

законопроектов усечена, каналы обратной связи практически либо сужены, либо заблокированы. Власть, даже подвергаясь социальному давлению, не отслеживает исполнение изданного акта. Часто невозможность адекватного исполнения законов из-за несовершенства и самих законов и механизмов их употребления приводит к пику правового отчуждения[9, с. 143].

Нередко субъект, навязывая свою свободу, навязывает и свой корпоративный (номенклатурно-бюрократический) интерес. В этом смысле закон носит корпоративный, групповой характер. И объект становится отчужденным. Ему не до права: ни государство не дает ему возможности участвовать в законодательном процессе, нет желания влиять как-то на него. Недавний опыт, связанный с отстранением объекта от процедуры приватизации собственности в постсоветских государствах, свидетельствует об этом.

Справедливость закона состоит из справедливости целей нормативно-правового установления, избранных способов правового регулирования и формы правового закона. Это можно расшифровать следующим образом:

- цель закона должна отражать интересы народа;
- принятие закона должно «исторически назреть», то есть должно быть запрошено исторической необходимостью;
- закон должен приниматься только для достижения реальных целей, т.е. обеспеченных необходимыми средствами и ресурсами;
- закон должен предусматривать только такие методы правового регулирования, которые нравственно оправданы для достижения конкретных правовых целей.

Что касается остальных качеств правового закона (формальное равенство и свобода), то главное в том, что для концепта правовой демократии их выделение в нравственном, социальном и политическом плане можно было бы считать достаточным. Но этого не хватает для рассмотрения в практическом срезе. К примеру, одним из доводов разделения законов на

правовые и неправовые считается отсутствие четких критериев для этого. Признаки равенства, свободы и справедливости при характеристике права носят отвлеченный характер и допускают неоднозначное толкование. Мнения о справедливости, равенстве и свободы могут быть разными как у законодателя, так и того, кто это право применяет.

Легитимность сегодняшних режимов зависит в значительной степени, как стало очевидно им уже с окончания Второй мировой войны, от эффективного осуществления курса интенсивного экономического роста. И если темпы экономического роста становится трудно поддерживаемыми и намечается тенденция к спаду в результате достижения как физических, так и социальных пределов этого роста, легитимность требует пересмотра своих устоев.

Выводы. Легальность – это понятие, выражающее формально-юридическую законность, объектом которой могут быть власть, политические институты, политическая деятельность. Легальность устанавливается и гарантируется властями. В отличие от легитимности, которая может быть харизматичной, легальность – рациональна. Форма легальной институализации власти – законодательство, в том числе акты избрания парламента, президента и т.д. Для граждан легальность заключается в соблюдении законов и их исполнении.

Легитимация – это процедура общественного признания действия, события или факта. Легитимность возникает вследствие легитимации. Легитимация государственной власти как динамический процесс достижения и формирования легитимности, с одной стороны, представляет собой процесс обретения государственной властью легитимного статуса, с другой – процесс приведения деятельности государственной власти в соответствие с системой ожиданий общества, во многом определяемых его особенностями и состоянием развития.

Понятия легитимность и легальность (законность) не тождественны. Легитимность – это категория, имеющая самостоятельное от других

терминов содержание, и в отличие от законности (легальности) характеризует не объективные, а субъективные аспекты, а именно – признание субъектом права и государства. В связи с этим следует разграничить легитимность и легальность, поскольку отождествление этих категорий современными юристами приводит к приравниванию понятия легитимности к законности.

Список источников

1. Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 65-73
2. Куждряшова М.С. Легальность и легитимность власти // Вестник МГУ. Серия 12. Социально-политические исследования. – 1994. – № 2. – С. 3-28
3. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
4. Завершинский К. Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие // Журнал Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 113.
5. Актуальные проблемы правовой теории государства : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С.В. Зыкова [и др.]. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 183 с.
6. Рябов А. В. Легальность и легитимность власти // Журнал Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 187.
7. Избранные произведения / М. Вебер ; Перевод с немецкого ; сост., общ. ред. и послесл. д.фил.н. Ю.Н. Давыдова ; предисл. д.фил.н. П.П. Гайденко. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.
8. Гулиев В.Е. Отчужденное государство / В.Е. Гулиев, А.В. Колесников. – Москва : Манускрипт, 1998. – 213 с.
9. Бусова Н.А. Модернизация, рациональность и право / Н.А. Бусова. – Харьков: Изд-во «Прометей-Пресс», 2004. – 351 с.

УДК 340.1

ЮРИДИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Щербинина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: sherbinina@donnu.ru

Лубинская Елена Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

E-mail: adabozpinar@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются Юридические модели коллективного правосознания. Автор делает вывод, что модели коллективного правосознания выражены через основные теории понимания права, что позволяет акцентировать внимание на положительных качествах права, а потому отразить эти качества на социальных группах.

Ключевые слова: правосознание, коллективное правосознание, естественное право, юридический позитивизм, историческая школа права, психологическая теория права, примиренская (интегрированная или интегральная) теория права.

Постановка проблемы. Формирование любых общественных отношений построено на реализации прогнозируемых, теоретически обоснованных или избранных путем заимствования моделей их развития. Это особенно заметно на современном этапе развития различных государств. Причем моделирование используется не только в государственных институтах, но и в более личностных связях, в частности, таких как семья, дружба, любовь и т.д. Нередки случаи переноса лицом модели отношений в семье родителей на свои межличностные связи с другими людьми. Примером может выступать проявление склонности к насилию в будущем ребенка, один из родителей которого совершал насилие в отношении другого. Хотя, в этом случае может проявиться положительное качество моделирования, а именно отражение в сознании ребенка отрицательной модели семейных отношений, реализацию которой он будет стремиться избегать в будущем.

Формирование рыночных отношений также не обошлось без заимствования различных образцов (моделей) корпоративного управления бизнесом (ведение дел). В правозащитной деятельности приобрело распространение создания адвокатских фирм партнерского типа.

Таким образом, моделирование занимает важное место в жизни каждого человека и общества в целом, и зависит от характера и условий его окружающей среды. Однако, что непосредственно в праве, а также развитии, формированию правовых отношений моделирование занимает одно из последних мест, поэтому изучение моделей коллективного правосознания имеет большое значение и требует дальнейшей разработки.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. Значительный вклад в разработку категории «правосознания» внесли ученые имперского и советского периодов, а именно: М. Алексеев, Ю. Антонян, Н. Бура, И. Ильин, Б. Кистяковский, М. Козюбра, А. Лукашева, П. Новгородцев, Л. Петражицкий, П. Рабинович, И. Рябко, Е. Трубецкий, И. Фарбер, В. Чефранов, Б. Чичерин, Г. Шершеневич и другие. В современном периоде следует отметить таких отечественных ученых: Т. Гарасимов, А. Данильян, Ю. Дмитриенко, А. Деменко, Д. Ермоленко, Ю. Калиновский, М. Кельман, В. Коновалова, О. Скакун и др.

Теоретической основой исследования стали труды ученых по направлениям юриспруденции, философии, психологии и социологии. В рамках юриспруденции преимущественно использованы труды ученых в областях общей теории права, философии права и специальных юридических наук по методологии исследований. Кроме названных выше ученых, данной проблематикой занимались И. Кант, В. Ф. Гегель, Г. Келли, Е. Кузьмина, Р. Мертон, А. Москаленко, А. Новикова, Д. Новикова, Т. Ньюком, С. Рубинштейн, Т. Тарахоньч, Э. Фромм и др.

Цель исследования. Целью исследования является юридическое моделирование коллективного правосознания.

Основные результаты исследования. Довольно справедливо по поводу озвученного выше вопроса высказал научное видение профессор М. Кельман, что «В общем виде научная модель, безусловно, может пониматься буквально как мысленный образ, однако считается, что такой уровень обобщения резко снижает эвристические возможности теоретического моделирования, хотя такой подход к вопросу достаточно распространен среди ученых. ... Дело в том, что теоретическая модель, по существу, «копирует» не сам объект, а лишь его определенные свойства. Если бы удалось модельно представлять объект во всех его свойствах, проявлениях и функциях, то мы бы получили не модель объекта, а его копию. Таким образом, прежде чем конструировать научную модель, необходимо провести научные исследования избранных свойств, осуществить формирование определенных представлений и знаний об этих свойствах, то есть то, что иногда называют предмодельными разработками.

Имеем риск получить определенную репрезентацию объекта, находящегося с ним не в модельных отношениях, а, например, в иллюстративных (макет). Итак, модельное отражение научного типа получается при предыдущей аналитической работе в рамках познавательных целей ученого» [1, с. 246–247].

Учитывая указанную научную позицию, приходим к выводу, что поскольку правосознание проявляет себя в осознании ценности права, то для формирования модели последней важно проанализировать понимание права, его общественную сущность на конкретном этапе.

Так, в условиях Советского Союза, когда «господствовало» социалистическое право, которое в основном имело обязательственный и формализованный характер, эталон правосознания базировался на безусловном исполнении субъектами норм советского закона. Модель правосознания, в свою очередь, выражала классовую базу. В этот период ряд авторов отмечали: «И все же правосознание разных категорий населения в нашем обществе и на современном этапе его развития единственно только в

основном и главном. Оно и не может быть в условиях социализма, даже зрелого, тождественной во всем и для всех... Социалистическое правосознание не исключает и других отличий правосознания разных категорий населения. Это обусловлено тем, что общество в условиях зрелого социализма еще не полностью социально однородно. Еще не преодолены существенные отличия между классами, между городом и селом, а также между умственным и физическим трудом. Есть и другие отличия между отдельными категориями населения. Поэтому выделение отдельных категорий населения, особенно по их правосознанию, отдельным его сторонам, крайне затруднительно. Эта тяжесть проявляется еще и потому, что не всякое выделение той или иной категории населения имеет значение для анализа группового правосознания» [2, с. 89]. Достаточно аккуратный подход со стороны ученых к анализу группового правосознания по категориям населения выражен, по нашему мнению, тогдашним идеологическим партийным видением большой роли каждого класса для построения коммунизма, что не позволяло ученым критически оценить «отсталость» правосознания какого-либо из них. При таких условиях усложнялось формирование модели коллективного правосознания, когда невозможно было реально оценить все возможные аспекты его становления. Кроме того, моделирование коллективного правосознания и правосознания в целом отходило на задний план, поскольку зрелый социализм был лишь переходным этапом к коммунизму, а по ключевым идеям последнего такое явление как право обречено на отмирание, поэтому и моделирование эталона отношения субъектов к нему теряло, по нашему мнению, свое содержание.

Понимая, что ключевым пунктом правосознания является осознание ценности права, что неоднократно отмечается исследователями явления правосознания в ходе его познания, то считаем необходимым формирование моделей коллективного правового сознания охарактеризовать в зависимости от основных теорий (концепций) его (права) развития и функционирования. В рамках нашего исследования остановимся именно на природно-правовой,

позитивистской, исторической, психологической и социологической школах права без проведения глубокого анализа их возникновения, а принимая во внимание постулаты, касающиеся содержания и сущности права.

Наиболее плодотворным периодом в развитии теории естественного права, ее расцветом считается XVII-XVIII век. Идеи природного права активно использовали и развивали Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и др. Именно благодаря их усилиям сложилась школа естественного права, оказавшая значительное влияние на процесс развития как национального, так и международного права. Естественное право представлялось как кодекс правил, закреплявших политический и юридический идеалы. Все, что не соответствует или противоречит этим идеалам, должно быть изменено или отменено. Естественное право – это теоретическая доктрина, по которой источником права есть сама природа, а не воля законодателя. Человеку естественные права принадлежат от рождения, они заложены в самой его сущности и одинаковы для всех [3, с. 132].

Исходя из этой теории правосознание должно выражаться через следующие признаки: 1) естественное равенство всех людей, основанное на осознании субъектами правосознания принадлежности всем без исключения определенных прав (на жизнь, свободу, труд, социальное обеспечение, собственность и т.п.), которые не могут быть нарушены другими людьми или другими участниками правовых отношений; 2) лицо понимает, что оно наделено ими (правами) вследствие своего рождения и никто не вправе лишить его этих прав; 3) желаемое право отражается в сознании в качестве новых неотъемлемых гарантий и благ или в модифицированной реализации уже существующих; 4) осознание права как чего-то выше любых других общественных явлений или институтов, в частности института государства; 5) возникновение естественных прав базируется на нравственных, религиозных, этнических нормах, присущих этому обществу, а потому их

исполнение, как правило, не требует дополнительного разъяснения и осознания.

Приведенные нами модельные признаки правосознания в рамках природно-правовой доктрины характеризуют в основном положительные аспекты, отражающиеся в сознании личности. Однако, по нашему мнению, идеализация обществом теории естественного права может привести к негативным последствиям, а именно: 1) неоднозначному видению личностью, группой или обществом всей совокупности прав, наделенных им природой; 2) возможность возникновения конфликта на почве нежелания лицом признавать отдельные правила, признанные обществом, из-за собственной их интерпретации; 3) осознание того, что данные природой права не нуждаются в санкционировании со стороны государства, а существуют уже *argiōi*, может приводить к пренебрежению предоставления основополагающим правам и свободам формальной определенности.

Все же «естественно-правовая модель коллективного правосознания» проявляется в том, что наделенные природой права осознаются надлежащими представителям всего человечества, выражают волю большинства общества, общепризнаны, находятся в тесной взаимосвязи с потребностями каждого члена социума и, как правило, не влекут за собой сопротивление в общественном сознании из-за их реализации. Важной чертой правосознания по данному направлению в праве, по нашему мнению, является его общественное видение вне норм, принятых государством, поскольку они не всегда (по некомпетентности, коррупционной составляющей в органах власти и т.п.) выражают справедливость. Поэтому качественной основой этой модели будет желание членов социальных групп восстановить или улучшить состояние справедливости в обществе.

Причем социальная группа или общество в целом, акцентируя внимание на правах, наделенных каждому их члену природой, безусловно будет анализировать вновь принятые нормы на соответствие определенной ими степени свободы. Следует отметить, что такая мера свободы в данном

понимании может признаваться правом только в том случае, если она получает одобрительное отношение со стороны большинства. Уровень правосознания в обществе близок по своей сути с уровнем морали и культуры.

Следующей доктриной, безусловно заслуживающей внимания со стороны формирования моделей правосознания, выступает позитивистская. Позитивное право – действующее в определенном обществе право, рассматриваемое в аспекте его конкретно-определенного содержания и формы, то есть таким, каким оно непосредственно выступает как регулятор общественных отношений. Философской основой для развития природного права стала концепция юридического позитивизма. Ее представители – Дж. Остин (Англия), К. Бергом и П. Лаванд (Германия), Ж. П. Эсмен (Франция), Г. Ф. Шершеневич (Россия) – право рассматривали как позитив. Факт, не требующий особого аксиологического осмысления. С этой точки зрения дуализм природного и положительного права представители юридического позитивизма считали ошибкой спекулятивно-метафизической философии права. Они утверждали, что существует только положительное право (совокупность принимаемых государством норм), а все остальное составляет моральную оценку действующего положительного права. Такая оценка, по их мнению, субъективна, неоднородна и необязательна. Поэтому ее нужно исключить из юридической науки. Предметом последней должно быть «право в собственном смысле, положительное право, независимо от того, хорошее оно или плохое» [4, с. 617].

В этом смысле права, модель правосознания определяется как нормы, составляющие систему законодательства определенного государства. Положительным аспектом выступает осознание общественной необходимости предоставления правилам поведения юридической формы и содержания. Упрощается процедура накопления правовых знаний, их доведение до граждан с целью безусловного исполнения. На обыденном уровне отличается легкостью и простотой отношение к праву индивидами в

разных социальных группах, то есть норма, значит все без исключения должны ее выполнять. В такой среде достаточно беспрепятственной оказывается реализация общепринятого положения, что незнание законов не освобождает от юридической ответственности за их нарушение. В связи с тем, что принятие закона считается ключевым для регулирования общественных отношений. Однако роль правосознания сводится к накоплению ее субъектами правовых знаний, а именно положений нормативно-правовых актов, без цели осуществления их должной оценки. Такое положение вещей способно повлиять на явление конформизма в обществе через приспособление к сложившимся правилам поведения и в дальнейшем нежелание изменять истинную правовую реальность. Хотя, эта же реальность может претерпевать быстротечные изменения, поскольку в такой среде изменения проводятся путем принятия нового правового акта. В таких условиях важное место в регулировании общественных отношений занимает правосознание субъектов законодательной инициативы и представительных органов законодательной власти. Поскольку ценными могут признаваться только формализованные и/или санкционированные государством правовые нормы, то правосознание по этому подходу, по нашему мнению, определяется, как правило, по нисходящей линии «правосознание власти – правосознание народа», то есть ключевое место остается за властью.

Исходя из положений исторической школы права (Германия в конце XVIII в. – Г. Гуго, К. Савиньи, Г. Пухта), которая получила название по основному положению своей концепции, что право каждого народа является его историческим наследием, то есть объективным процессом исторической жизни каждого народа. Она отвергла разделение права на естественное и положительное, присущее естественно-правовой теории, и заявила, что существует одно национальное право, которое находится в длительной эволюции (от обычаев и традиций до положительного права) вместе с народом – органически, медленно и бесконфликтно развивается вместе с его языком и обычаями. Настоящим источником национального права

признавался не закон, а обычай, являющийся воспроизведением «духа», сознания народа [5, с. 31].

Такая среда восприятия права обуславливает несколько схожие тенденции с естественно-правовой теорией относительно бесконфликтности аккумуляции лицами действующего права (однако имеет место другое основание), поскольку она является отражением в сознании всего народа сложившихся в течение определенного времени правил поведения, прошедших процедуру одобрения, основанного на опыте, то есть эмпирически. Защита этих норм (правил поведения) связана не столько с юридической ответственностью за их нарушение, а происходит путем применения общественного осуждения к нарушителю. Понятно, что процесс осознания правовых норм осуществляется постепенно в связи с социализацией индивида. Поэтому их усвоение не носит, как правило, характер негативного принуждения, поскольку соответствует реалиям правового состояния общества.

Несмотря на положительные аспекты аккумуляции в сознании правовых норм, основанных на обычаях, и довольно несложную, как правило, их реализацию, все же изменение правового состояния в обществе (нами учитывается именно улучшение состояния) происходит в такой среде довольно медленно из-за необходимости прохождения стадии многократного использования правил поведения и может вызывать конфликт на уровне правовой психологии по поводу заимствования и санкционирования норм права у других культурных или этнических сообществ. Желательное право в данном случае воспринимается только через устоявшееся правило поведения, поэтому новопринятые нормы с целью регулирования скоротечных отношений в обществе могут отражаться негативно в сознании большинства его членов. Такая система права характеризуется своеобразной этнической или культурной «замкнутостью», хотя положительным остается национальный признак права и соответственно правового сознания.

В социальных группах и обществе в целом всегда оказывается «постоянно действующая» национальная составляющая правосознания, благодаря которой сохраняется правовая ментальность нации, ее «правовая самоопределенность».

Психологическая теория, представителями которой являются Л. Петражицкий, Г. Тард, Л. Кнапп и др., признает правом конкретную психологическую реальность – правовые эмоции человека. Последние носят императивно-атрибутивный характер и делятся на: 1) переживание положительного права, установленное государством; 2) переживание интуитивного, особого права. Интуитивное право выступает регулятором поведения человека, потому рассматривается как реальное, действенное право. Положительным в этой теории, является то, что теория обращает внимание на одну из важных сторон правовой системы – психологическую. И это соответствует действительности, ведь невозможно готовить и издавать законы, не изучая уровень правовой культуры и правосознания в обществе, нельзя и применять законы, не считая психологических особенностей индивида. Недостатками этой теории являются ее односторонний характер, отрыв от объективной реальности, невозможность в ее рамках структурировать право, отличать его от других социально-регулятивных явлений [6, с. 196].

Учитывая позицию вышеуказанных ученых, отметим, что выражая право через психологические аспекты личности, правовое сознание будет характеризоваться в основном обыденностью восприятия права. Так как эмоции присущи всем без исключения людям, а их формирование в сознании напрямую зависит от условий окружающей среды, в которой находится лицо, то основой его правовых рефлексий будет выступать правосознание социальной группы. Заметим, что социальная группа в этом ракурсе может делать двоякую функцию. Во-первых, сдерживающим фактором выражения правовых эмоций (придание внешней формы через юридически значимые действия), за счет коллективного воздействия, а во-вторых, наоборот,

оказывать «коллективный толчок» к действию, порождающему юридические последствия.

Модель правосознания коллектива, построенная на данном подходе к праву, должна выражаться с положительной стороны близостью к идеям справедливости, гуманности права, поскольку правовые эмоции и интуиция детерминируются моральными устоями общества, однако присутствует угроза отождествления права («его обвинения») с политической или экономической ситуацией, сложившаяся в государстве. Данный эффект, если смоделировать право по образцу психологического направления, способен проявляться в странах с низким уровнем социальной защиты населения. Возникает общественное «уныние» к регулировочным возможностям норм позитивного права из-за невозможности удовлетворения ими общественных интересов, связанных с экономическим благосостоянием и стабильностью. Данная ситуация может спровоцировать явление деформации правосознания, которое, несмотря на преобладающие положительные качества интуитивного права (справедливость, равенство, гуманность и т.п.), может провоцировать удовлетворение таких интересов неправовым путем.

Следует отметить, что именно «психологическая модель правового сознания» может характеризоваться значительной «ломкостью» по сравнению с вышеприведенными нами, поскольку построена на эмоциональном восприятии права. Любое лицо наделено природой специфическими психологическими особенностями, присущей ему устойчивостью к стрессовым или конфликтным ситуациям. Поэтому мы считаем, что коллективное выражение (моделирование) правосознания, учитывая психологическую концепцию права, усложняется длительным процессом формирования социальных групп, в связи с тяжестью контроля правовых настроений их субъектов. Тем не менее, сформированные общими правовыми идеями группы способны активно участвовать в реформации

правового положения в обществе, учитывая коллективное видение правовой реальности.

Социологическая теория права зародилась в середине XIX в. Ее представителями были Л. Дюги, С. Муромцев, Е. Эрлих, Г. Гурвич, Р. Паунд. Социальная теория рассматривает право как эмпирическое явление. Основной довод ее состоит в том, что «право следует искать не в норме или психике, а в реальной жизни». В основу права положены общественные отношения, защищенные государством. Нормы закона, правосознание не отрицаются, но и не признаются правом. Они являются признаками права, а само право – это порядок в публичных отношениях, в действиях людей [7, с. 196].

Исходя из положений данной теории правовое сознание следует определять как производное явление от права. Само же правосознание «теряется» в русле общественных отношений и таким образом, не может служить идейной основой. В этом аспекте желаемое право не формируется за счет правовых взглядов, оценок, теорий, а «строится» самими правовыми отношениями, преимущественно уже при наступлении определенного юридического события или даже после.

Понятно, что какое бы место (в данном случае второстепенное) ни занимало правосознание в правовом регулировании, все же «бремя правоприменительной практики ложится на его плечи». Имеет место оценка юридической ситуации, в зависимости от социально настроенных общественных отношений.

Характерной чертой правосознания будет его общественная направленность, отражение его (общества) существующих реалий. Каждый член социума может быть создателем юридического права, вследствие своего видения регулирования отношений в обществе, а также вследствие повышенной роли субъектов правоотношений в их регулировании.

Важное значение на формирование общественного правосознания отводится правовому опыту, основанному на непосредственном участии

субъектов в процессе их собственной социальной адаптации. Представление о праве характеризуется не столько формальной определенностью, а как динамический элемент строения социума, поскольку оно (право) воспринимается как регулятор отношений, уже нуждающихся в этом регулировании. Ценность права отражается в сознании индивидов, социальных групп как определенная его черта, благодаря которой право способно разрешить конфликтную ситуацию в рамках социальной направленности общества. Причем акцент не делается на действующих правовых нормах, а во внимание принимаются общепризнанные принципы права, накладывая их на условия такой юридической ситуации.

По нашему мнению, в контексте социологической теории права проблема возникает с общественным видением будущей правовой среды, из-за ограничения права реальным состоянием отношений в таком обществе. Модель правосознания в большинстве своем выражает критику регулирования правовых отношений, опираясь на социальную адаптированность качественных устоев общества.

Следует отметить, что предложенные нами характеристики формирования коллективного правосознания построены на вышеизложенных концепциях возникновения и понимания права в их (концепциях) чистом виде и показывают исключительно зависимость моделирования правосознания от теоретически обоснованных правовых позиций в определенном обществе.

Нами не зря была оставлена без внимания одна из наиболее популярных правовых теорий в наши дни – примиренская (интегрированная или интегральная) (Д. Холл, Э. Аннерс, Г. Берман, В. Кравитц, У. Проберт, А. Поляков, Ю. Хабермас). Поскольку последняя сочетает положительные качества вышеперечисленных концепций и позволяет более качественно подойти к пониманию правового сознания. Она основана на положении, что каждая из трех классических конкурирующих теорий – природно-правовая, юридико-позитивистская, социологическая (к ней некоторые из указанных

ученых относят также и историческую школу права) – выделяла только одну из исходных форм бытия права и исключала другие, тогда согласно этой теории, все они должны быть примирены путем широкого определения права. Термин «интегрированная юриспруденция» введен профессором Джеромом Холлом. Он объединил идею о нравственной ценности права (теория природного права), идею о социальных условиях формирования и функционирования права (социологическая теория права), идею о юридических понятиях и терминах (позитивистская теория права); определил право как тип социального действия, процесс, при котором нормы права, ценности и факты срастаются и актуализируются законотворчеством. Эту теорию называют примиренской и потому, что она ставит во главу угла среди функций права ее социальную коммуникативную, компромиссную функцию, трактует право как примирителя конфликтных ситуаций [8, с. 34-35].

По данному подходу к пониманию права возникает возможность построения модели правосознания, которая будет приближаться к «идеальной», через способность шире охватить теоретическую плоскость сложившихся на данном этапе развития цивилизации идей развития и функционирования права.

Выводы.

В данной статье через обоснованную гипотезу относительно понимания правосознания как идейной основы права, в том числе первоисточника его становления сформулировано определение правосознания, интегрированное в понятие коллективного правосознания – это форма коллективного сознания, охватываемая системой когнитивных, волевых, аффективных процессов желаемого права и деятельности связанной с ним, выступает идейным источником формирования права, первоисточником его становления через осознание его ценности коллективными образованиями в качестве регулятора общественных отношений.

Модели коллективного правосознания выражены через основные теории понимания права, что позволило акцентировать внимание на положительных качествах права, а потому отразить эти качества на социальных группах.

Список источников

1. Кельман М. С. Юридична наука як об'єкт методологічного дослідження / М. С. Кельман. – Тернопіль: Тернограф, 2009. – 288 с.
2. Зенин В. П. Правовое воспитание и социальная активность населения: монография / В. П. Зенин, Н. И. Козюбра, В. В. Оксамытный. – Киев: Наукова думка, 1979. – 328 с.
3. Юридическая энциклопедия / Под общ. ред. Б. Н. Топорнина. – М.: Юристъ., 2001. – 1366 с.
4. Юридическая энциклопедия / Под. ред. Тихомирова М.Ю. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юринформцентр, 2014. – 972 с.
5. Йолон П. Ф. Методологическое сознание в современной науке / П.Ф. Йолон, С.Б. Крымский, Б.А. Парахонский. – Киев: Наукова Думка, 1989. – 336 с.
6. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. Пособие / Л.А. Микешина. – Москва: Прогресс – Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
7. Москаленко А.Т. Методология в сфере теории и практики / А.Т. Москаленко, А.А. Погорадзе, А.А. Чечулин. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1988. – 306 с.
8. Методология развития научного знания / МГУ; Ю.В. Ивлев. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 160 с.

УДК 340.1

КЛАССИФИКАЦИЯ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Щербинина Елена Владимировна

*кандидат исторических наук, доцент,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: scherbinina@mail.ru*

Мартынюк Владислав Сергеевич

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: vladislav.martynuk.98@mail.ru*

Аннотация. В данной статье анализируются вопросы классификации функций государства, их научной и практической трактовки различными юристами. Кроме того, в данной статье рассматриваются основные направления деятельности государства в целом.

Ключевые слова: общество, функции государства, классификация, виды.

Постановка проблемы. Классификация функций государства в современной науке занимает особое место, поскольку она в первую очередь выступает как средство систематизации. Многие ученые отмечают, что классификация функций государства, прежде всего, является предпосылкой для усиленного научного анализа исследуемого объекта. Классификация функций государства должна основываться на наиболее существенных признаках, которые имеют объективный характер и способствуют упорядочению материала в соответствии с его внутренней связью, но на сегодняшний день вопрос о классификации функций государства остается дискуссионным в юридической литературе.

Анализ предыдущих исследований и публикаций. В целом вопросы, связанные с классификацией функций государства в своих трудах исследовали такие ученые как: В.К. Бабаев, О.Ф. Скакун, Е.А. Зорченко, Л.И. Спиридонов, В.М. Корельский, М.Н. Марченко, Л.А. Морозова, и др.

Цель исследования – проанализировать основные подходы к классификации функций государства.

Основные результаты исследования. К основным можно отнести классификацию функций государства, основанную на принципе разделения властей [1, с. 223]. Соответственно, функции делятся на законодательные (законотворческие), управленческие и судебные. Особенность данной классификации заключается в том, что она отражает процедуру реализации власти. Каждая из этих функций осуществляется, как правило, не одним, а совокупностью органов, принадлежащих к определенной ветви власти – законодательной (представительной), исполнительной, судебной.

Функции государства – это деятельность государства, основывающаяся на единстве и целостности всех отдельных элементов структуры государства. В теории государства наиболее распространенным и признанным выступает деление функций (по направленности) на внутренние и внешние, такие, которые существуют для определения деятельности государства по отношению к обществу (внутренняя функция), и по отношению к другому государству – организованные общества, другое государство (внешняя функция) [2, с. 56].

Одной из существующих в доктрине классификаций функций государства выступает их разделение на основные (главные) и неосновные (второстепенные). Это разделение условно, потому что: во-первых, нет объективного критерия для разграничения функций на базовые и неосновные, и если мы будем опираться на разные критерии, то по законам логики результаты такого разделения будут разными и неоднозначными, из-за чего мы не добьемся единообразия в понимании функций государства; во-вторых, государственность – это исторически развивающееся явление, проходящее через чередующиеся, противоположные фазы в своем развитии, и однажды основная функция может стать неосновной и наоборот. Поэтому предлагаемая классификация является неопределенной, что препятствует раскрытию связей между изучаемыми объектами [3, с. 117].

По отношению к функциям, которые вытекают из сущностной природы любого общества, то к ним относится деятельность государства,

направленная на создание и реализацию естественных условий существования общества. Вместе с тем, достаточно трудно привести их исчерпывающий перечень и утверждать, что они выполняются каким-либо государством, поскольку с изменением государственных целей и задач могут возникать новые функции или исчезать старые.

По мнению профессора Л.И. Спиридонова, существует общая функция государства, которая реализуется в его внешних и внутренних функциях [4, с. 167]. Оценивая такое высказывание стоит прежде всего сделать вывод, что такое распределение недостаточно обосновано, поскольку неясно, что такое «функция, реализованная в функциях» или «функция функций».

Основным признаком современного государства выступает потеря его жесткой классовой организации. Поэтому не всегда возможно провести различие между классовыми и общими социальными функциями.

В юридической науке существует большое разнообразие подходов к классификации функций государства. Это влечет за собой создание различных критериев классификаций. В качестве основы классификации зачастую избирают объекты и сферы государственной деятельности, масштаб территории, метод воздействия на общественные отношения и т.д.

При осуществлении классификации по сфере охвата, различают внутренние и внешние функции государства. Правильность такого разделения, прежде всего, основывается на реализации двух свойств феномена системы, как внутренние взаимоотношения элементов и отношения целостной системы к внешней среде. В указанном подходе к классификации также существует некая логическая связь с категорией «государственный суверенитет».

Таким образом, внутренние функции направлены на разрешение внутренних конфликтов страны, и отображают уровень влияния государства на общество в целом, а внешние функции направлены на определение и реализацию отношений, связанных с другими государствами. Внутренние и внешние функции тесно взаимосвязанные и взаимно дополняют друг друга.

В современной юридической науке не существует единых подходов к классификации таких функций. Различные авторы делают акцент на различных направлениях деятельности государства. Вместе с тем, различные государственные функции, в зависимости от понимания проблемы, относят, так или иначе, к внешним или внутренним.

Так, Л.А. Морозова относит к внутренним функциям государства такие, как политическая, экономическая, социальная, экологическая, защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка. Такие функции, как функция интеграции в мировую экономику, оборона, поддержание мирового порядка, сотрудничество с другими государствами, определяются как внешние [5, с. 98-108].

В.М. Корельский в качестве внутренних функций государства рассматривает защиту форм собственности, правопорядка, природы и окружающей среды, экономическую и социальную функции [6, с. 311]. К внешним функциям ученый относит защиту страны от внешних нападений, ведение агрессивных войн, взаимовыгодную торговлю и поддержание мира.

Исходя из рассмотренных выше подходов стоит сделать вывод, что прежде всего функции государства фактически классифицируются не по направлению деятельности государства (внутренняя/внешняя), а по конкретной сфере общественных отношений, которые не всегда определяются общей сферой деятельности и могут существовать как внутри государства, так и за его пределами, без конкретной привязки.

Например, по мнению некоторых авторов, политическая функция находит реализацию как внутри государства, так и за рубежом государства, в процессе отношений с другими государствами (внутренняя и внешняя политика). Схожая по принципу реализации и экономическая функция, которая осуществляется не только через внутреннюю деятельность, но и через международные экономические отношения. Не является исключительно внутренней и экологическая функция, которая в последние годы благодаря различным экологическим проблемам приобрела глобальное

и интернациональное значение. Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что по той же причине невозможно рассматривать чисто внутренними функции государства, такие как защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка и другие. Вместе с тем, существует мнение, что такая функция, как поддержание мира, является только внешней, что по нашему мнению ошибочно, поскольку мир может быть нарушен не только извне (агрессия), но и подорван изнутри (гражданская война, вооруженные этнические конфликты и т.д.), что в свою очередь выступает уже внутренним конфликтом, и соответственно вышеуказанная функция выступает и внутренней также.

Критерий деления функций на внешний и внутренний позволяет выделить следующие три группы государственных функций:

1) внутренние функции государства – это такие основные направления государственной деятельности, которые осуществляются ограничено, и реализация зачастую ограничивается юрисдикционной территорией государства (функции обеспечения стабильности и защиты государственной системы, налогообложения, финансового контроля и т.д.);

2) внешние функции государства – это направления деятельности государства на международной арене (функции защиты от внешней агрессии, международного сотрудничества и т.д.);

3) комплексные (универсальные) функции – такие функции находят свою реализацию как во внешней, так и во внутренней сфере (политические (включая поддержание мира и социальной гармонии в обществе), экономические, социальные функции, охрана правопорядка, информационно-коммуникационная функция и т.д.).

Помимо классификационного критерия, такого как сфера охвата, существует также такой критерий, как социальная значимость. Его объективность обусловлена также природой феномена системы, предполагающей наличие таких свойств, как иерархичность и

многоуровневость [7, с. 99]. Согласно этой классификации функции государства делятся на основные и производные.

Основные функции государства, как правило, включают в себя наиболее важные, приоритетные направления деятельности государства в определенный исторический период. Они связаны с выполнением основных государственных задач.

Основные функции относятся к государственной деятельности в целом, но в то же время в той или иной степени выполняются всеми или многими государственными органами. Объектом этих функций являются не отдельные узкие сферы общественной жизни и группы людей, а социальная система как единый организм или ее подсистемы (экономическая, социальная структура, политическая, духовная).

Подход, при котором функции государства рассматриваются в аспекте его (государства) сущности, также представляется интересным, хотя и в достаточной степени требующим обсуждения. При этом тезис о том, что «в деятельности государства присутствуют как классовые, так и общесоциальные принципы», основан на выделении соответственно двух групп государственных функций, классовой и общесоциальной природы [8, с. 227]. Предполагается, что приоритет одного из этих типов функций в системе характеризует сущность этого состояния в целом.

Кроме того, временные параметры выделяются как основа для классификации функций государства. В соответствии с выполненным критерием функции делятся на постоянные и временные функции.

Постоянные функции выполняет государство на всех этапах своего развития; они наиболее четко выражают сущность государства и, как правило, определяют само существование государства как целостной системы. В этом смысле постоянные функции, как правило, являются основными (например, правоохранные органы, государственная оборона и т. д.). Такие функции позволяют государству поддерживать

должный уровень развития общества. В свою очередь существование государства без таких функций многими учеными ставится под вопрос.

Временные функции возникают на определенном историческом этапе, их значение определяется конкретным историческим моментом в зависимости от возникшей временной необходимости. Продолжительность их существования может быть самой разной (долгосрочной или краткосрочной), но их наличие не характеризует государство как отдельное социальное явление (в этом смысле они соответствуют понятию производных функций), и при отсутствии соответствующих обстоятельств государство не обязано выполнять эти функции. При этом само государство в целом продолжает функционировать как система (например, ликвидация стихийных бедствий, техногенных катастроф, «восстановление мирной жизни» после войны и т. д.) [9, с. 267]. Существование таких функций зачастую направлено на порождение кратковременных благ.

Завершая рассмотрение этого вопроса, следует отметить, что функции отдельных государственных органов следует отличать от функций государства. Последние являются структурными элементами государственного механизма, осуществляющими функциональную деятельность в пределах, определенных их компетенцией. Деятельность отдельного органа является лишь частью деятельности государства, поэтому функции органа являются производными по отношению к функциям государства. Например, функцию законодательства можно рассматривать как функцию государства или как функцию государственного органа – Государственной Думы. Однако Государственная Дума имеет право разработать законопроект и принять закон и в то же время не имеет права придавать принятому закону юридическую силу. Это может быть сделано только государством в целом. В то же время реализация законодательной функции государства предполагает объединение законодательных функций нескольких государственных органов, которые, помимо рассматриваемой законодательной функции Государственной Думы, включают функции

Совета Федерации – органа, утверждающего закон Государственной Думы, Президента Российской Федерации, подписывающего закон, и, наконец, государственные СМИ, в которых определяется в чьих изданиях будет опубликован этот закон.

Функции государства реализуются в соответствующих формах и методах. Под формами реализации функций государства понимается однородная деятельность органов государства, посредством которых реализуются его функции.

Организационно-правовые формы осуществления государственной функции. Любая социальная функция реализуется в форме деятельности. Процесс осуществления функций государства не является исключением и предполагает различие правовых и противоправных (организационных) форм, в которых осуществляются сферы деятельности государства, обозначенные функциями. Правовые формы осуществления функций государства обычно включают законодательную, исполнительную и административно-правоприменительную деятельность [10, с. 17].

Законотворчество – это деятельность, направленная на подготовку, принятие и опубликование правовых актов, определяющих основные правила поведения в обществе и закрепляющих процедуры их применения, разрешение споров, возникающих в результате их применения, применение мер ответственности к правонарушителям.

Исполнительная и административная деятельность – это деятельность, направленная на реализацию диктата власти, исходящего от государства. Эффективность исполнительно-распорядительной работы зависит от того, реализуются ли принятые соответствующими государственными органами правовые акты в реальной жизни или же они исполняются исключительно благими пожеланиями законодательного органа. Основная нагрузка по обеспечению соблюдения государственных и правительственных постановлений ложится на руководящие органы (исполнительные и административные органы), возглавляемые правительством страны. Это

ежедневная работа по решению различных вопросов управления, для чего исполнительные и административные органы издают соответствующие акты (уставы), контролируют процессы выполнения задач, соблюдения запретов и т. д.

Правоохранительные органы – это деятельность соответствующих государственных органов, общественных организаций и сотрудников правоохранительных органов, которая включает в себя меры по предотвращению преступлений, разрешению споров, затрагивающих права и законные интересы физических и юридических лиц, и осуществлению мер правовой ответственности.

Противоправные (организационные) формы охватывают значительную часть организационно-подготовительной работы в процессе выполнения задач государства. Такая деятельность необходима для реализации функций государства. В то же время организационные действия не имеют прямого отношения к юридически значимым действиям, которые влекут за собой правовые последствия. Это, например, подготовительные работы по сбору, регистрации и изучению различной информации при разрешении судебного дела, ознакомлению с письмами и заявлениями граждан и т. д.

Функции государства характеризуются не только своими особыми формами, но и методами их реализации. Под методами и осуществлением государственных функций понимаются методы или средства деятельности государственных и неправительственных органов и организаций, направленные на решение проблем, с которыми сталкивается государство на определенном этапе своего развития.

Эти методы включают, прежде всего, убеждение и принуждение, рекомендации и поощрение.

Убеждение – это побуждение субъектов к определенной деятельности, соответствующей их воле, без силового давления, обеспечивающего свободу воли. Убеждение может быть реализовано с помощью позитивных правовых средств, таких как субъективные права, законные интересы, выгоды и т. д.

Принуждение – это склонение людей к определенным действиям с помощью силового давления (против воли контролируемых), которое ограничивает их свободу действий. Принуждение может осуществляться с помощью юридических средств, таких как превентивные меры, увольнения, штрафы и т. д.

Рекомендация состоит в том, чтобы сосредоточиться на поведении, которое желательно с точки зрения общества и государства.

Поощрение – зачастую реализуется через систему стимулов, стимул следовать образу поведения, в котором заинтересованы общество и государство, стимулирующему общественно полезную деятельность.

Выводы. Методы материального и финансового стимулирования, планирования и прогнозирования широко используются при выполнении государственных функций, непосредственно влияющих на сферы экономики и финансов.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что в юридической литературе нет единого мнения о понятии "функция государства". Наиболее распространенным является понимание функции государства как основного направления (магистрального направления) его деятельности, выражающего сущность и социальное предназначение государства. В связи с многообразием мнений различных ученых выделяется концепция, функция государства – это его способность работать в определенном направлении, что определяется сущностью государства, реализуемая в подходящих условиях для решения стоящих перед ним задач. На сегодняшний день в юридической литературе вопрос о классификации функций государства остается спорным. Классификация функций государства должна основываться на наиболее важных характеристиках, которые являются объективными и помогают упорядочить материал в соответствии с его внутренней связью. В теории государства наиболее распространенным и признанным является разделение функций (по направленности) на внутренние и внешние, т.е. определять деятельность

государства по отношению к обществу, особой организацией которого является государство (внутренняя функция), и по отношению к другим обществам, организованным государством, другому государству (внешняя функция).

Таким образом, действующая правовая доктрина предусматривает подробное разделение существующих функций государства. Однако приведенный выше перечень не является исчерпывающим. Анализ научных споров по поводу классификации функций показывает, что почти во всех случаях, когда обсуждаются функции государства, речь идет о деятельности и роли государства, а функции государства в любой исторический период обусловлены объективными социальными потребностями и не являются стабильными и не изменяемыми.

Список источников:

1. Скакун О.Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): учебник / О.Ф. Скакун. – Харьков: Эспада, 2014. – 840 с.
 2. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2018. – 768 с.
 3. Зорченко Е.А.. Теория государства и права : пособие / Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. - Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. — 308 с.
 4. Спиридонов Л.И. Теория государства и права: учебник / Л.И. Спиридонов. – М.: Инфра-М, 2011. – 304 с.
 5. Морозова Л.А. Функции Российского государства на современном этапе // Государство и право. – 2013. – № 6. – С. 98-108.
 6. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2002. – 616 с.
 7. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория права и государства в схемах и определениях: учебное пособие. – М.: Норма, 2020. – 256 с.
 8. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт, 2002. – 432 с.
 9. Общая теория права : Курс в 2-х томах. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.
- Балашов А.И. Правоведение: учебник / под ред. А.И. Балашова. – 6-е перераб., доп. и перераб. – СПб.: Питер, 2015. – 544 с.